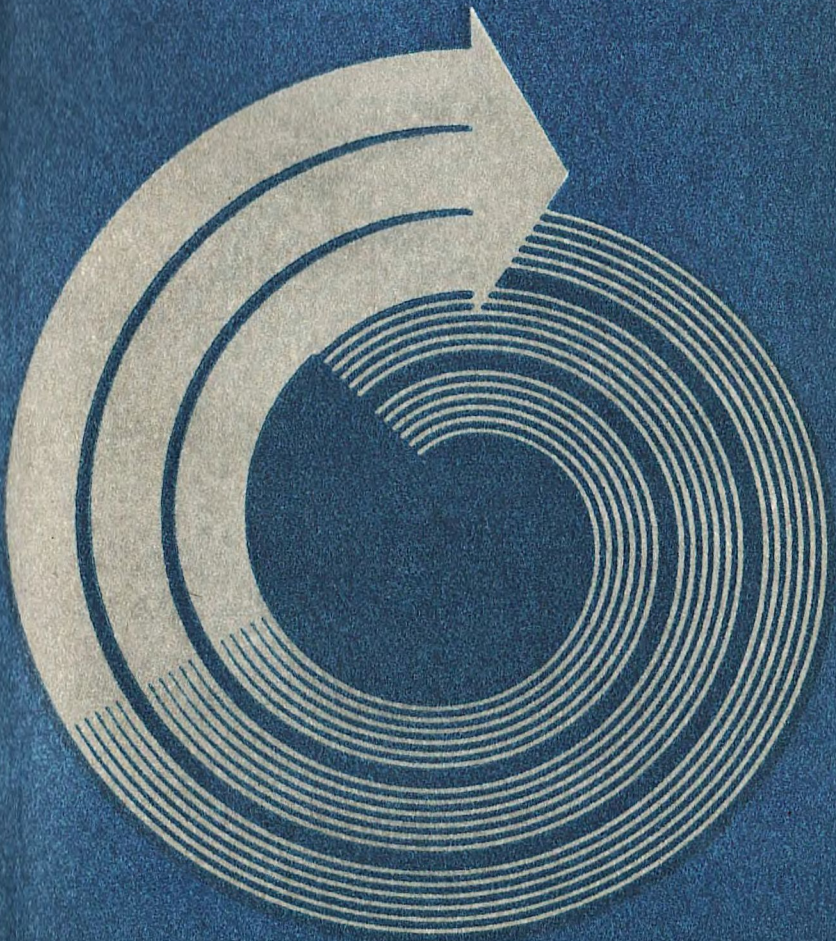
В. П. ОГОРОДНИКОВ

ПОЗНАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ



В. П. ОГОРОДНИКОВ

ПОЗНАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ

ДЕТЕРМИНИЗМ КАК ПРИНЦИП НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1985

ББК 15.1
О-39

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты: д-р филос. наук Н. Т. АБРАМОВА
д-р филос. наук Н. З. НАЛЕТОВ

Исследуется диалектико-материалистическая концепция детерминизма как узловое звено целостной развивающейся системы научного мировоззрения. Значительное внимание уделено анализу формирования коммунистического мировоззрения, рассмотрению объективных и субъективных детерминантов этого процесса. Дана развернутая критика современных антимарксистских концепций социального развития.

Для преподавателей-обществоведов, аспирантов философских факультетов и отделений университетов, слушателей университетов марксизма-ленинизма.

О $\frac{0302020000\text{-}039}{004(01)\text{-}85}$ 24-85

© Издательство «Мысль». 1985

Введение

Формирование у советских людей научного мировоззрения — одна из важнейших задач всестороннего совершенствования развитого социализма. Это программное для КПСС положение еще раз было особо подчеркнуто на XXVI съезде партии, на июньском (1983 г.) и апрельском (1984 г.) Пленумах ЦК КПСС.

Все представления, идеи, убеждения, входящие в состав мировоззрения, так или иначе выражают отношения связи и обусловленности мира. При этом человека всегда интересовали необходимые, существенные, устойчивые и повторяющиеся связи — законы, ибо познание закономерного — основа объяснения окружающей действительности и формулирования задач по ее целесообразному преобразованию.

Практическая деятельность человека, становление его мировоззрения неразрывно связаны с познанием необходимости. «Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида, — писал В. И. Ленин, — и развитие коллективных знаний всего человечества на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас»» [4, т. 18, с. 197]. Познанная необходимость — основание свободы человеческой деятельности.

Знание необходимости не дается непосредственно, в чувственном восприятии. Мировоззрение нашего современника проходит в своем становлении путь, сходный с тем, что прошло человечество за многие тысячелетия развития — от веры в сверхъестественные свойства сказочных персонажей, иллюзорных представлений о связях и отношениях мира, противопоставления необходимости и случайности и надежд на «счастливый случай» до познания объективной необходимости наиболее общих отношений, связей и свойств природы и общества в их взаимодействии. Далеко не все члены общества в равной мере овладевают научным мировоззрением. Многие останавливаются на полпути к нему, некоторые

до конца жизни «задерживаются в детстве» остаются в плену веры в сверхъестественное, всевозможных суеверий.

«Многознание уму не научает», — говорил древнегреческий мудрец Гераклит. Переживаемый нами сегодня «информационный взрыв» имеет своим негативным следствием возможность легкого приобретения поверхностного многознания, часто приводящего к включению в обыденное мировоззрение взглядов и представлений, несовместимых с материализмом. Вера в летающие тарелки и экстрасенсов, увлечение древними и составленными с помощью ЭВМ последнего поколения гороскопами, рецидивы спиритизма, старые и новые суеверия — все это странно уживается в мировоззрении некоторых граждан со строго научными воззрениями в узкоспециальных областях знания. Указанные факты, как справедливо отмечает Г. Л. Смирнов, наносят огромный вред социальному прогрессу, приводят к искажению восприятия и усвоения идеологической информации [см.: 184, с. 15].

Антинаучное мировоззрение спекулирует на трудностях современного естествознания, извращенно интерпретирует некоторые научные открытия. Наблюдающееся в последнее время усиление идеологической борьбы сопровождается яростными атаками буржуазно-идеалистической философии на диалектический материализм, на научное мировоззрение. Пропагандировавшаяся на Западе до середины 70-х годов нашего столетия концепция деидеологизации уступила место рейдеологизации, объявившей открытую войну коммунистической идеологии, марксизму-ленинизму. В постановлении Пленума ЦК КПСС от 15 июня 1983 г. отмечается, что «на международной арене происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений» [7, с. 68]. В этих условиях неизмеримо возрастает значение разработки проблемы структурных оснований мировоззренческой системы и методологии ее становления.

Одним из главных оснований мировоззренческой системы, узловым звеном ее структуры, на протяжении всей истории человеческой мысли выступают представления о необходимости и случайности, причине и следствии, возможности и действительности, законе и тому подобные детерминистские представления. Они одновременно играют роль и методов познания мира, и

принципов объединения выработанных взглядов, идей, убеждений в целостное мировоззрение. Подчеркивая фундаментальную роль детерминистских представлений в процессе формирования мировоззрения, В. И. Ленин указывал на необходимость того, «чтобы философ заботился о цельном, охватывающем и теорию и практику, миросозерцании, построенном на детерминизме...» [4, т. 18, с. 199].

В связи со сказанным вполне объяснимо то усиливающееся внимание, которым в последние годы у советских философов пользуются как теория детерминизма, так и мировоззренческая проблематика.

Среди монографических исследований по общей теории детерминизма, увидевших свет в 70-х — начале 80-х годов, представляют интерес работы Я. Ф. Аскина, В. Г. Иванова, А. С. Кравца, В. И. Купцова, И. З. Налетова, М. А. Парнюка, Б. Я. Пахомова, Н. В. Пилипенко, Ю. В. Сачкова, Г. А. Свечникова и др. Многие авторы рассматривают конкретные случаи действия принципа детерминизма на том или ином уровне организации материи или в познании, что вносит большой вклад в уточнение методологической функции этого принципа (работы Н. Т. Абрамовой, Г. М. Борисова, В. Г. Борзенкова, В. С. Вишаренко, В. Т. Ефимова, М. Л. Лезгиной, Л. А. Микешиной, Г. Я. Мякишева, В. Ф. Паркина, В. П. Петленко, С. С. Разумовского, Р. С. Сейфуллаева и др.).

Всевозрастающее число публикаций по мировоззренческой тематике связано в основном с уточнением содержания понятия «мировоззрение» (книги А. Б. Бальсиса, А. И. Игнатова, В. С. Овчинникова, Г. В. Платонова, А. С. Тонких, П. Н. Федосеева, В. Ф. Черноволенко и др.) и весьма важными исследованиями мировоззренческих выводов из современных естественнонаучных теорий (монографии П. В. Алексеева, Е. М. Бабосова, Р. С. Карпинской, И. В. Мартынычева, И. Б. Новика, И. Т. Фролова и др.).

Связь мировоззренческой позиции с детерминистскими представлениями делает особенно важным изучение оснований этой связи. Однако в нашей философской литературе практически отсутствуют работы, специально посвященные выяснению места и роли детерминистских представлений в системе мировоззрения, уточнению функции детерминистских представлений, теории и принципа детерминизма как методологии формирования мировоззрения, критике детерминистских оснований

буржуазного мировоззрения. С другой стороны, не выработано пока четких критериев вычленения на философском уровне типов, форм и видов детерминации процесса становления, развития как процесса необходимости. В связи с этим почти не уделяется внимания выяснению мировоззренческой роли представлений о качественном многообразии типов и форм детерминации.

Раскрытие указанной проблематики и составляет основную цель предлагаемого исследования. На пути достижения этой цели стоит целый ряд задач, последовательное решение которых определило структуру работы.

С учетом отмеченного В. И. Лениным факта восхождения основного информационного потока знания о мире и его законах от естествознания [см.: 4, т. 25, с. 41] данное исследование открывается рассмотрением процесса формирования и функционирования детерминистских представлений в современном естественнонаучном мировоззрении.

Далеко идущие мировоззренческие выводы связаны с той или иной интерпретацией соотношения детерминизма и причинности, возможности и действительности, необходимости и случайности и других моментов детерминационной зависимости, нашедших выражение в соответствующих категориях и теории детерминизма. В связи с этим основную смысловую и содержательную нагрузку несут центральные главы работы, посвященные уточнению онтологического содержания понятия «детерминация» в сопоставлении с другими категориями, опосредующими принцип детерминизма. Анализ естественнонаучного материала выступает основанием разработки теории типов, форм и видов детерминации, выяснения мировоззренческой роли предлагаемой типологизации детерминационных отношений.

Применение диалектико-материалистической концепции детерминизма в рассмотрении современных буржуазных философско-мировоззренческих концепций позволило продемонстрировать их несостоятельность, неразрывную связь с индетерминизмом и метафизическим детерминизмом, определяющую антинаучный характер данных концепций.

Предлагаемая в работе версия диалектической связи типов детерминации, отличия последних от форм детерминации помогает уточнить специфику детерминации развития общества, вскрыть мировоззренческое значе-

ние понимания данной специфики и подвергнуть аргументированной критике социальные теории Запада, обнажить их классовый характер.

Лейтмотивом исследования является обоснование того факта, что в научном мировоззрении познание необходимости приобретает конкретную форму познания детерминизма как «относительной необходимости» (Маркс), как сущности процесса перехода возможности в действительность. Такое понимание чрезвычайно важно для решения многих острейших мировоззренческих проблем: направленности развития, места человека в общем эволюционном процессе, соотношения свободы и необходимости в деятельности человека, а следовательно, целесообразности, осмысленности его бытия и многих других.

Автор выражает глубокую признательность докторам философских наук Абрамовой Н. Т., Иванову В. Г., Ильину В. В., Налетову И. З., Овчинникову В. С., доктору юридических наук Баскину Ю. Я., кандидатам философских наук Елфимову Г. М., Филиппову Г. Г. за советы, рекомендации, критические замечания, которые помогли в работе над книгой.

Глава I

Идея детерминизма в естественнонаучном познании

1. Взаимосвязь мировоззрения и детерминистских представлений

Многообразие часто противоречивых интерпретаций мировоззрения вносит в настоящее время большую неопределенность в исследования[1]. На наш взгляд, неоднозначность в определении мировоззрения связана во многом с моментом конвенциональности в процессе его разработки. Такой момент присутствует всегда, когда онтологическое основание понятия не может четко его ограничить (в силу связи объективного и субъективного в содержании понятия).

Представляется целесообразным выделить следующие главные характеристики мировоззрения: 1) системность (согласованность взглядов и представлений, входящих в мировоззрение); 2) активность (связь с деятельностью, определяющая активный характер мировоззрения); 3) партийность (связь с интересами определенных общественных групп и классов); 4) направленность на вопросы о происхождении, строении и изменении окружающей действительности, месте и характере связи человека с этой действительностью, миром.

Вряд ли можно включить в характеристику мировоззрения обязательную связь с философскими принципами, и тем более познанием предельно общего, всеобщего [см.: 162, с. 5]. Подобные характеристики суживают понятие мировоззрения, приводят к отождествлению его с философией, философским мировоззрением [см.: 189, с. 28]. Такое отождествление на сегодняшнем уровне разработки понятий «философия» и «мировоззрение» недопустимо, так как отрицает мировоззренческий характер донаучных, обыденных, естественнонаучных и тому подобных воззрений на мир и

[1] Достаточно полный анализ существующих дефиниций понятия «мировоззрение» предпринят в работах Бальсис А. Б. [см. 24] и Тонких А. С. [см. 189].

человека; носителем мировоззрения становится лишь философ. Научное, диалектико-материалистическое мировоззрение представляет собой высший тип мировоззрения, высшую форму его исторического развития. Этой высшей форме исторически и логически предшествует целый ряд форм мировоззрения, из которых она выросла и которые сопутствуют научному мировоззрению и поныне.

Для различных исторических форм мировоззрения можно определить различные принципы, лежащие в их основании. Уже в первобытную эпоху представления о той или иной обусловленности событий, фиксируемых в человеческом сознании, необходимом или случайном их характере выступали организующим моментом для разрозненных взглядов на природу и человека, основой их согласования. На протяжении всей человеческой истории основные представления об обусловленности процессов тесно связаны с проблемой природы источника изменений в мире, их причины. В античности были реализованы три возможных варианта интерпретации: источник изменения вне природы — нечто сверхъестественное; источник изменения вне природы — воля и сознание человека; источник изменения внутри природы, природа — причина самой себя. Приведенная здесь последовательность вариантов объяснения процессов в известной мере воспроизводит исторические этапы сопряженного становления детерминистских представлений и мировоззрения. Ясно видна связь этих объяснений с решением основного вопроса философии.

Основной вопрос философии в неявной форме присутствует в любой мировоззренческой системе (как и в любой философской системе) и определяет ее направленность. В соответствии с этой направленностью вполне оправданно выделение двух основных типов мировоззрения — материалистического и идеалистического. Отмечая тесную связь решения основного вопроса философии с детерминистскими представлениями, В. И. Ленин указывал, что «субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм...» [4, т. 18, с. 159].

В то же время из основного вопроса философии нельзя вывести все мировоззренческие вопросы. Важнейшей характеристикой мировоззренческой системы является и основной метод, использующийся для согласования отдельных мировоззренческих элементов (знаний, убеждений, взглядов) в системе мировоззрения. В за-

висимости от используемого метода мировоззренческая система может: 1) представить окружающую действительность в ее объективной внутренней противоречивости, являющейся источником изменения, в единстве необходимого и случайного — диалектическое мировоззрение; 2) видеть источником изменения мира внешнее воздействие, постулировать полную повторяемость или абсолютную неповторимость событий, абсолютно необходимый либо абсолютно случайный их характер — метафизическое мировоззрение.

Диалектическое и метафизическое мировоззрения являются основными логическими формами всех мировоззренческих систем. Сопоставление предложенных основных типов и форм мировоззрения с историческими формами мировоззрения выявляет общий характер первых по отношению ко вторым. Каждую историческую форму мировоззрения можно охарактеризовать с позиций соответствующего типа и логической формы.

Исторические формы мировоззрения различаются также по способу получения представлений, мнений и убеждений, входящих в мировоззренческую систему. Для донаучного мировоззрения это предметно-чувственный общественный опыт, непосредственное созерцание. Естественнонаучное мировоззрение строится на основе объединения знания, полученного в результате научного исследования определенной, достаточно узкой предметной области, и экстраполяции основных выводов на другие предметные области. Философское мировоззрение выступает как единство философского взгляда на мир и по существу смыкается с конкретной философской системой. Научное, диалектико-материалистическое мировоззрение обобщает на основе диалектико-материалистической теории главные выводы естественных и общественных наук и вырабатывает целостную, универсально применимую, внутренне согласованную систему принципов и убеждений в отношении мира, человека и их взаимосвязи. Обыденное мировоззрение является результатом достаточно случайного объединения представлений, сведений и мнений, полученных в непосредственном личном опыте, который служит основанием поверхностной систематизации всех данных, хотя бы в одном отношении с ним согласующихся.

Любое мировоззрение включает в себя аспект системного знания о мире и поэтому не может обойтись без решения вопроса об источниках и основаниях такой системы. Мировоззрение включает в себя также аспект

эволюционных представлений о мире, его изменении и потому должно обращаться к вопросу о причинах, движущих силах такого изменения. Наконец, мировоззрение включает в себя деятельностное отношение к миру, отвечает на вопросы о возможности, целях и путях его изменения человеком. Таким образом, всякая мировоззренческая система базируется на представлениях детерминистского характера — представлениях о необходимой или случайной связи моментов действительности, возможности и вероятности изменений в мире, причинных и непричинных факторах таких изменений, закономерном или произвольном характере зависимостей. Все понятия, отражающие процессы взаимодействия и взаимообусловленности явлений реального мира, входят в систему категорий детерминизма.

Следует различать онтологические и гносеологические основания связи детерминистских представлений и мировоззрения.

К онтологическим основаниям относится прежде всего материальное единство мира и диалектический характер законов его взаимодействия. Более или менее правильное отражение этого объективного единства и диалектики в сознании формирует и детерминистские представления, и мировоззрение. Мировоззрение начинает с детерминистских представлений, с решения вопросов о причине, источнике изменений, необходимом или случайном их характере, возможности или невозможности для человека вмешаться в ход природных или социальных процессов, методах воздействия на них. Связь и зависимость отдельных элементов знаний, убеждений, взглядов, мнений и т. п. в составе мировоззрения, т. е. мировоззренческая структура, во многом определяется представлением об объективной связи и зависимости тех моментов действительности, которые отражены данными знаниями, убеждениями, взглядами, мнениями и т. п. Если представления об объективной взаимосвязи смутны, это неминуемо проявляется в нечеткости, непоследовательности мировоззрения, в его внутренней формально-логической противоречивости. Так представление о детерминированности мира обусловливает систему всех остальных воззрений на мир.

Указывая на связь детерминистских представлений с познанием мира, В. И. Ленин писал: «Тысячелетия прошли с тех пор, как зародилась идея „связи всего", „цепи причин". Сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию

познания бесспорно доказательную» [4, т. 29, с. 311]. Идеи связи и причинного отношения рождались в деятельности. Поэтому проследить развитие этих идей возможно лишь при рассмотрении эволюции общественного производства. Главные функции практики в отношении познания одновременно определяют и ее роль в развитии детерминистских представлений. Практика — начало, исходный пункт и основание детерминистских взглядов. Уже примитивное первобытное производство вырабатывает понятие взаимосвязи и зависимости явлений. Наши далекие предки в процессе деятельности получили, например, представление о трении как причине разогревания тел и применили это представление на практике, при добывании огня.

Представление о сложном, многокачественном отношении детерминации не могло появиться прежде достижения определенного уровня развития производства материальных благ и обусловленного этим развития научного знания. Так, представление, абсолютизировавшее однозначную и необходимую причинно-следственную зависимость как единственную зависимость между моментами мира, сформировавшееся еще в Древней Греции, было окончательно отвергнуто наукой только на рубеже XIX и XX вв. (как будет далее показано, рецидивы этого представления встречаются и поныне) в связи с проникновением науки в микромир. Данный факт свидетельствует также о том, что практика — критерий истинности детерминистских представлений и их цель.

Такую же связь с практикой имеет и мировоззрение. Мировоззрение рождается из практики как стремление объяснить все окружающее на основании экстраполяции ограниченных данных, полученных в процессе конкретной деятельности, на мир в целом и все его взаимодействия. Эта же экстраполяция используется вместе с тем и в попытках изменения окружающего. И в объяснении, и в изменении мира при помощи мировоззренческих установок невозможно обойтись без детерминистских представлений. Как подчеркивает В. Г. Иванов, «*детерминизм и объяснение связаны неразрывной интимной связью. Объяснить явление — значит вскрыть ту систему детерминаций, следствием которой оно является*» [80, с. 96]. Ясно, что без анализа этой системы невозможно и целенаправленное воздействие на данное явление. С другой стороны, как уже отмечалось, без рассмотрения системы объективных детерминаций мира невозможно построить целостное мировоззрение.

Не потому ли большинство авторов, исследовавших первобытное мировоззрение, отметили отсутствие системности в том и в другом? Леви-Брюль, например, указывал на то, что у первобытного человека понятия «причина» и «следствие» не связаны логическим обобщением и поэтому причиной и следствием называются любые события, совмещенные во времени или в пространстве [см.: 109, с. 314]. Характерен описываемый им случай враждебного отношения членов племени, находившихся на первобытнообщинном уровне развития, к миссионерам. Последние надевали во время богослужения особый головной убор, что было охарактеризовано как причина последовавшей после богослужения засухи [см.: 109, с. 44].

Случайный, бессистемный характер соединения различных сведений о мире, отсутствие логически обобщенных детерминистских представлений нашли отражение в мифологическом мировоззрении. Донаучное мировоззрение синкретически соединяло в себе реальное и мистическое. При этом противоречие между первым и вторым не замечалось. Такое единство основывалось на отсутствии систематизированных детерминистских представлений, ибо мифологическое мышление не различало необходимого и случайного, в силу чего сверхъестественное и естественное не вступали в мифологическом мировоззрении в противоречие [см.: 32, с. 17].

Свойственная всякому мировоззрению экстраполяция принципов получения и обобщения знаний об одной области действительности на другие на уровне донаучного мировоззрения проявляется в переносе познанных в первом приближении человеческих качеств и особенностей взаимодействий между людьми на окружающую природу. Такая экстраполяция была вынужденным актом перед лицом непознанных природных закономерностей. Антропоморфизм донаучного мировоззрения ярко проявился в приписывании богам всех человеческих качеств. Достаточно перечитать «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, чтобы убедиться в том, что боги (с позиций мифологии) могут быть коварны и простодушны, мужественны и трусливы, как люди: они страдают и радуются, предаются пьянству и прелюбодеянию. Связь древнегреческой мифологии с общественной жизнью того времени настолько сильна, что Ф. Энгельс без колебания выбирает миф основанием для анализа семейно-брачных отношений в Древней Греции [см.: 1, т. 21, с. 65—66, 103—104, 136—137].

Мифология обнаруживает явную связь с религией. Однако их необходимо различать. По определению Ф. Энгельса, «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [1, т. 20, с. 328]. Религия так же антропоморфна, как и мифология, однако в мифологии явно присутствует стремление не подчиниться силам природы, а «подчинить» последние человеку в фантастическом их олицетворении, «уравнивании в правах» с известными, доступными освоению и воздействию человеческими отношениями. На это прямо указывает К. Маркс: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы» [1, т. 12, с. 737]. Таким образом, в мифологии проявляется величие человеческого духа, не склоняющегося перед грозными непознанными силами природы, в то время как в религии представлена противоположная тенденция—смирение, подчинение этим силам, страх и робость перед ними.

Следует также различать религию доклассовых обществ, наиболее тесно смыкающуюся с мифологией и представляющую собой разновидность донаучного мировоззрения, и религию классовых обществ, сосуществующую с философией и наукой и являющуюся уже антинаучным мировоззрением. Принципиальное отличие этих видов религий выясняется из анализа известного положения К. Маркса: «...религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял» [1, т. 1, с. 414]. Человек первобытного общества — необретший себя человек, не выделивший себя из окружающего мира и потому не получивший возможности объяснить этот мир естественно — из него самого. Для человека классового общества источником религиозного чувства является потеря себя, своего я, суверенности своей личности уже не перед слепыми силами природы, а перед враждебной стихией (поскольку она остается непознанной) общественных процессов.

«Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное»,

«неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — писал В. И. Ленин, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист...» [4, т. 17, с. 419].

В приведенных ленинских словах мы находим указание на связь религии как формы мировоззрения с утратой (или необретением) представлений об объективных детерминантах социальных (или природных) процессов, с абсолютизацией случайного (понимаемого как неопределенное, непознаваемое). Непредугадываемая стихия божественного промысла — одно из оснований религиозного мировоззрения, отличающее его от мифологии, в которой всякое явление действительности получает вполне определенное (хотя и фантастическое) объяснение действием некоторых воображаемых сил. «*Миф*, — отмечал Г. В. Плеханов, — *есть первое выражение сознания человеком причинной связи между явлениями*» [160, с. 331].

Понятия «необходимость» и «случайность», находясь в явной зависимости от трактовки причинной связи, играли вместе с тем ведущую роль в становлении детерминизма как основополагающего мировоззренческого и методологического принципа.

Та или иная интерпретация необходимости и случайности нередко определяла направленность всей философской системы, ориентацию ее на тот или иной тип мировоззрения.

Внутри атомистической концепции Левкиппа — Демокрита и Эпикура основной проблемой, критерием, относительно которого произошло размежевание данной теории на две существенно различные как в мировоззренческом, так и в методологическом отношении концепции, была, как убедительно показал К. Маркс, проблема статуса случайности [см.: 2, с. 35—37]. Демокрит, отрицая случайность, как следствие незнания истинных причин, положил начало метафизической трактовке детерминизма. Детерминизм этого направления нашел в дальнейшем свое обоснование и развитие в трудах Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Р. Декарта, Ж. Ламетри, П. Гольбаха, Д. Толанда, А. Коллинза, Д. Пристли и других философов нового времени, получив логическое завершение в учении П. Лапласа. Основания подобной концепции разрабатывались в трудах естествоиспытателей нового времени, прежде всего И. Ньютона и К. Линнея.

Анализируя данный период развития науки, Ф. Энгельс отметил, что его характеризует «выработка своеобразного общего мировоззрения, центром которого является представление *об абсолютной неизменяемости природы*» [1, т. 20, с. 348]. Существенным и главным постулатом этого мировоззрения было отождествление детерминизма с однозначной и необходимой причинной зависимостью, представление о качественной «монодетерминированности» событий (все определено лишь причинно). С коренным пересмотром этого постулата связана революция, пережитая естествознанием в конце XIX — начале XX столетия.

С другой стороны, учение Эпикура о самопроизвольном отклонении атома от прямой линии дало начало двум противоположным тенденциям: 1) абсолютизации «ничем не определенной» случайности в развитии мира — индетерминизму как основе антинаучного мировоззрения; 2) признанию случайности объективным детерминантом действительности — важнейшей предпосылке диалектической трактовки детерминизма и научного, диалектико-материалистического мировоззрения.

Большинство домарксовских материалистических учений придерживалось концепции Демокрита как твердого основания в объяснении окружающего. Независимость от природы во многом определяется умением предвидеть, предсказать будущее, а одно-однозначная причинно-следственная цепь, элиминируя случайность, предоставляла возможность однозначного предсказания будущего состояния объекта или процесса. Именно поэтому метафизическая концепция детерминизма имела такой успех у философов-материалистов.

Идеи диалектической взаимосвязи необходимости и случайности получили свое развитие в Новое и Новейшее время в связи с известными открытиями естествознания. В конце XVIII — начале XIX в. основы диалектической разработки концепции детерминизма были заложены в трудах идеалистического направления, и прежде всего в работах Канта и Гегеля.

Впервые показав необходимость как процесс, Гегель выявил три главных момента этого процесса (опосредствования) — условие, предмет и деятельность [см. 59, т. 1, с. 326]. В противоположность концепции Демокрита, которая была ориентирована на одно-однозначную монодетерминированность, а качественное многообразие типов детерминации игнорировала и сводила к причинности, учение Гегеля впервые обращало внимание на

качественное различие детерминирующих факторов. Положения гегелевской диалектики способствовали становлению диалектической концепции детерминизма, открывали пути понимания диалектического единства необходимости и случайности. Однако современное Гегелю естествознание «предпочло просто игнорировать эти положения как парадоксальную игру слов...» [1, т. 20, с. 535], продолжая использовать в качестве методологического основания метафизическую версию причинности.

К началу XIX столетия под влиянием дальнейшего становления таких учений, как теория вероятностей, основы которой заложили еще в XVII в. Б. Паскаль, П. Ферма и Х. Гюйгенс, а также возникшая в эти же времена социальная статистика (Д. Граунт, В. Петти), сформировался целый ряд вопросов, неразрешимых с позиций лапласовского детерминизма:

1) как совместить теорию детерминизма (в метафизической трактовке) с эмпирическими наблюдениями, выявляющими отклонения от необходимости, отсутствие «чистого» проявления закона во всех его конкретных воплощениях?;

2) как совместить механизм лапласовского детерминизма с теорией вероятностей, оперирующей понятием «случайность»?;

3) как решить проблему свободы воли в связи с установлением социальной статистикой того факта, что даже самые случайные на первый взгляд человеческие действия (например, вступление в брак) содержат в себе скрытую необходимость?

В связи с экспликацией второго вопроса интересно отметить странное сочетание в трудах Лапласа идей метафизического детерминизма, отрицающего случайность, с разработкой теории вероятностей, на этой случайности основывающейся. Однако это кажущееся противоречие. В трудах Лапласа, в особенности в «Опыте философии теории вероятностей», отмеченные два момента мирно уживаются только потому, что Лаплас, связывая (в полном соответствии с концепцией Демокрита) случайность с незнанием причин, также субъективистски истолковывает и вероятность, относя ее к человеческому знанию о процессе (объекте), но не к самому процессу (объекту). Вероятность, по Лапласу, «в сущности не что иное, как здравый смысл, сведенный к исчислению: она заставляет оценивать с точностью то, что справедливые умы чувствуют как бы инстинктом, часто не умея отдать себе в этом отчета» [108, с. 205].

Индетерминизм, получивший в XIX столетии некоторое распространение как в философских, так и в естественнонаучных концепциях, явился во многом негативной реакцией на лапласовскую трактовку детерминизма, которая не давала и не могла дать ответ на указанные вопросы. Вместе с тем индетерминизм был лишь «оборотной стороной» лапласовского детерминизма и имел с последним общее основание — метафизическое противопоставление необходимости и случайности. Разница состояла в том, что индетерминизм абсолютизировал случайность, отказываясь от признания объективной необходимости.

Можно выделить идеалистический и «объективный» индетерминизм. Первый представляет собой попытку борьбы с материалистическим учением о естественной взаимосвязи и взаимодетерминации всех вещей мира. Такое направление, утверждая примат случайности над необходимостью, отбрасывает взаимосвязь и причинную обусловленность моментов действительности и абсолютизирует случайность, объявляя ее атрибутом мистической идеи или бога. В начале XIX столетия идеалистический индетерминизм был представлен прежде всего работами французских спиритуалистов В. Кузена, Ж. де Местра, М. де Бирана. В дальнейшем подобные взгляды исповедовались А. Бергсоном и большинством сторонников интуитивизма, религиозными экзистенциалистами и представителями «контингентности» А. Лаландом и Р. Жоливе, а позднее Э. Бутру, «философия случайности» которого оказала значительное влияние на философскую мысль в конце XIX — начале XX в. «Объективный» индетерминизм (случайность — объективная основа мира) развивали Ж. Кювье, Ж. Теннери, Б. Борель, П. Дюгем, Г. Мильхуд.

Последовательный индетерминизм противопоставляет идее качественной «монодетерминированности» абсолютизированную количественную «полидетерминированность», доходя до представления о бесчисленном множестве детерминаций (что делает невозможным предсказание последующих состояний объекта). Подобный «количественный» подход выходит за рамки и количества, и качества (так как упраздняет меру) в «дурную» бесконечность.

Вместе с тем целый ряд мыслителей пытался решить сформулированные выше вопросы, опираясь на материалистические постулаты и используя при этом основания теории вероятностей, для чего необходимо было

философски интерпретировать данные основания. Решая эту задачу, французский ученый середины XIX столетия О. Курно определил случайность как следствие пересечения независимых причинных рядов, а необходимость — как следствие пересечения зависимых (до момента пересечения) друг от друга причинных рядов [см.: 106, с. 85—86]. Однако эта точка зрения (которую позднее развивал также и Г. В. Плеханов) делит мир на «чистые» случайности (пересечение независимых рядов) и «чистые» необходимости (пересечение зависимых рядов) и основана в данном случае на стремлении свести детерминизм к причинным связям (разновидность концепции качественной монодетерминированности).

Дальнейшее развитие естествознания более четко обрисовало главные контуры дилеммы качественной моно- и полидетерминированности процессов, вскрыло мировоззренческую и методологическую несостоятельность первой альтернативы.

Однако вступив в Новое время, мы не можем уже обойтись без констатации связи философских концепций с соответствующими естественнонаучными учениями. Это требует в свою очередь рассмотрения специфики естественнонаучного мировоззрения.

Несмотря на значительное число работ, посвященных данному вопросу, понятие «естественнонаучное мировоззрение» нельзя признать общеупотребительным или устоявшимся в силу уже отмеченной полисемии исходного понятия «мировоззрение». Если встать на достаточно распространенную точку зрения, что мировоззрение — система любых (научных, ненаучных, донаучных, антинаучных, обыденных и т. д.) знаний, представлений, принципов, убеждений об устройстве мира и характере связи человека с действительностью (месте человека в мире), то естественнонаучное мировоззрение можно определить как систему естественнонаучных знаний, принципов, взглядов и т. п. относительно данной предметной области, экстраполируемую (стихийно или сознательно) на другие области действительности. Классическим примером такого мировоззрения выступает механицизм, распространяющий на природу и общество представления и принципы, выработанные механикой XVII—XVIII вв.

Механицизм был перенесен в философию, слился с философским мировоззрением в метафизическом материализме. Стержнем этого мировоззрения был детерминизм лапласовского толка. Именно на основании де-

терминистских представлений, абсолютизирующих необходимую причинно-следственную связь в мировых взаимодействиях и отрицающих случайность, происходила выработка мировоззрения, сообразно которому в природе происходят лишь количественные, но не качественные изменения. Такое мировоззрение проистекало из естествознания, но не ограничивалось областью естественных наук, а проникало и в обыденное сознание, и в философию. Однако это не означает, что в данном случае мы имеем дело с единым мировоззрением, нивелирующим деление на обыденное, естественнонаучное, философское и т. п. формы мировоззрения. Специфика каждой из этих форм продолжает сохраняться, но для всех их на рассматриваемом этапе становится характерен метафизический стиль мышления.

Разные по типу и конкретно-исторической форме мировоззрения могут принадлежать к единой логической форме — метафизической или диалектической, в зависимости от стиля мышления. М. Ф. Веденов и Ю. В. Сачков показали связь стилей мышления в естествознании с детерминистскими представлениями и прежде всего с представлениями о том или ином статусе необходимости и случайности, о их связи в реальных взаимодействиях. Мы принимаем выделение ими двух противоположных стилей научного мышления в естествознании: стиля, основанного на схеме «жесткой» детерминации, абсолютизирующего однозначную необходимую причинную связь, и вероятностного стиля мышления, связанного с включением случайности в структуру теории, признанием объективного характера случайности [см.: 48, с. 12, 19].

Вместе с тем понятие «стиль мышления» все еще является достаточно дискуссионным. Стиль мышления определяют и как «систему принципов логического построения теории» [см.: 82, 56], и как совокупность «некоторых канонов мышления, стандартных представлений и исходных фундаментальных понятий, на основе которых строится научное объяснение» [см.: 92, 112], и как нечто связанное с парадигмой (образцом, или моделью) научного объяснения, и как нечто близкое к научной методологии. Все эти соображения оттеняют те или иные стороны стиля мышления.

Нам представляется целесообразным сопоставить «стиль мышления» с системой основных принципов философского порядка, стихийно или сознательно используемой в исследовании и объяснении природных или

социальных явлений. Такая интерпретация расширяет понятие «стиль мышления», делает возможным использование его в исследовании обыденного, донаучного, философского и других, отличающихся от естественнонаучного форм мировоззрения. В контексте выделения двух основных стилей мышления такое расширительное толкование понятия вполне оправданно, ибо детерминистские представления пронизывают любую историческую форму мировоззрения.

В то же время данная интерпретация позволяет увидеть, что стиль мышления не является исчерпывающей характеристикой естественнонаучного мировоззрения, в которое входят также научные положения, принципы, знания, относящиеся исключительно к данной предметной области и отражающие специфику мировоззрения физика, химика, биолога или других специалистов. Поэтому наряду со стилем мышления уместно использовать представления о научной картине мира, общей концептуальной системе, идее, установке, парадигме и тому подобные, характеризующие различные стороны естественнонаучного мировоззрения.

Подчеркивая важнейшую роль стиля мышления в формировании мировоззрения, нельзя не отметить, что стиль мышления в конечном счете связан не только с формой, но и с типом мировоззрения. Метафизическое противопоставление необходимого случайному или наоборот приводит, как убеждает анализ историко-философского материала, к идеалистическим взглядам. В то же время вероятностный стиль мышления выступает одним из важнейших оснований диалектико-материалистического мировоззрения. Однако тот или иной стиль мышления не может сам по себе определять, служить достаточным основанием для соответствующего типа мировоззрения. Существование материалистического по типу мировоззрения, опирающегося на механицизм, и идеалистического мировоззрения, пользующегося вероятностным стилем мышления, — достаточно наглядное тому подтверждение.

Естественнонаучное мировоззрение в основе своей материалистично, базируется на естественноисторическом материализме, который В. И. Ленин определил как «стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием» [4, т. 18, с. 367]. Вместе с тем подобный стихийный материализм неред-

ко соединяется в естественнонаучном мировоззрении со стихийным или сознательным идеализмом при рассмотрении проблем, выходящих за рамки данного научного знания. Механизм такого синкретизма естественнонаучного мировоззрения В. И. Ленин показал в «Материализме и эмпириокритицизме», раскрыв противоречие между Махом-физиком и Махом-философом.

Глубокие познания в какой-либо естественнонаучной области не гарантируют от рецидивов обыденных и даже антинаучных воззрений при столкновении с другой предметной областью, например областью социальных явлений. Экстраполяция принципов, убеждений, взглядов, которая при этом неминуемо имеет место, не всегда правомерна, что и является основанием ухода от научности, а часто и от материализма. Избежать такой ситуации можно, лишь опираясь на диалектический материализм как всеобщую методологию познания и деятельности, основу научного мировоззрения. Отмечая это обстоятельство, В. И. Ленин писал: «...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания» [4, т. 45, с. 29—30].

«Солидное философское обоснование» — это использование основных принципов и законов диалектического материализма. Важнейшее место принадлежит здесь принципу детерминизма. Многие специалисты-естественники признают это положение и целенаправленно используют принцип и диалектико-материалистическую теорию детерминизма при построении и обосновании своих теорий [см.: 105, с. 63—70; 169, с. 43—143]. Среди основных моментов, определяющих центральное место принципа детерминизма, детерминистских представлений в естественнонаучном мировоззрении, следует отметить фундаментальное значение детерминистских представлений: в выработке определенного стиля мышления; в разработке теории информации, системных исследований; в решении проблем правомерности экстраполяции научных данных одной предметной области на другую; в моделировании процессов; в комплексном исследовании важнейшей мировоззренческой проблемы взаимосвязи необходимого и случайного в эволюции живого на Земле. Всякая естественнонаучная теория может быть интерпретирована как детерминистская, в свою очередь теория детерминизма неизбежно опирается на данные естествознания.

Мировоззренческая и методологическая роль философских принципов в отношении естествознания в спокойные периоды его развития часто остается незаметной для исследователей. Однако эта роль становится весьма заметной и ощутимой в кризисные моменты развития — в моменты локальных и глобальных естественнонаучных революций. Любая такая революция связана с кризисом метода и мировоззрения. Известны слова Ф. Энгельса: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму» [1, т. 21, с. 286]. Так как К. Маркс и Ф. Энгельс понимали под материализмом именно мировоззрение, один из его основных типов, то Ф. Энгельс подразумевает в данном случае смену исторической (а часто и логической) формы материалистического типа мировоззрения. Таким образом, революция в естествознании это прежде всего революция в методе и мировоззрении.

2. Мировоззренческий аспект детерминизма в физике

Судьбы теории детерминизма тесно переплелись с историей естествознания и становлением естественнонаучного мировоззрения прежде всего в физике. Развитие в XIX — начале XX столетия термодинамики привело к краху детерминистские установки, восходящие к Демокриту. Попытки ученых (например, Л. Больцмана) устранить противоречие между статистической интерпретацией термодинамики и лапласовским детерминизмом на основании сведения статистических отношений к динамическим базировались на убеждении в возможности точного вычисления будущих состояний системы при условии выяснения координат и скоростей всех входящих в нее молекул. В фундаменте этого заблуждения лежал традиционный метод элементаризма, применявшийся атомизмом, — поиск «абсолютно первичных» начал и идея качественной монодетерминированности событий.

Открытие кванта, радиоактивности и, наконец, создание квантовой теории привело метафизическую доктрину детерминизма к глубокому кризису, но не уничтожило ее окончательно. Противоречие между квантовой теорией, постулирующей невозможность однозначного предсказания поведения элементарной частицы,

и лапласовским детерминизмом могло быть разрешено на основании трех подходов: 1) поиска каких-то оснований, «реабилитирующих» механическую трактовку детерминизма на микрофизическом уровне; 2) отказа от детерминизма в пользу индетерминизма, объявления микромира царством «чистой» случайности; 3) приведения концепции детерминизма в соответствие с требованиями новой физической теории и экспериментальных данных, «диалектизации» принципа.

Кризис детерминизма был одним из главных симптомов общего кризиса физики конца XIX — начала XX столетия. Это был и кризис старого мировоззрения, старого метода рассмотрения окружающего человека мира — кризис философских оснований естествознания.

Последний из указанных подходов практически никто из физиков (поскольку это была философская задача) последовательно не реализовал. Характеризуя кризис физики, В. И. Ленин указал, что суть его состоит в незнании и непонимании физиками огромной мировоззренческой и методологической роли марксистской диалектики: «Но в том-то и беда Дюгема, Сталло, Маха, Пуанкаре, что двери, открытой диалектическим материализмом, они не видят» [4, т. 18, с. 329]. Эта «слепота» вела многих выдающихся физиков нашего времени к попытке реализовать первый подход — интерпретировать квантовомеханические взаимодействия в классическом духе, найти динамические регулятивы, элиминировать статистичность, неопределенность в квантовой теории.

Более десяти лет пытался ввести квант действия в систему классической теории Макс Планк. Переворот, который произошел в его сознании под воздействием этой безуспешной работы, сам Планк описывал следующим образом: «Провал всех попыток перекинуть мост через эту пропасть не оставил вскоре никаких сомнений в том, что квант действия играет фундаментальную роль в атомной физике и что с его появлением началась новая эпоха в физической науке, ибо в нем заложено нечто, до того времени неслыханное, что призвано радикально преобразить наше физическое мышление, построенное на понятии непрерывности всех причинных связей с того времени, как Лейбниц и Ньютон создали исчисление бесконечно малых» [Цит. по: 40, с. 64]. Так основоположник квантовой теории Планк осознал необходимость отказа от метафизического взгляда на причинность, необходимость революции в естественнонаучном мировоззрении.

Вместе с тем указанная позиция еще не гарантирует диалектической интерпретации детерминизма. Негативное отношение к механической причинности часто приводило физиков к индетерминизму (на основе отождествления детерминизма с однозначной причинно-следственной связью).

Основным моментом квантовой теории, вызвавшим наибольшие трудности в интерпретации, явился, как известно, корпускулярно-волновой дуализм — двойственность природы микрочастицы, находящая выражение в соотношении неопределенности между координатами и импульсом такой частицы. Попытки «подправить» новые закономерности под старую классическую теорию представлены: «копенгагенской доктриной», предложившей рассматривать неопределенность с позиций «принципа дополнительности», выдвинутого Н. Бором; точкой зрения А. Эйнштейна, считавшего, что микромир «на самом деле» обладает одновременно и координатами и импульсом, но современные методы и средства наблюдения не позволяют это установить; теорией «скрытых параметров» Д. Бома и присоединившихся к нему Л. де Бройля, Ж.-П. Вижье, с позиций которой микроуровень и его взаимодействия могут быть интерпретированы в классическом духе как однозначно причинно обусловленные неким «глубинным», скрытым уровнем.

Названные теории не учитывают диалектико-материалистической концепции детерминизма и потому чреваты опасностью сползания к субъективному идеализму и индетерминизму. Конвенционалистские выводы сторонников «копенгагенской» концепции достаточно красноречивое тому доказательство. Так, В. Гейзенберг полагал, что понятие «элементарные частицы» не отражает объективной реальности, а является лишь удобным объяснением, продиктованным своего рода логической необходимостью [см.: 61, с. 49—50]. С его точки зрения, статистичность квантовой теории, включение в ее состав элемента случайности связаны с неполнотой знаний природных процессов [см.: 61, с. 117].

Квантовая механика поставила ряд проблем, связанных с дальнейшей разработкой принципа детерминизма: соотношения динамического и статистического в явлениях и их описании, объективности статистического; причинных и непричинных детерминаций, статуса причинности в микровзаимодействиях; необходимости и случайности в структуре детерминаций квантовых процессов и др.

Лапласовский детерминизм, как уже не раз отмечалось, исходит из признания лишь одного типа детерминации — однозначной причинности, поэтому подходы к проблеме причинности в квантовой теории воспроизводят указанные выше подходы к детерминизму. В связи с этим предпринимаются попытки: 1) представить квантовую теорию как неполную, а введение случайности в состав теории — как одно из свидетельств этой неполноты; 2) отказаться от причинного описания микромира на основе признания его чисто акаузальным; 3) выдвинуть новый тип причинности — «статистическую» (или «вероятностную»), принципиально отличающуюся от динамической и действующую в микромире.

Защита лапласовского детерминизма и однозначной причинности привела многих ученых к отрицанию фундаментальности вероятностного описания для микромира и к стремлению свести статистическое к динамическому. Среди них такие видные физики, как А. Эйнштейн, М. Планк, Д. Бом, Ж.-П. Вижье, Л. де Бройль и др. При всей общности подхода разница между их концепциями существует. Так, если Эйнштейн и Планк полагали, что статистичность квантовой механики объясняется неполнотой знания микромира, то Бом мирился со статистичностью рассматриваемого уровня, признавая ее объективность, но пытался объяснить эту статистичность действием некоторого более «глубокого», нижележащего уровня.

Одна из причин «живучести» механического детерминизма — ориентация на него как на средство надежного описания и объяснения явлений, сохранения единства мировоззрения. Подтверждение этой мысли мы находим в словах Планка: «В то время как динамический закон вполне удовлетворяет потребности причинного объяснения и имеет простой характер, всякий статистический закон представляет собой нечто сложное, на чем исследование не может остановиться, так как всегда еще остается проблема сведения его к простым динамическим элементам» [156, с. 111]. Планк уверен, что «всякая статистика по существу своему часто говорит первое слово, но ей никогда не принадлежит слово последнее» [156, с. 111]. Таким образом, статистическое описание, статистический закон не отражают, согласно данной концепции, реальности, они только первые шаги к раскрытию истины.

Эйнштейн пишет Борну: «Мысль о том, что попадающий под воздействие луча электрон по свободной

воле может выбирать время и направление дальнейшего движения, для меня невыносима. Если до этого дойдет, то лучше быть сапожником или маклером в игорном доме, а не физиком» [см.: 218, с. 47]. Де Бройль пытался «опровергнуть» вероятностное описание в квантовой механике ссылкой на авторитеты: «Все великие умы классической эпохи, начиная с Лапласа и кончая Анри Пуанкаре, всегда провозглашали, что естественные явления детерминированы и что вероятность, когда она вводится в научные теории, вытекает из нашего незнания или нашей неспособности разобраться во всей сложности детерминированных явлений» [44, с. 25]. В данном высказывании детерминизм явно отождествляется с его лапласовским вариантом.

Наиболее распространенным аргументом (имеющим ряд модификаций, несущественных в плане философского рассмотрения) в защиту сформулированных положений (что по существу равнозначно защите лапласовского детерминизма) является предложенная Бомом теория «уровней» организации материи. Исходя из постулата неполноты квантовой теории, Бом сделал следующий вывод: «...в случае броуновского движения был выдвинут постулат, что причины видимого неупорядоченного движения спор находятся на более глубоком и еще пока невидимом уровне атомного движения... Аналогично можно предположить, что на современной стадии развития квантовая теория также недостаточно полна для рассмотрения всех деталей движения отдельного электрона, светового кванта и т. д. Для рассмотрения таких деталей мы должны перейти на некоторый, но пока неизвестный более глубокий уровень, который так же относится к атомному уровню, как атомный уровень к уровню броуновского движения» [33, с. 123].

Бом выступает при этом против «копенгагенской» концепции как «механического индетерминизма», поскольку признание неопределенности, вероятности фундаментальными основами квантовомеханического взаимодействия равно для него индетерминизму [см.: 33, с. 154—155]. Но, отрицая «копенгагенскую» интерпретацию в целом, Бом признает ее выводы во многих отдельных случаях. Так, в полном соответствии с соображениями «копенгагенцев» Бом считает, что «способ бытия материи в макроскопической области зависит от взаимного погашения случайных флуктуаций, возникающих в микроскопической области» [33, с. 48—49]. Преследуемая цель — оправдать лапласовский идеал

причинности — сближает Бома с представителями «копенгагенской» доктрины и делает его концепцию во многом созвучной ее идеям.

Сторонники теории «уровней» доходят подчас до релятивизма. Так, Вижье пишет: «Согласно нашей концепции уровней, мы не можем прийти к последним элементам, и все элементы, на основании которых строится физическая теория определенного уровня, выражают реальные движения более глубокого уровня. Таким образом, нет ничего стабильного. Мы полагаем, нужно более глубоко учесть положение Гераклита о том, что все течет, все изменяется... Так называемые «элементарные» частицы вовсе не являются элементарными, они таят в себе более глубокие движения, которые, в свою очередь, так же можно исследовать и т. д.» [51, с. 101]. Останавливаясь на изменчивости, Вижье пренебрегает моментом устойчивости, целостности каждого из рассматриваемых «уровней».

На первый взгляд представляется, что концепция уровней покоится на идее неисчерпаемости материи, развитой В. И. Лениным, и принципе всеобщей связи. Однако, опираясь на верные посылки, сторонники названной концепции пытаются объяснить познаваемое за счет ссылки на непознанное, на «скрытые» параметры. Квантовый уровень имеет с данной точки зрения своим основанием непознанные параметры гипотетического «субквантового» уровня [см.: 33, с. 145]. Позволителен ли такой прием с позиций диалектико-материалистической теории познания? Ведь еще Аристотель указывал, что «невозможно знать, пока не доходят до неделимого. И познание [в таком случае] невозможно, ибо как можно мыслить то, что беспредельно...» [15, с. 97]. Выдвижение «скрытых параметров» заставляет ориентироваться не на познанное, а на непознанное, на ограниченность познания и отодвигает решение вопроса в бесконечность. В этом проявляется некоторый скрытый агностицизм. Вероятностное описание объявляется неполным, случайность — следствием незнания «скрытых» причин.

И. фон Нейман доказал теоремы, математически опровергающие допущение скрытых параметров, так как это допущение вызывает неразрешимые противоречия [см.: 137, с. 225—227]. Однако на уровне философского анализа совершенно необязательно обращаться к работам фон Неймана, чтобы опровергнуть выводы рассматриваемой концепции. По этому поводу нельзя

не привести высказывание С. Саката: «Находя причину статистичности квантовой механики в «скрытых параметрах», Бом и другие намеревались показать возможность причинной интерпретации в классическом духе. Такие попытки, уже повторенные авторами, сильно привязанными к устаревшим понятиям классической физики, сами по себе не дают ничего существенного. Действительно, «скрытые параметры» оказываются ненужными внутри предела применимости квантовой механики даже без ссылки на математическое доказательство Неймана» [174, с. 166].

Вместе с тем идею уровней материи ряд исследователей поддерживают постольку, поскольку она является альтернативой классическому атомизму. Например, М. Э. Омельяновский отмечал: «Представляется разумным проблему элементарности свести к наличию некоторой последовательности уровней материи, в которой каждый из них является «элементарной» ступенью для последующего, высшего уровня и «сложной» ступенью для предшествующего глубокого уровня» [145, с. 39].

С подобными доводами можно согласиться. Идея «скрытых параметров» не является абсурдной сама по себе. Безоговорочное отрицание таких параметров было бы равносильно либо отрицанию бесконечности материи «вглубь», либо отрицанию связи между ее отдельными уровнями. Неправомерной является попытка использовать идею «скрытых параметров» для отрицания объективности случайности и «вероятностности» квантовомеханического взаимодействия и для оправдания тем самым постулатов лапласовского детерминизма.

Одним из оснований сведения детерминизма к причинности, а последней к однозначной зависимости является неразличение причинных и непричинных детерминаций. Так, Бом вводит представление о множественности причинных связей, но не различает даже причины и условия. С его точки зрения, «различие между непосредственными причинами и условиями является абстракцией, полезной для анализа, но не всегда точной, поскольку побочные причины всегда могут изменяться при достаточном изменении условий» [33, с. 29]. Неразличение причинных и непричинных детерминаций часто вызывает у исследователя желание увидеть причину там, где она вообще не имеет места. Отождествив причинность с закономерностью, повторяемостью, Бом связывает ее на этом основании с предсказуемостью [см.: 33, с. 34]. Но формула «если А, то В» может отно-

ситься и к условной детерминации, и к причинной, и к сторонам противоречия и т. д. Кроме того, вовсе не исключен единичный акт порождения одного другим, не воспроизводящийся во времени, и такая причина не может быть связана ни с законом, ни с предсказуемостью как его функцией. Отсутствие расчленения, дифференциации типов детерминаций одного «уровня» неминуемо ведет к поиску «сторонних» детерминаций, исходящих от другого уровня. Такое построение, как это далее будет показано, характерно для любой механической схемы.

Плодотворной попыткой «примирить» принцип причинности, связанный с порождением одного другим, и понятие ψ-функции представляются следующие соображения. Если состояние квантовой системы до взаимодействия с чем бы то ни было можно представить как множество потенциальных возможностей, описываемое квадратом волновой функции (ψ^2), то после взаимодействия (например, с фотопластинкой) одна из возможностей становится действительностью («редукция волнового пакета»). При этом до внешнего взаимодействия можно констатировать наличие связи состояний системы (иначе бы не имело места постоянство ψ-функции). Связь состояний, как это убедительно показал Г. А. Свечников, следует отличать от причинности [см.: 177, с. 124]. Поэтому не следует предполагать причинных зависимостей в связи квантовомеханических состояний. Устойчивость состояния и равная вероятность возможностей последующих изменений указывает на отсутствие причинного воздействия. Причинность начинает действовать в момент редукции «волнового пакета» именно как причина этой редукции и момент ее результата — следствие.

Ряд авторов, исходя из неоднозначности отношения «причина — следствие» в микромире, пытаются «модернизировать» причинность введением понятия «статистическая» (иногда «вероятностная») причинность. Основанием такого подхода является прежде всего сведение всего многообразия детерминаций к причинной, что возможно в макромире (где можно часто пренебречь действием непричинных детерминаций) и совершенно невозможно в микромире, где непричинные детерминации начинают играть равную с причинной роль. Это обстоятельство усугубляется чрезвычайной сложностью выделения причинной детерминации из взаимодействия на микроуровне. Некоторые авторы выражают даже

сомнение по поводу возможности выделения причинно-следственного отношения на уровне микромира [см.: 145, с. 34—35].

Нам представляется, что выделение причинности необходимо на любом уровне. Другое дело, что это выделение предполагает также вычленение непричинных типов детерминаций. Выяснение конкретного характера детерминаций микромира — дело дальнейшего развития физической теории. Философ не должен подменять здесь естественника, задача философа — указать на необходимость и методологическую оправданность подобных операций. С этой точки зрения вычленение непричинных типов детерминаций — единственный путь выяснения того, как возможна объективная случайность в составе детерминистической теории, т. е. выяснения вопроса, ставшего основанием едва ли не очередного кризиса физики середины XX столетия (достаточно вспомнить реакцию Эйнштейна).

Позиция, объясняющая сложность мира «усложнением» или видоизменением причинно-следственного отношения, по существу опирается на сведение детерминизма к причинным связям. Она не дает возможности вскрыть диалектику необходимости и случайности и, следовательно, подойти к диалектической трактовке детерминизма.

Альтернативой усилиям реабилитировать лапласовский детерминизм и восстановить в правах «динамическое» рассмотрение природных процессов на уровне микромира выступает обратное стремление — представить статичность квантовомеханических закономерностей как фундаментальное основание бытия. Сторонников данной позиции, которая часто называется «вероятностным» подходом (так как в ее основе лежит аппарат теории вероятностей, прилагаемый к описанию объективно реальных связей и отношений), становится все больше. Борн отмечал, что вероятностные представления выступают показателем нового стиля мышления [см.: 38, с. 234—235]. В дополнение к этому необходимо отметить, что, поскольку статистичность связана с введением случайности в структуру теории, идея Борна имеет гораздо более широкое применение.

Можно без большого преувеличения сказать, что она относится ко всем областям современной науки. Не статистическое описание, как полагал Планк, является «первым словом науки», а динамические законы, ибо именно они «лежат на поверхности» и наиболее легко

выявляются и изучаются. История развития естествознания и философии — красноречивое тому свидетельство. Практически все законы, открытые наукой до XIX столетия, — динамические. Теория вероятностей, как это уже было отмечено, долгое время после выработки ее основных постулатов не находила практического применения в естествознании.

Одну из первых «брешей» в метафизическом стиле мышления проделала эволюционная теория Ч. Дарвина, которая была связана с признанием случайности объективной детерминантой становления действительности [см.: 1, т. 20, с. 535]. Диалектический взгляд на необходимость и случайность позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу вскрыть действительный механизм развития общества, обнаружить в том, чем пренебрегала предшествующая наука, как «чистой» случайностью, «растворенную» в ней необходимость. «Вероятностный подход» не ищет лежащих на поверхности «чистых» необходимостей и «чистых» случайностей, чтобы объявить первое «единственно достойным научного интереса», а второе «безразличным для науки» [см.: 1, т. 20, с. 532—533].

В физическую науку такое понимание пришло лишь в XX столетии и, как показывает изложенное, не получило должного распространения и по сей день. В значительной степени проникновение вероятностного стиля мышления в физику обязано развитию квантовой теории. Согласно «принципу соответствия», выдвинутому Бором, квантовомеханические законы можно рассматривать как «естественное обобщение описания классической физики» [см.: 35, с. 120]. Таким образом, статистическое выступает более общим, а динамическое — частным, предельным случаем этого общего.

Доказательством приведенного утверждения может послужить конкретная интерпретация идеи де Бройля о том, что волновой процесс в принципе может быть сопоставлен с любой движущейся массой. Если это так, то можно предположить, что явление дифракции должно проявляться при движении макрообъектов — пуль, камней, снарядов. «Если масса частицы, — поясняет подобную ситуацию А. С. Компанеец, — равна одному грамму, а ее скорость хотя бы одному сантиметру в секунду, то согласно основной формуле $\lambda = \frac{h}{mv}$, длина волны $\lambda = 6{,}6 \cdot 10^{-27}$ *см*. Но никакую координату немыслимо задать с такой огромной точностью. Ведь даже

размеры атома 10^{-8} *см*. Поэтому волновые законы просто не сказываются на движении таких тел» [95, с. 40]. Осуществление перехода от микромира к макромиру от вероятностного описания к динамическому можно вычислить, оказывается, по указанной формуле, достаточно точно установив количественную меру этого предела-перехода.

Опираясь на анализ большого естественнонаучного материала, советский исследователь Г. Я. Мякишев показал, что «динамические законы являются приближениями соответствующих статистических законов» [см.: 132, с. 188]. Статистические законы так же успешно, как и динамические, могут «справляться» с функциями предсказания и объяснения: «...если статистическая закономерность и не дает возможности однозначно определить, что именно произойдет, она тем не менее совершенно *однозначно предсказывает, что не может произойти*» [132, с. 189].

Вместе с тем нет необходимости впадать в крайность и объявлять динамические законы не соответствующими законам природы, как это делает, например, Л. Бриллюэн. «Законы классической механики представляют собой математическую идеализацию, которую нельзя считать соответствующей реальным законам природы... Классическая точка зрения пренебрегала действительной ролью и значением экспериментальной погрешности. Ошибки считались случайностью», [43, с. 150—151], — пишет он. Безусловно, всякий закон отражает общее, повторяющееся в действительности, «спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен» [4, т. 29, с. 136]. Но все это не может быть представлено как «обвинение» закону, как доказательство того, что он не соответствует действительности. «Ошибки, — продолжает Бриллюэн, — существенная черта картины мира, подлежащая учету в теории... Детерминизм необходимо заменить статистическими вероятностями» [43, с. 151].

Последний вывод свидетельствует о том, что автор, отойдя от лапласовского детерминизма, не «подошел» еще к диалектической трактовке детерминизма. Сознавая объективную роль случайности, Бриллюэн не видит ее единства с необходимостью. Квантовомеханические закономерности статистичны, но это не свидетельствует об отсутствии «закономерных связей внутри мира единичных явлений, как утверждают позитивисты; напротив, статистическая закономерность как раз и есть вы-

ражение общего закономерного в единичных явлениях...» [см.: 31, с. 379].

Если ранее детерминизм отрицал случайность как следствие незнания, то новое отношение к случайности не могло не проявиться в негативном отношении к детерминизму. Так, в связи с развитием квантовой теории, начался второй этап кризиса детерминизма [см.: 80, с. 70—87]. Вероятностное описание и детерминизм были объявлены несовместимыми (Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Борн, И. фон Нейман, П. Дирак, П. Иордан). Однако это была несовместимость вероятностного описания и лапласовского детерминизма. Становление вероятностных идей в других областях знания — биологии (генетика), химии (квантовая химия), управлении (кибернетика), социологии (социальная статистика) углубило кризис старой схемы детерминизма и определило необходимость дальнейшей разработки диалектико-материалистической концепции детерминизма — задачи, которая до сих пор не может быть признана решенной.

Проблемы и противоречия, рассмотренные выше, были неразрешимы в рамках физической науки (хотя и выявились прежде всего в физике). Как справедливо указывает М. Бунге, «философ может подозревать, что туман, окутывающий квантовую механику, является, по существу, философским и рассеять его можно лишь с помощью средств, которых нет в обычном инструментарии физика — а именно с помощью логики, семантики, эпистемологии и методологии. Более того, философ имеет все основания считать, что туман, окружающий квантовую механику, замедляет прогресс этой фундаментальной физической теории в течение последних тридцати лет...» [46, с. 131].

Однако то обстоятельство, что многие сугубо физические аспекты квантовой теории не находят должного развития из-за использования неправильных методологических приемов, вовсе не является основанием для вывода, будто данные проблемы и противоречия могут быть решены исключительно философскими методами и с философских позиций. Бунге между тем пытается сделать именно это. «...Пришло время признать, — пишет он, — что квантовым теориям необходимо избавиться от классических аналогий, а также, что они имеют дело с sui generis — вещами, которые заслуживают нового родового имени, скажем *квантонов*» [46, с. 158]. Бунге представляется, что подобное новое название позволит разрешить некоторые проблемы квантовой

механики тем, что... элиминирует их: «Обходясь без классических понятий частицы (точно локализованного микротела) и волны (возбуждение поля), мы тем самым обходимся без корпускулярно-волнового дуализма и знаменитого *«принципа» дополнительности,* краеугольного камня копенгагенской доктрины. С нашей точки зрения, квантон — это ни классическая частица, ни классическое поле, а некая сущность sui generis, которая при одних обстоятельствах выглядит (разрядка моя. — *В. О.*) подобно частице, а при других — подобно волне...» [46, с. 146].

В действительности в различных условиях (методах и средствах наблюдения) микрообъект объективно ведет себя либо как волна, либо как частица. Рассмотрение микрообъекта как некоего «ни того ни другого», которое лишь «выглядит» (именно выглядит, а не является) в разных обстоятельствах волной или частицей, вызывает определенный агностический скепсис по отношению ко всей квантовомеханической теории, но не снимает проблему. В самом деле, признание того, что «квантон» только «выглядит» частицей или волной, сохраняет вопрос: почему и при каких именно обстоятельствах он так «выглядит»?; а также: почему он не «выглядит» как обладающий волновыми и корпускулярными свойствами одновременно? Таким образом, проблема корпускулярно-волнового дуализма не снимается, а лишь деонтологизируется, переносится на уровень семантического анализа.

Несомненной заслугой Бунге является указание, что случайность как неотъемлемый элемент квантовомеханической теории, не делает еще данную теорию индетерминистской. Случайность и принцип детерминизма вполне совместимы в новом «стохастическом» детерминизме [см.: 46, с. 148].

3. Мировоззренческий аспект детерминизма в биологии

Процесс выработки и осознания диалектико-материалистической интерпретации детерминизма в биологии развертывался не менее драматично, чем в физике, и во многом воспроизводил основные отклонения и заблуждения, преодоленные физической наукой на пути к вероятностному стилю мышления.

Отмеченное в отношении физики возрастание мировоззренческой и методологической роли детерминистских представлений в периоды революционного развития науки можно отнести в полной мере и к биологии. Революция, которую произвела в биологической науке теория Дарвина, в методологическом и мировоззренческом отношении была связана, как это показал Ф. Энгельс, с пересмотром детерминистских представлений, а именно — с уяснением диалектической связи необходимости и случайности [см.: 1, т. 20, с. 534—535]. Следующий крупный шаг в развитии биологии был сделан Г. Менделем также на основании учета объективного характера случайности.

На XVI Всемирном философском конгрессе в Дюссельдорфе (1978 г.) было отмечено, что мы являемся современниками новой биологической революции, выводящей биологическую науку в лидеры естествознания, что связано прежде всего с началом прямого использования результатов биологических исследований в производстве [см.: 199, с. 118]. Революция в биологии (так же как и революция в физике) определяется не только конкретными открытиями (расшифровкой кода генетической информации ДНК, успехами в исследовании рекомбинационных молекул ДНК, развитием на этой основе популяционной генетики, проблемы связи микро- и макроэволюционного процессов и т. п.), но и пересмотром детерминационных представлений, выступающих методологической и мировоззренческой базой для биологической науки.

Новый биологический материал позволил значительно уточнить диалектико-материалистическую концепцию развития. В то же время этот материал реанимировал старый спор о соотношении развития и движения (изменения), от исхода которого во многом зависит решение проблемы направленности и «целесообразности» развития — важнейшей мировоззренческой проблемы, актуальность которой в последнее время возросла в связи с исследованиями в области кибернетики.

На уровне философского исследования соотношения движения (как изменения вообще) и развития выделяются три точки зрения. Самая распространенная — понимание движения как изменения вообще, а развития как частного случая движения, изменения. Согласно противоположной точке зрения, «развитие» — более фундаментальное понятие, чем «движение», последнее описывает моменты развития. Наконец, существует

представление о равенстве понятий «движение» и «развитие» как философских категорий, имеющих предельную степень общности [см.: 126, 130, 147, 170].

Нам представляется полезным проанализировать указанное соотношение с привлечением данных естествознания. Наиболее богатый эмпирический материал такому исследованию предоставляет биология. При этом, конечно, нельзя пытаться подменить специальное биологическое исследование философским анализом биологических фактов. В качестве исходного эмпирического материала следует использовать (и это единственно возможный для философа путь) предварительное обобщение — закономерности, открытые биологией.

В рамках настоящей работы мы лишь затронем важнейшую мировоззренческую проблему — проблему детерминированности процесса развития. Одним из фундаментальных выводов синтетической теории эволюции является положение о том, что эволюционируют не отдельные индивиды, а системы индивидов — популяции. Это положение ориентирует на применение понятия «развитие» не к отдельным, изолированным объектам, а к их системам. Именно при таком подходе становится возможным учесть принцип относительности конкретного, рассмотреть систему детерминаций процесса развития, найти критерии различия онтологических оснований движения и развития.

Известно указание Ф. Энгельса: «...точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными» [1, т. 20, с. 22]. Прогрессивные и регрессивные изменения всегда конкретно-относительны. Прогресс в одном отношении одновременно является регрессом в другом отношении. В связи с этим говорить о развитии мира в целом так же бессмысленно, как и о развитии изолированного, отдельно взятого существа, объекта. Достаточно распространенная концепция развития, интерпретирующая последнее как систему направленных изменений [см.: 130, с. 97], связана с представлением об устойчивой, конкретно-относительной направленности изменений (в противоположность неустойчивой, безотносительной направленности, присущей и простому пространственному перемещению).

Направленность изменений в развитии ставит проблему источника, причины развития и детерминанты направленности. Неразделение причинной детерминации и детерминации, определяющей направленность развития, ведет к автогенетическим концепциям типа теории номогенеза, разработанной Л. С. Бергом в 1922 г. Концепция Берга имеет явно выраженный антидарвинистский характер. Берг оспаривает значение борьбы за существование и естественного отбора как важнейших факторов эволюции. С его точки зрения, «эволюция есть процесс, покоящийся на закономерностях: развитие есть *номогенез*, или развитие по законам; тогда как Дарвиново представление об эволюции можно обозначить как tychogenesis (развитие на основе случайностей)» [27, с. 91—92]. В приведенном высказывании налицо абсолютизация необходимого в эволюционном процессе и попытка представить дарвинизм как абсолютизацию случайного.

Пример теории номогенеза Берга показывает, какую важнейшую методологическую и мировоззренческую роль играют детерминистские представления по отношению к научному обобщению биологического материала. Абсолютизация необходимого в эволюции приводит к столь же мистичным мировоззренческим выводам, как и абсолютизация случайного. В частности, представление, что эволюция есть номогенез, порождает утверждение об абсолютной органической целесообразности живого. Ставя вопрос о причине целесообразной реакции организма на внешний раздражитель, Берг отвечает: «Целесообразность есть основное свойство живого» [27, с. 101]. Получается, что всякое действие и изменение в природе изначально имеет свою строго определенную цель. Вопрос «почему?» подменяется Бергом вопросом «для чего?». При таком подходе целесообразностью объясняется все, но ничто не объясняет саму целесообразность. Каков ее источник? Присуща ли она неживому или возникает как феномен живого? Как тут не вспомнить критику Ф. Энгельсом учения Х. Вольфа: «Высшая обобщающая мысль, до которой поднялось естествознание рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности установленных в природе порядков, плоская вольфовская телеология, согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца» [1, т. 20, с. 350]. Привнесение цели в природу ведет к телеологии.

Связь биологической концепции с философскими представлениями о детерминационных связях и отношениях весьма характерно проявилась во взглядах тех ученых-биологов, которые под лозунгом «Наука — враг случайности» вели борьбу с генетикой, включающей представление об объективной случайности в структуру научной теории. Такая позиция явилась серьезным препятствием в развитии отечественной генетики [см.: 73, с. 189—235, 272—277].

Вопрос о характере детерминации эволюционного процесса — центральный для биологии вопрос. К сожалению, до сих пор в определении специфических сторон, факторов эволюции наблюдается картина, с которой мы уже познакомились при рассмотрении некоторых моментов физической теории, — отсутствие выделения качественно различных типов детерминаций, которое приводит к «панкаузализму» — стремлению всюду видеть лишь действие причинной детерминации. Однако такое стремление далеко не всегда может привести даже к формальному успеху, поскольку эмпирический материал начинает «сопротивляться» насильственной подгонке всех связей под причинность. В биологии, как и в физике, это приводит к негативным результатам абсолютизации «ничем не определенной» случайности, индетерминистическим представлениям[2]. Неудовлетворенность той скудной типологией детерминации, которую до сих пор применяет подавляющее большинство биологов при анализе процессов микро- и макроэволюции, показана К. М. Завадским и Э. И. Колчинским. Они отмечают, что биологи по сей день используют термины «фактор», «движущая сила», «причина», «закон» в качестве синонимов, что не только вносит в ту или иную концепцию эволюции терминологическую путаницу, но и ведет к деформации сущности теории [см.: 78, с. 21—29].

Осознание примитивности принципа монокаузальности толкает одних ученых к идеям поликаузальности, а других — к попытке заменить монокаузализм моно- или поликондиционализмом — определению всех факторов эволюции как условий. Завадский и Колчинский с удовлетворением отмечают, что в настоящее время «прошла мода на кондиционализм и на стремление к простому перечислению факторов как окончательному результату

[2] Наиболее ярким примером в этом плане выступает концепция Ж. Моно [см. 269], к рассмотрению положений которой мы еще вернемся.

научного исследования». Однако тут же приводят определение, совершенно ясно показывающее, что сами они не выделяют никаких качественно отличных от причины факторов эволюции, придерживаются концепции поликаузальности (форма «панкаузализма»): «Под причиной эволюции мы будем понимать взаимодействие всех факторов эволюции, не только необходимых и достаточных для осуществления эволюционного процесса, но и, сверх того, факторов, воздействующих на этот процесс извне и обуславливающих, например, изменение темпов или изменение направленности развития парирующих (защитных) аппаратов, общее повышение надежности систем и т. п.» [78, с. 29].

«Панкаузализм», как мы неоднократно имели уже возможность убедиться, не менее опасен, чем «панкондиционализм». Решить проблему направленности эволюции, соотношения в этом процессе необходимого и случайного, опираясь на «панкаузализм», невозможно. Мы постараемся это показать, рассмотрев конкретные подходы к решению указанных проблем.

На XVI Всемирном философском конгрессе вопрос о происхождении и эволюции живого был признан наиболее актуальной философско-мировоззренческой проблемой. Нет необходимости доказывать, что данная проблема всецело связана с выяснением и уточнением системы факторов, приведшей к появлению жизни и ответственной за дальнейшую эволюцию живого. Однако, как показывает знакомство с современными работами по теории эволюции [см.: 55, 86, 180, 211, 214, 223, и др.], данная теория лишь приступает к синтезу отдельных факторов в общую систему детерминаций, определению конкретной структуры такой системы. Не вдаваясь в излишние здесь подробности, следует отметить значительные успехи, достигнутые на этом пути теорией микроэволюции — процесса адаптивного преобразования популяций, в то время как основные детерминанты макроэволюции — филогенетической эволюции надвидовых таксонов (родов, семейств, отрядов, классов, типов животных и растений) в значительной мере остаются неизученными ввиду скудности палеонтологического материала, который только и может выступать непосредственной эмпирической базой изучения процессов, развертывавшихся десятки и сотни миллионов лет.

Большинство выводов синтетической теории эволюции основывается на установлении связи конкретного процесса и детерминирующих этот процесс факторов.

При этом, как правило, не выделяются причинные и непричинные детерминанты, причинным объявляется совокупное воздействие найденных факторов. Например, в популярной работе известного американского ученого С. Поннамперума «Происхождение жизни» (М., 1977) внимание уделяется таким важнейшим основаниям структурирования живого, как молекула ДНК, необходимые химические элементы, входящие в состав живого организма, источники энергии в неживой природе, структура нуклеиновых кислот, полимеров, клетки, анализируются некоторые палеонтологические материалы и т. п. Однако данный анализ (безусловно важный и интересный) не доходит до синтеза. Книгу можно было бы назвать «Основания живого», «Структура живой материи» и т. п., и это больше бы соответствовало ее содержанию, поскольку речь в работе идет именно о сегодняшней, «ставшей» структуре живого, а не о процессе происхождения жизни.

Проблема структурной организации факторов (детерминантов) развития — центральная проблема синтетической теории эволюции — не может быть решена без учета качественных различий между причинными и непричинными детерминантами. Системный подход к анализу эволюционного процесса предполагает прежде всего систематизацию, выяснение отношения координации и субординации детерминантов, определяющих этот процесс. Отсутствие или незавершенность такого подхода являются основанием для возрождения в отношении теории макроэволюции, антиэволюционных представлений, концепций «неокатастрофизма» (в духе Ж. Кювье) и креационистских спекуляций [см.: 197, с. 34].

Терминологическая неоднозначность в определении понятия «детерминизм» часто выступает предпосылкой для построения противоречивых концепций детерминации эволюционных процессов. Многие авторы до сих пор связывают представление о детерминизме с его лапласовским вариантом [см.: 71, с. 13]. Как правило, отрицание детерминизма связано с отрицанием действия одно-однозначной, необходимой причинности (отождествляемой, как уже было показано, с детерминизмом). Разработанный в рамках физической науки данный подход экстраполируется на живую природу. Весьма характерна здесь точка зрения П. Иордана: «Отсутствие причинности (акаузальность) в протекании отдельных атомных реакций усиливается до макроскопически действенной акаузальности в живой природе» [253, с. 55].

Установление генетической взаимосвязи между живой природой и более низкими уровнями организации материи представляется совершенно необходимым основанием диалектико-материалистического мировоззрения. Раскрытие этой связи упразднило бы выводы неовиталистского характера об исключительности живой материи. Вместе с тем до недавнего времени естественной наукой могли быть указаны лишь отдельные факты единства материального (энергетическое единство, включенность в «снятом» виде законов неживой природы в биологические процессы и т. п.), основные же аргументы в пользу происхождения живого из неживого предлагались марксистско-ленинской философией, использующей для этого всеобщие законы и категории диалектики.

Разработанная в 70-х годах концепция бельгийских ученых Г. Николиса и лауреата Нобелевской премии И. Пригожина, а также лауреата Нобелевской премии М. Эйгена (ФРГ) вносит значительный вклад в борьбу с неовитализмом и приводит весьма веские аргументы естественнонаучного характера в пользу идеи происхождения живого из неживого. Николис и Пригожин прямо указывают, что их воззрения направлены против неовитализма, в котором ««жизненные» процессы были поставлены «вне природы», вне физических законов. Так, живым организмам пытались приписать случайный характер, представляя происхождение жизни как результат чрезвычайно маловероятных событий» [138, с. 24]. Критикуя Ж. Моно, абсолютизировавшего роль случайных факторов в возникновении и развитии жизни, они пишут: «...с такой позиции само существование жизни представлялось бы в виде непрекращающейся борьбы целой армии демонов Максвелла против законов физики, во имя поддержания чрезвычайно маловероятных условий...» Пригожин и Николис обосновывают взгляд на биологические процессы как на следующие «из законов физики, присущих нелинейным системам, находящимся в существенно неравновесных условиях. Именно эти специфические черты позволяют использовать потоки энергии и вещества для построения и поддержания структурной упорядоченности» [138, с. 24].

Изучая микрофизические основания биологических (прежде всего генетических) процессов, Николис и Пригожин пришли к выводу, что «в качестве движущей силы эволюции следует рассматривать энергетическую диссипацию» [138, с. 456] (последняя означает в их фор-

мулировке неравномерность распределения энергии в пространстве физических систем). Николис и Пригожин рассматривают свою концепцию как дальнейший анализ термодинамических закономерностей в плане развития тех эволюционных идей, которые внесли эти закономерности в физику [см.: 138, с. 10], распространения их на всю природу. Объясняя смысл использования понятия «диссипативные структуры», авторы указывают, что этот термин введен для того, «чтобы подчеркнуть их отличие от равновесных структур. Диссипативные структуры (примером подобных может служить город. — *В. О.*) являют собой поразительный пример, демонстрирующий способность неравновесности служить источником упорядоченности. Механизм образования диссипативных структур следует четко отличать от механизма формирования равновесных структур, основанного на больцмановском принципе упорядоченности» [138, с. 13]. Последний принцип имеет отношение к замкнутым системам, не характеризующимся внутренними флуктуациями структуры и поэтому стремящимся от неравновесного состояния к все более равновесному, неупорядоченному (процесс возрастания энтропии). Для таких систем «вероятность возникновения когерентного движения более чем 10^{20} молекул практически равна нулю». Это обстоятельство означает практическую невозможность возникновения живого.

Николис и Пригожин высказали предположение, что если «всегда имеющие место конвективные потоки флуктуационного происхождения ниже некоторого критического значения градиента температуры уменьшаются и исчезают», то «при градиентах температуры, превышающих критическое значение, некоторые флуктуации усиливаются и приводят к макроскопическому потоку. Таким образом, возникает новый молекулярный порядок, в принципе соответствующий макроскопической флуктуации, стабилизированной за счет обмена энергией с внешней средой. Такой порядок характеризуется возникновением диссипативных структур» [138, с. 14]. Диссипативная структура — это своеобразная устойчивость неустойчивости.

Авторы противопоставляют свой метод исследования как «стохастический» детерминистскому методу, отождествляемому ими с причинным [см.: 138, с. 234]. В связи с этим, несмотря на широкое использование ими математического аппарата, обрисовывающего общую форму взаимодействий в диссипативных структурах, со-

держание детерминационных отношений, приводящих к возникновению и эволюции диссипативных структур, остается в тени, за рамками концепции. Поэтому достаточно неясны и взгляды авторов на характер непроизвольных мутаций (здесь явно чувствуется противопоставление случайного и детерминированного): «...спонтанная флуктуация, или мутация, не может быть учтена заранее в детерминистском уравнении, которое получено в результате статистического усреднения по большому числу элементов. Скорее такая мутация обусловлена каким-то стохастическим процессом, который можно изучать независимо» [138, с. 453]. Вместе с тем необходимо отдать должное концепции Николиса и Пригожина как первой попытке выяснить молекулярные основания эволюции физических и биологических систем на пути к эволюции социальных систем.

Основываясь на идеях Пригожина, М. Эйген пришел к выводу, что первые этапы биологической самоорганизации — начало жизни — связаны с особым типом организации предбиологических систем: «Это не столько организация в физическом (т. е. геометрическом) пространстве, сколько функциональная упорядоченность в невероятном разнообразии химических соединений, возможно находящихся в гомогенной фазе». Эйген не склонен вслед за Пригожиным сводить процесс самоорганизации систем к термодинамическому взаимодействию: «Нам нужна организация в другом «пространстве», которое может быть названо «информационным пространством». Эта упорядоченность тоже будет основана на принципе Пригожина — Гленсдорфа [см.: 65. — *В. О.*], которому я придаю большое значение, но его использование потребует новых параметров и может вывести нас за пределы современной термодинамической теории» [216, с. 35].

Отождествляя детерминизм с одно-однозначной причинностью, Эйген уделяет большое внимание доказательству того, что жизнь не могла возникнуть и эволюционировать, подчиняясь такой зависимости. Возможности эволюционной изменчивости несоизмеримо большие, чем их конкретное использование эволюционным процессом: «Молекула ДНК, в которой записана вся генетическая информация клетки кишечной бактерии, состоит из $4 \cdot 10^6$ элементов. Последовательность такого числа букв соответствует книге объемом в 1500 мелко набранных страниц. Число альтернативных последовательностей составляет здесь примерно 10^{100000}» [217, с. 21].

И вот из этого невообразимого числа возможных вариантов эволюция использует лишь два-три.

Не принимая лапласовский детерминизм, Эйген отбрасывает и абсолютную случайность как основной фактор эволюции (выступая в связи с этим против концепции Ж. Моно). Однако, как уже было выяснено, проблема соотношения необходимого и случайного в развитии неразрешима без привлечения теории диалектического детерминизма. В связи с этим Эйген оказывается в затруднительном положении. С одной стороны, опираясь на работы Е. Вигнера, он утверждает, что вероятность «случайной сборки» живого из неживого исчезающе мала: «Никакое сложное состояние материи, которое мы теперь называем живым, не может возникнуть в результате случайной сборки» [216, с. 14]. С другой стороны, отрицая строгое детерминирование процесса возникновения живого, Эйген вынужден заявить прямо противоположное: «Эволюция должна начаться со случайных событий. «Вначале» — каков бы ни был точный смысл этого понятия, по-видимому, имелся *молекулярный хаос,* и в гигантском многообразии химических соединений не было никакой функциональной организации. Таким образом, самоорганизация материи, которую мы связываем с «возникновением жизни», должна была *начаться* со случайных событий» [216, с. 13].

Как видим, здесь немногое добавлено к древнегреческой философии, постулировавшей хаос в качестве исходного состояния мира. Такой подход трудно согласовать с выводом Эйгена: «...процесс возникновения жизни связан с проявлениями ряда свойств, причем все эти свойства поддаются однозначному физическому обоснованию. Предварительные условия для проявления этих свойств, по-видимому, выполнялись шаг за шагом, так что «возникновение жизни», как и эволюцию видов, нельзя представить в виде однократного акта творения» [216, с. 207]. Однако если каждый такой акт — случайность, то эволюция представляет собой цепь случайностей.

Справедливости ради следует отметить, что Эйген вплотную подошел к раскрытию случайности как формы проявления необходимости эволюционного процесса, попытался установить диалектическую связь между необходимостью эволюционного процесса в целом и случайностью структурной организации каждой отдельной популяции [см.: 216, с. 207].

Случайность в действительности не является чем-то самодовлеющим, а представляет собой отклонение в пределах заданной необходимостью меры. Однако Эйген не может полностью овладеть этой диалектикой необходимости и случайности в связи с представлением о случайности как о чем-то недетерминированном (беспричинном) [см.: 216, с. 75]. В результате ученый ограничивается указанием на случайность, не пытаясь определить сущность и источник случайного в эволюционном процессе. Убежденность в том, что «единичным процессам соответствуют стохастические законы, макроскопическим — детерминистская теория» [217, с. 49], вновь приводит к противопоставлению необходимости и случайности, зачеркивает их диалектическое единство.

Увлеченность термодинамическими параметрами эволюционного процесса обусловливает вывод Эйгена: «Теория Дарвина оказывается оптимальным принципом, вытекающим из определенных физических предпосылок, а вовсе не «несводимым» феноменом, который относится только к биосфере. Критерий устойчивости Пригожина — Гленсдорфа связывает эту теорию с термодинамической теорией стационарных состояний» [216, с. 204]. И далее: «Детальный анализ механизмов воспроизведения нуклеиновых кислот и белков не дает ... оснований для гипотезы о существовании ... сил или взаимодействий, присущих только явлениям жизни» [216, с. 207].

Эйген смешивает вопрос о связи биологических процессов с физико-химическими с вопросом о сводимости первых ко вторым. Так, начав борьбу с неовитализмом и добившись на этом пути значительных результатов, ученый на основании сведения детерминизма к однозначной причинности не обнаруживает никаких специфических детерминантов живого и впадает в другую крайность — физикализм.

Это направление вновь вошло на Западе в моду. К физическому взаимодействию пытаются свести психические процессы, и таким образом снять основной вопрос философии — противопоставление материального и идеального начал, упразднить философию. Например, английский психолог Дж. Смарт, определив кредо физикализма: «Не существует ничего, кроме сущностей физики, и никого, чье поведение не подчинялось бы исключительно физическим законам», делает заключение: «Физикализм — это онтологический тезис, и он включает в себя монистическое решение проблемы духа и тела» [271, с. 403].

Но в чем же состоит действительная специфичность взаимодействий живого? Этот вопрос по существу тождествен вопросу о сущности жизни. С другой стороны, ответить на него невозможно, не определив предварительно сущность живого. Если определить жизнь как непрерывную, прогрессирующую, многообразную и взаимодействующую со средой самореализацию потенциальных возможностей электронных состояний атомов» [см.: 29, с. 213], то до физикализма остается меньше одного шага. Если же *«отличительное свойство жизни состоит в специфической упорядоченности и организации физико-химических процессов, осуществляемой путем управления (ДНК — РНК — белок) и энзимной* (ферментной. — *В. О.) регуляции обмена веществ и энергии; в связанности управления и регуляции с молекулярной структурой клетки и с сохранением этой структуры (в свою очередь благодаря управлению и регуляции); в создаваемой этой специфической взаимосвязью структуры и функции возможности процессов возникновения информации, а также самоорганизации в онто- и филогенезе»* [207, с. 33], то остаются неопределенными понятия «специфическая упорядоченность и организация» и «информация». С точки зрения современной теории информации они почти совпадают [см.: 53, с. 55; 194, с. 278]. В этом пункте мы подошли к чрезвычайно важному вопросу о связи информации и детерминации. Большинство авторов связывают понятия «информация» и «отражение» [см.: 20, 67, 77, 97, 194, 195, и др.].

Определим отражение как атрибутивное свойство материи, характеризующееся редуцированным переносом структуры одной системы в другую систему в процессе их взаимодействия [см.: 97, с. 21]. Такое определение позволяет, на наш взгляд, охватить все формы отражения от простейшего механического (перенос пространственной структуры) до сознания. Структура — это закон, способ, организация, упорядоченность элементов в системе. Отражение, как правило, сопряжено с переносом не всей структуры (пространственной, временной, функциональной и т. п.), а лишь ее отдельных моментов. Так слепок — результат отражения не всей пространственной структуры отраженного предмета, а лишь той его части, которая соприкасалась с отражающей системой. Человеческое сознание не способно отразить всю структуру окружающего мира, отражение охватывает здесь лишь те моменты этой сложной структуры, которые включаются в деятельность.

Родственность понятий «информация» и «отражение» иногда доводится до их полного неразличения, что недопустимо как удвоение термина. Многие авторы придерживаются определения информации как «отраженного разнообразия» [см.: 195, с. 25]. Такое определение придает информации статус атрибута материи наряду с отражением. Отражение сопоставляется с процессом передачи информации, «информированием». Другие авторы употребляют понятие информации в более узком смысле — как такого отражения, *«которое возникает, формируется на основе процессов управления и которое обслуживает эти процессы»* [97, с. 40]. Информация здесь относится уже не ко всем системам, а лишь к системам кибернетического типа — управляемым и управляющим (самоуправляемым), сопоставляется с программой или «целью» действия (воздействия) кибернетической системы.

Информационная связь представляет собой, как мы полагаем, лишь определенную форму детерминирующего воздействия, но не само это воздействие. Информационной формой обладает не только причинность, но и непричинные типы детерминации. Если информация — определенная форма отражения (функциональная), то она не может играть одновременно роль момента содержания взаимодействия, которую выполняет причинность. Стремление представить информационную причинность как «нефизическую причинность» также является попыткой подменить формой детерминационного отношения его содержание.

Мы полагаем, что смешение информационного и причинного отношений в весьма уже распространенном ныне понятии «информационная причинность» связано с отождествлением обыденного и научно-философского понятия причинности. В обыденном мировоззрении царствует «панкаузализм», здесь все — причина: насморк у Наполеона — причина поражения его армии под Ватерлоо; плохое воспитание молодежи — причина резкого увеличения числа разводов, наблюдающегося в последнее время; крик в горах — причина схода снежной лавины; и т. д. Здесь часто воспроизводится старая ошибка: «после этого, следовательно, по причине этого».

Причиной, порождающим началом всякого изменения и развития диалектический материализм признает противоречие — отношение единства и борьбы противоположностей. Это положение — всеобщий закон, действующий на всех уровнях организации материи, и объ-

являть причиной какого-либо процесса нечто иное, информационное воздействие например, означает отступить от этого закона. Информационная характеристика отвечает не на вопрос «почему?», а на вопрос «как?»; она описывает, отмечает А. М. Коршунов, именно форму функционирования [см.: 97, с. 39—40]. В противном случае следовало бы признать, например, причиной движения поезда загорание зеленого сигнала светофора или расписание движения.

Далее будет показано, к каким мировоззренческим следствиям ведет «панкаузализм». Однако уже анализ биологических взаимодействий убеждает в том, что объявление всех факторов эволюции ее причинами ведет к затруднению в выяснении процесса возникновения живого и источников направленности в его развитии.

Последняя проблема связана с вопросом о целеполагании, цели в биологических процессах. Поскольку, как нам представляется, разработка проблемы направленности эволюции находится пока на стадии накопления и предварительной обработки эмпирического материала, задачей философского анализа является уточнение методологии исследования и выверка мировоззренческих установок, ибо данная проблема имеет самую непосредственную связь с системой мировоззрения.

Рассмотрение проблемы направленности развития возвращает к вопросу о начале эволюции. Нельзя предположить ни абсолютную необходимость, ни абсолютную случайность появления жизни на Земле. Оба решения ведут к мистике. Думается, что это соображение следует распространить и на все ступени организации, достигнутые эволюцией, вплоть до разумной жизни. Диалектический взгляд на необходимость и случайность выступает здесь методологической предпосылкой исследования. Процесс эволюции не поддается чисто математической оценке. С позиций теории вероятностей развитие жизни «всего» за 3,5 миллиарда лет от простейших организмов до человека представляется цепью невероятных случайностей [см.: 213, 184—190]. Но предположение, что этот процесс строго направлен и необходим, придает эволюции мистически-фатальный характер, смыкается с телеологической концепцией.

В настоящее время наблюдаются попытки реанимировать идею «панспермии», выдвинутую шведским химиком С. Аррениусом на рубеже XIX и XX вв. Жизнь, с его точки зрения, не является результатом эволюции неживого, а была занесена на Землю в виде спор мик-

роорганизмов. Один из авторов открытия строения ДНК, Ф. Крик, совместно с Л. Оргеллом развивает сегодня концепцию Аррениуса, предлагая гипотезу «направленной панспермии»: споры микроорганизмов не произвольно носятся по космосу, они были направлены на Землю весьма отдаленной суперцивилизацией много миллиардов лет тому назад [см.: 237, с. 12—34]. По мнению Крика, его гипотеза может объяснить одинаковость генетического кода у всех живых организмов на Земле [см.: 237, с. 150] и в то же время объяснить «чудо» возникновения живого, представляющегося совершенно невероятным событием из-за огромного числа требований, которые должны были быть удовлетворены, чтобы оно могло осуществиться [см.: 237, с. 88].

Однако подобная гипотеза не решает проблемы возникновения жизни, а лишь откладывает ее ссылкой на «далекий мир», где когда-то жизнь зародилась и достигла уровня «суперцивилизации». Вместе с тем Крик не становится на позиции неовитализма, считая мировоззренчески чрезвычайно важной идею развития живого из неживого, потому что она поддерживает в людях «чувство единства с природой в широком смысле» [237, с. 162].

Распространение термина «цель» на все более обширные области приводит, как справедливо отмечает И. Т. Фролов, к возрождению телеологии и финализма, приписыванию всей природе «целевых причин» [см.: 206, с. 144—153]. Мы присоединяемся к его предложению сохранить непосредственное использование термина «цель» для обозначения конечного результата человеческой деятельности [см.: 206, с. 152]. Речь идет не о споре о словах, а о необходимости избавиться от двусмысленной интерпретации содержания процессов. Термин «цель» используют подчас как «магическое» слово при объяснении направленности эволюции, при этом предполагается, что сам термин в экспликации не нуждается. Нам представляется, что неудовлетворенность многих современных попыток философского объяснения направленности развития проистекает из сведения всего качественного многообразия детерминаций развития к каузальности, что и приводит к умножению прилагательных причины: «информационная», «статистическая», «целевая» и т. п. Но использование этих прилагательных ничего не дает анализу сущности процесса. Если расширить интерпретацию цели до любого действия, направленного на достижение определенного результата (зало-

женного в изначальной системе взаимосвязей), то получится, что имеют цель и холодильник, и камень, падающий на землю.

Для природных явлений цель обычно постулируется тогда, когда не находится причинного объяснения (часто в силу сведения детерминизма к причинности). Телеономическое описание процесса не требуется, если есть его детерминистское описание. Целесообразность может быть эксплицирована как осознание детерминирующей связи и сознательное использование этой связи.

Даже включение цели в рамки человеческой идеальной деятельности не позволяет, на наш взгляд, интерпретировать ее как причину этой деятельности. Цель деятельности и причину деятельности следует различать, иначе возникает опасность идеалистической интерпретации самой деятельности. При этом не цель является причиной деятельности, но причина деятельности (некоторое противоречие в общественном бытии) определяет возникновение целевой установки. Причиной строительства жилища, например, является не идеальное осознание необходимости или желательности такого действия, а те объективные моменты, которые создают такую необходимость и отражаются в сознании в форме идеального образа будущего жилища. Точно так же причиной социальной революции является отнюдь не осознание ее необходимости и выработка целевой установки на нее. Вместе с тем целеполагание безусловно входит в число факторов, детерминирующих человеческую деятельность, но не причинно. (Подробнее это рассматривается в V главе данной книги.)

Введение понятия «цель» в экспликацию биологических процессов, как правило, ведет к кругу в определении. Так, К. Фукс-Киттовский пишет: «Под телеономической связью следует понимать объективную закономерность... совокупность причинных связей, которые с необходимостью... образуют некоторый циклический процесс, лежащий в основе целенаправленного... поведения, или вообще направленность жизненных функций, как это имеет место, например, при эмбриогенезе» [207, с. 208]. Телеономия здесь сопоставлена с совокупным действием причинных связей, ведущих... к целенаправленности. Что же касается попыток возвратить в биологию термины «цель» и «целесообразность», ссылаясь на кибернетику, то их несостоятельность хорошо показана И. Т. Фроловым [см.: 206, с. 140—158], и нет необходимости повторять здесь приведенные им аргументы.

Рассмотрение конкретных подходов к интерпретации детерминационных отношений, и прежде всего причинно-следственных связей и соотношения необходимого и случайного в физике и биологии, дает основание заключить, что всякое «сползание» в данных естественнонаучных областях на идеалистические позиции, синкретическое соединение с естественнонаучным мировоззрением элементов обыденного и антинаучного мировоззрений, связано с метафизической трактовкой детерминационных отношений, проявляющейся главным образом в «панкаузализме» — стремлении свести качественное многообразие детерминационных отношений к одно-однозначной причинной связи.

Вплоть до 30-х годов нашего столетия в естествознании господствовал механический, лапласовский детерминизм, имеющий своим основанием идеи классического атомизма. Становление квантовой механики, теоретической и экспериментальной генетики резко обострило противоречие между экспериментальными данными и их теоретическим обобщением с использованием лапласовского детерминизма как методологического основания. Данная ситуация привела к рецидивам индетерминистских и позитивистских настроений среди ученых, возрождению антинаучных и антидиалектических мировоззренческих концепций типа неовитализма. Кризис метода значительно затормозил развитие некоторых конкретно-научных областей естествознания.

Попытки примирить детерминизм (в лапласовской трактовке) с естественнонаучными теориями, учитывающими объективную случайность, вероятностные отношения, были связаны в основном с реализацией двух противоположных стремлений: 1) свести статистические отношения к динамическим; 2) «модернизировать» концепцию детерминизма путем введения представлений о «вероятностной», «информационной», «целевой» и тому подобных «причинах». Ни то ни другое направление не дало положительных результатов.

Путь решения проблемы — диалектико-материалистический: переосмысление многих понятий и положений детерминизма, состоящее не в умножении причинных отношений, а в выяснении многообразия непричинных детерминаций, что в свою очередь должно явиться ключом для вскрытия диалектики необходимости и случайности в процессе становления действительности. Только такие методологические предпосылки могут быть основанием разработки научного мировоззрения.

Глава II

Универсальное взаимодействие и формы детерминации

1. Взаимодействие, детерминизм, типы и формы детерминации

Рассмотрение конкретных форм детерминаций требует предварительных определений понятий «детерминация» и «детерминизм», которые обусловливают область дальнейшего поиска опосредствующих понятий. В процессе построения эксплицирующей системы происходит уточнение исходного определения или отказ от него, замена новым, более соответствующим результатам проведенного анализа. При этом даже и уточненное определение не может заменить полученную систему категорий, которая представляет собой теорию эксплицированной категории (принципа) и вместе с тем теорию развивающегося объекта, «повернутую» в ракурсе данной категории (принципа).

Определение принципа детерминизма имеет одним из своих моментов построение системы опосредствующих категорий, отражающих процесс становления и развития материального объекта. Путь к построению такой системы лежит через рассмотрение конкретных форм детерминаций, которое опирается на предварительные, «рабочие» определения — гипотезы детерминизма и детерминации.

Приступая к реализации намеченной программы, выберем в качестве исходного следующее определение детерминизма: детерминизм есть общее учение, признающее существование универсальной закономерной связи всех вещей и явлений мира и отрицающее существование каких-либо явлений и вещей мира вне этой связи [см.: 93, с. 41]. Часто детерминизм неявно отождествляется с взаимодействием. В Философской энциклопедии дается, например, такое определение: «Взаимодействие — всеобщая форма связи тел или явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении» [203, т. 1, с. 250]. Сравнение данного определения с приведенным выше дает основание для отождествления детерминиз-

ма и взаимодействия. Поскольку «тождество» возникает из-за приравнивания одного и второго всеобщей связи, следует выяснить вопрос об отношении связи к взаимодействию и детерминизму. При экспликации понятия «связь» обычно прибегают к некоторому операциональному определению, указывающему на изменение одного объекта при изменении другого как на критерий их связи [см.: 203, т. 4, с. 570]. Но изменение в свою очередь отождествляется рядом авторов с движением, а последнее с взаимодействием [см.: 204, с. 85]. Чтобы выйти из образующегося круга, следует прежде всего разграничить понятия «взаимодействие» и «связь». Онтологически любое взаимодействие предполагает связь, но не любая связь предполагает взаимодействие. Примером последнего выступает связь состояний.

Ф. Энгельс указывал на взаимодействие как на исходный пункт познания мировых связей: «*Взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю...» [1, т. 20, с. 546]. Мы установили, что понятие «связь» в определенном отношении шире понятия «взаимодействие». Далее следует уточнить соотношение между названными двумя понятиями и детерминизмом. Используя исходное определение детерминизма, это сделать невозможно, поэтому необходимо конкретизировать общий принцип в понятии «детерминация», означающем конкретную операцию определения чего-то одного чем-то иным. В отношении детерминации можно выделить активную сторону — детерминант и пассивную — детерминируемое. Основываясь на этом, мы делаем вывод, что существуют связи, не отражающие детерминацию (например, связь состояний). Выделение активного и пассивного моментов получает свое осмысление только при анализе взаимодействия. Таким образом, детерминация представляет собой относительно активную сторону взаимодействия.

Последнее утверждение нуждается в некотором уточнении. «Активное» понимается в марксистской философии как действующее, а «пассивное» — как воспринимающее действие, подчиняющееся воздействию. В этом отношении активное предстает во взаимодействии первичным, а пассивное — вторичным. Вместе с тем уже в классической механике третьим законом Ньютона было закреплено соответствие действию равного ему и противоположного по направлению противодействия. Ф. Энгельс указывал: «Взаимодействие исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное; но вместе

с тем оно есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат» [1, т. 20, с. 483].

Эти же соображения не дают оснований к выделению абсолютно пассивного и абсолютно активного во взаимодействии. Объективная относительность активных (детерминирующих) и пассивных (детерминированных) моментов взаимодействия выявляется в отношении результирующего изменения. Рассмотрим простой случай. Мяч, падая на рыхлую массу опилок, «тонет» в ней, образует лунку и прекращает движение. Здесь реактивный момент слабее активного. Результирующее изменение определяет мяч как детерминант, массу опилок как детерминируемое, а отношение воздействия как детерминацию. Напротив, падая на твердую поверхность, мяч «подпрыгнет» на определенную высоту. Здесь во взаимодействии происходит изменение направления активности на противоположное. Реактивное (в отношении начального движения мяча) воздействие поверхности выступает активным моментом (детерминацией) и деформации, и последующего за этим движения мяча вверх. Таким образом, активность того или иного момента взаимодействия определяется относительно результирующего изменения. То действие, которое в отношении общего процесса может быть охарактеризовано как реактивное (относительно пассивное противодействие), в отношении изменения, которое оно вызывает, будет активным моментом.

В данном случае проявляется объективная относительность конкретного. Легкий камень под воздействием напора воды будет унесен и начнет двигаться по течению. Это его движение детерминируется течением реки, а сам он в отношении своего движения выступает как нечто пассивное. Напротив, тяжелый камень будет препятствовать течению, изменит его направление определенным образом. В отношении этого изменения данный камень выступает активным моментом вызвавшего это изменение взаимодействия. В отношении общего течения реки камень — одно из пассивных условий, конкретизирующих движение, в отношении же конкретного изменения, вызванного противодействием камня, последний — причина данного изменения. Такова диалектика связи активного и пассивного.

Детерминация как относительно активный момент взаимодействия несет в себе элемент причинности только в отношении изменения процесса, но не выступает причиной (порождающим детерминантом) самого процесса. Истинное значение всех этих «локальных причинностей» выявляется не в отношении произведенного ими изменения, но в отношении всего процесса в целом. Именно в этом отношении один из детерминантов выступают причиной, другие — условием, третьи — функциональным отношением и т. д. Вместе с тем каждая детерминация остается активной стороной конкретного взаимодействия в отношении произведенного изменения (в отношении процесса в целом она может быть пассивна).

Последнее обстоятельство часто выступает основанием для ошибочного сведения всех типов детерминации к причинности. Познание начинается с установления ближайших, лежащих «на поверхности» отношений и выявления отдельных элементов процесса, отдельных детерминантов при первом рассмотрении представляющихся причинными. Только завершение познания диалектическим синтезом полученных абстракций, «возвращение» к единому конкретному — к процессу позволяет установить место и роль отдельных детерминаций в данном процессе.

Необходимо разграничить взаимодействие и изменение как его результат, не отождествляя изменение со следствием (порождаемым причиной). Подобное рассмотрение позволяет выделить различные типы детерминации, участвующие в изменении состояния объекта, и тем самым, с одной стороны, соблюсти принцип построения системы категорий путем анализа процесса, а не результата, а с другой — устранить основание для отождествления детерминизма с причинностью, которое еще весьма часто встречается в литературе [см.: 148, с. 116; 204, с. 91, и др.]. Причина порождает следствие, изменение связано с действием не только причины, но и непричинных типов детерминации.

Теперь, используя сделанные уточнения, мы можем задаться вопросом: все ли философские категории в равной мере и равным образом отражают принцип детерминизма, могут быть использованы для его опосредствования, экспликации? Ясно, что любая категория марксистско-ленинской философии так или иначе раскрывает диалектику связи и развития, становления. Поэтому система категорий, опосредствующих те или иные мо-

менты принципа детерминизма, может вместить в себя весь «списочный состав» философских категорий (последний всегда по необходимости будет неполным). Следует вместе с тем различать всеобщие философские категории, отражающие неотъемлемые, универсальные характеристики любого материального образования — атрибуты материи, и категории гносеологического характера [см.: 84, с. 88]. Последние, не отражая атрибутов материи, не могут в связи с этим служить опорой в выявлении атрибутивных характеристик принципа детерминизма, хотя и способны охарактеризовать специфические формы детерминаций (чувственное и логическое, субъект и объект, знание, истина и т. п.).

Наряду с детерминистскими в объективном мире и сознании имеют место и недетерминистские отношения, отношения недетерминистского характера. Данное утверждение отнюдь не ставит под сомнение всеобщность детерминистских отношений, оно лишь направлено против абсолютизации таких отношений как единственных. В самом деле, три главных закона диалектики объясняют три главных и всеобщих момента развития (что составляет одновременно три «кита» мировоззренческой системы). Закон единства и борьбы противоположностей объясняет причины, указывает на источник любого изменения, развития. Закон единства количественных и качественных изменений — характер протекания процесса развития. Закон отрицания отрицания — направленность развития. Уже из этого материала становится ясной различная связь фундаментальных законов диалектики с принципом детерминизма. Детерминистские отношения, типы детерминации непосредственно эксплицирует закон единства и борьбы противоположностей. Два других закона служат конкретизацией форм детерминаций, но их содержание отнюдь не сводится к такой конкретизации. Категории диалектики не только эксплицируют три основных закона, но и сами отражают закономерные связи, среди которых далеко не все имеют детерминистский характер.

Если рассмотреть поднятую проблему в ракурсе трех главных моментов действительности — вещей, свойств и отношений, то становится ясным, что детерминизм принадлежит лишь моменту отношений и связей (при этом, как было уже отмечено, не охватывает этот момент целиком).

Детерминизм распространяется на отношение взаимодействия, относительно активная сторона которого

характеризует не только зависимость, но и изменение одного момента взаимодействия другим, т. е. детерминацию. (Зависимость же может быть и недетерминационного характера, например математическая зависимость, зависимость длины гипотенузы от длин катетов; здесь нет детерминации.)

Коснувшись, таким образом, проблемы отличия формы детерминирующих связей от их содержания, мы должны выяснить (в первом пока приближении) различие между типами и формами детерминаций. Далеко не все всеобщие, отражающие атрибуты материи категории характеризуют содержание процесса детерминации, т. е. отвечают на вопрос, каков конкретный характер воздействия активной стороны взаимодействия — детерминанта на пассивную — детерминируемое. Так, пространство и время сами по себе ничего не детерминируют и, являясь характеристиками изменения материи, могут лишь «свидетельствовать» о наличии детерминации определенного типа (последнее обстоятельство раскрывается в теоремах Э. Неттер).

Все попытки представить время как детерминант отождествляют последовательность состояний с детерминацией этой последовательности и представляют собой модификации старой логической ошибки «post hoc, ergo propter hoc» — после этого, следовательно, поэтому. Так, «хронодинамика» Дж. Л. Синга (Великобритания) доходит до сведения всех характеристик материальных процессов к временному параметру [см.: 182, с. 101]. Столь же несостоятельны и попытки свести материальные процессы к пространственным, геометрическим отношениям, представить пространство главным детерминантом всех состояний и самого существования материи. Например, известный английский физик Дж. Уилер ввел представление о «геометродинамике», с позиций которой в мире ничего нет, кроме «пустого пространства», а все состояния материи являются проявлением «искривления» этого пространства [см.: 192, с. 218]. «Геометродинамика», как и «хронодинамика», — пример переворачивания отношения детерминации, при котором детерминируемое делается детерминантом. Такое переворачивание становится возможным именно благодаря неразличению типов и форм детерминации.

Не выступают в качестве детерминантов и количественно-качественные характеристики. И количество, и качество имеют источники своего изменения, но сами не являются детерминантами процессов. Наконец, нап-

более фундаментальные (как в историческом, так и в логическом плане) категории детерминизма — «необходимость» и «случайность» также не отражают типы детерминаций, т. е. активные стороны взаимодействия. Необходимость, как это убедительно показал Гегель, является процессом, и в качестве процесса сама выступает чем-то детерминируемым. Случайность — объективно-реальная форма процесса необходимости — также не является типом детерминации (от случайности-проявления следует отличать случайность-дополнение необходимости, роль которой как формы детерминации будет установлена позже).

Все приведенные категории (перечисление можно было бы и продолжить) отражают формы детерминирующих связей, которые следует отличать как от типов детерминаций, так и от видов детерминирующих связей. Последние характеризуются гносеологическими (детерминация познавательной деятельности), этическими и другими категориями сферы социального бытия, специальными понятиями и терминами науки (детерминация специфических процессов в области физики, химии, биологии и т. д.). Типы же детерминаций выявляются как факторы, действующие в процессе реализации возможностей материального объекта, образующие систему его становления и развития.

2. Формы движения и формы детерминации

Обособление составляющих материального процесса от самого процесса свойственно человеческому познанию действительности и является необходимым его элементом. Определение причины и следствия уже является результатом такого обособления. «Чтобы понять отдельные явления, — писал Ф. Энгельс, — мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [1, т. 20, с. 546—547]. Метафизическая «остановка», «омертвление» процесса выступают необходимой предпосылкой изучения составляющих данного процесса. Отрицание процесса в познании путем его омертвления и расчленения должно смениться отрицанием отрицания — возвращением к исходному процессу, но уже на основе синтеза познанных его частей, т. е. на более высоком уровне — уровне конкретного. Так осу-

ществляется переход от познания процесса как явления в многообразии форм, в которых он может осуществляться, к познанию сущности данного процесса.

Определив детерминацию как активную сторону взаимодействия, мы уже вырвали из нерасчленимого в природе процесса одну из сторон. Выявление исходных пунктов и результата процесса становления дает возможность установить формы детерминирующих воздействий и в этом отношении выступает достаточно ценным приемом предварительного анализа явления, поскольку обращает внимание на то, что развивается, а следовательно, какова специфическая природа детерминантов, детерминируемого и результата процесса взаимодействия (как момента развития).

Мысль В. И. Ленина о неисчерпаемости материи неразрывно связана с идеей бесконечного многообразия тех конкретных видов и форм, в которых материя может пребывать. Каждая из этих конкретных форм связана в свою очередь со специфическими, присущими только ей формами взаимодействия, которые являются раскрытием сущности данной формы материи. Таким образом, неисчерпаемость материи проявляется в неисчерпаемости форм детерминаций (при этом вопрос о непосредственном характере, конкретном отношении между сторонами детерминирующих связей внутри данной формы не ставится).

С учетом того что детерминация — относительно активная сторона взаимодействия, вполне оправданным представляется различение форм детерминаций в соответствии с природой, спецификой взаимодействующих сторон. В этом плане выделение форм детерминаций соответствует формам взаимодействия и движения в классификации Ф. Энгельса (данная классификация до сих пор признается конструктивной большинством исследователей форм движения и взаимодействия [см.: 47, с. 251]). Таким образом, выделяются механическая, физическая, химическая, биологическая и социальная формы детерминации. Внутри каждой из указанных форм может быть произведено следующее деление на «подвиды». Так, в рамках социальной детерминации следует выделить детерминацию процесса классообразования, социального поведения личности, познания и т. д. Выявлением специфики конкретных детерминаций занимаются соответствующие науки. Мы обратим внимание лишь на механическую детерминацию как наиболее общую форму изменения. Рассмотрение физиче-

ской и биологической форм детерминации в известной мере было произведено нами ранее, кроме того, в данной книге анализируются в качестве примеров все другие формы детерминаций по формам взаимодействия и движения.

Механическая форма детерминации связана с простейшей формой движения — пространственным перемещением, т. е. изменением пространственно-временной структуры, пространственно-временной организации материальных объектов. Рассмотрение механической детерминации предполагает абстрагирование как от того, что́ изменяет пространственно-временную структуру (качество объектов), так и от причины этого изменения. Механическое взаимодействие, взятое с его активной стороны — детерминации, связано с переносом пространственно-временной структуры детерминирующего (детерминанта) на детерминируемое. Наиболее простым примером механической детерминации является отпечаток любого твердого тела в более мягком материале (след на песке, глине и т. п.), более сложным — перемещение объектов (без их изменения) по отношению к другим объектам под воздействием каких-то сил. Перенос пространственной структуры в первом случае носит изоморфный характер, во втором — гомоморфный, ибо перенос структурной организации происходит здесь не на основе взаимно однозначного соответствия (так, передвижение детерминирующего тела на 1 см может вызвать передвижение детерминируемого на 100 см и более).

Механика, рассматривающая специфические законы механической детерминации, выявляет общее, устойчивое в различных ее видах. Выясняя причины механического взаимодействия, мы неминуемо выходим на более высокий уровень — уровень физического и химического взаимодействия и соответствующих форм детерминации. Механика как наука, исследующая механическую форму детерминации, в основном отвлекается от вопросов «что?» и «почему?», ее интересует преимущественно вопрос «как?». В разработке этого вопроса механика макротел пришла в XVII в. к формулировке некоторых динамических закономерностей (закон инерции Галилея). Заслуга фундаментальной разработки основных законов динамики принадлежит, как известно, И. Ньютону. Работы Ньютона оказали огромное воздействие на философию и во многом способствовали закреплению механистических и метафизических воззрений, мно-

гие из которых, как мы убедились, не преодолены и в настоящее время. В механике ясно обнаруживается одна из существенных черт метафизики — рассмотрение предмета со стороны явления — феноменологизм, тесно связанный с созерцательностью — одним из пороков метафизического материализма [см.: 1, т. 3, с. 1]. По существу все законы механики, открытые до XIX столетия, были описательными, феноменологическими законами, отражавшими повторяемость механической детерминации.

Иерархия форм движения не только является основой для классификации наук, но и в известной мере отражает этапы развития материи от низших, физико-химических взаимодействий к наиболее организованной из нам известных — социальной форме взаимодействия. В процессе этого восхождения низшие формы движения и взаимодействия выступают основанием для высших и неотъемлемо входят в состав последних. Наиболее высокая — социальная форма организации материи включает в себя в снятом виде все известные формы детерминации. Такое богатство социальной формы объясняет повышенный интерес к ней со стороны философии. Не случайно классики марксизма-ленинизма разработали диалектико-материалистическую теорию, во многом опираясь именно на этот материал.

Общим для всех форм остаются типы детерминации, получающие в каждом случае свое специфическое выражение. Критерий распространенности на все формы движения выступает в связи с этим важным критерием отличия типов детерминации от форм детерминирующих отношений.

Обобщение специфических характеристик детерминаций в каждой из форм движения и взаимодействия — одна из важнейших задач философии естествознания. Этой работой занимаются специалисты в области философских вопросов физики, химии, биологии, социологии, труды которых уже упоминались нами. Считая своей задачей выявление наиболее общих форм и типов детерминаций, мы переходим теперь к проблеме отношения детерминации между названными формами взаимодействия.

Деление детерминаций на механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную исходит из специфики взаимодействия и движения на каждом из названных уровней организации материи. Вместе с тем современное естествознание располагает обшир-

ным материалом, свидетельствующим о том, что взаимодействие имеет место не только на одном уровне, но и между различными уровнями организации материи.

В связи с этим вполне оправданно предложение И. С. Алексеева выделить «горизонтальную» и «вертикальную» детерминации [см.: 12, с. 87—88]. Специфика активных воздействий в пределах каждого из уровней материи будет отражать горизонтальную детерминацию. Влияние «низ- и верхлежащих» уровней (или на них) — вертикальную детерминацию. Однако автор сужает рассмотрение взаимодействий между уровнями до физических процессов, микро-, макро- и мегамасштабов этих процессов [см.: 12, с. 98—99]. (Такой подход напоминает «теорию уровней», которая была рассмотрена выше.) Мы же считаем возможным трактовать понятие «уровень» как уровень организации, развития материи. В связи с этим существенно изменяется и трактовка «вертикальной» и «горизонтальной» детерминаций. Утверждение Алексеева, что горизонтальная детерминация «представляет собой причинность», а вертикальную детерминацию «нельзя выразить в категориях «причина» и «действие»» [см.: 12, с. 88], небесспорное даже в рамках анализируемого им взаимодействия физических уровней, становится абсолютно неприемлемым в нашем ракурсе рассмотрения.

Например, на функции мозга, как известно, могут оказывать воздействие многие факторы — от механических (травмы) до химико-биологических (воздействие наркотических средств и т. п.). Еще одним примером вертикальной детерминации (в данном случае «вниз») является изменение химического состава почвы благодаря деятельности растений, микроорганизмов или животных. К вертикальной детерминации будут относиться и выделяемая нами далее «объективная» (материальное детерминирует идеальное) и «субъективная» (идеальное детерминирует материальное) детерминации человеческой деятельности. Подобные случаи часто допускают выражение вертикальной детерминации в категориях «причина» и «следствие». Если, например, нарушение функции мозга связано с механическим повреждением, то вполне уместно квалифицировать (как это и делается в медицине) данное повреждение в качестве причины нарушения мозговой деятельности (ссылка на то, что непосредственной причиной является не повреждение, а следующее за ним изменение структуры мозга, лишь увеличивает причинно-следственную цепь).

Вместе с тем горизонтальная и вертикальная детерминации выступают именно общими формами детерминирующих связей и могут быть конкретно представлены различными типами таких связей (причиной, условием, функциональной связью и т. п.). Так, определенные параметры климата зоны обитания выступают условиями жизнедеятельности животного (вертикальная детерминация «снизу — вверх»). Условием является и определенный состав особей в данной популяции (горизонтальная детерминация).

Процессы дифференциации и интеграции, свойственные современной науке, появление новых отраслей знания на «стыке» наук вызваны настоятельной необходимостью изучать вертикальную форму детерминации в ее конкретных проявлениях.

3. Материальное и идеальное как формы детерминации

Наибольшая степень философского обобщения действительности представлена категориями «материя» и «сознание» и соответствующими им понятиями «материальное» и «идеальное». Поэтому наиболее общие формы детерминаций можно установить исходя из наиболее общего отношения «материальное — идеальное», т. е. в рамках основного вопроса философии.

Решая этот вопрос с материалистических позиций, т. е. исходя из первичности материи и вторичности сознания, марксистско-ленинская философия отбрасывает метафизическую абсолютизацию этой первичности, огрубляющую взаимодействие материального и идеального до однозначного причинно-следственного отношения между ними. Идеальное имеет относительную независимость, самостоятельность и может оказывать обратное действие на материальное как свою основу (отметим, что метафизическая абсолютизация последнего факта является гносеологическим корнем идеализма). Отстаивая это положение, Ф. Энгельс боролся, в частности, против вульгарно-экономической трактовки марксистского учения. В связи с этим он писал уже в конце своей жизни В. Боргиусу: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только

экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь» [1, т. 39, с. 175]. Таким образом, следует учитывать не только активность детерминирующего воздействия материального на идеальное, но и обратные детерминирующие цепи, а также взаимодействия «внутри» материального и идеального.

В связи с этим в ракурсе основного вопроса философии можно выделить четыре формы детерминаций по направлению активности воздействия: 1) «материальное → материальное»; 2) «материальное → идеальное»; 3) «идеальное → материальное»; 4) «идеальное → идеальное».

Первая форма детерминации охватывает все виды взаимодействия «досоциальных» форм материи, т. е. включает в себя механическую, физическую, химическую и биологическую детерминации. Этой формой детерминации с присущей ей спецификой (отдельными видами) занимаются естественные науки. Детерминация идеального материальным лежит в основе материалистического мировоззрения и научного познания. Данная форма детерминации исследуется практически всеми общественными науками, и прежде всего философией (гносеологией и историческим материализмом), а также некоторыми естественными науками, имеющими отношение к выяснению материальных основ человеческого сознания и мышления (нейрофизиология, психология, кибернетика и т. п.).

Воздействие научной и иной познавательной деятельности человека на деятельность предметно-орудийную — пример детерминации материального идеальным. Сознание человека, его планы и мечты находят воплощение в реальности благодаря труду. Здесь (если видеть за идеальным обусловливающее и стимулирующее его материальное) нет никакого идеализма. Отмечая это, В. И. Ленин писал: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB» [4, т. 29, с. 104]. Детерминация материального идеальным отражает, таким образом, относительную самостоятельность, творческую активность сознания. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [4, т. 29, с. 194].

Однако сознание опирается в своей детерминации материального на познанные законы этого материального. Поэтому идеальное не производит, не «рождает» материальное, а лишь выбирает из того, что ему «предоставляет» материальное, нечто необходимое в данный момент. Свобода этого выбора и определяет относительную самостоятельность идеального. Производит действие, а не мысль о действии, поэтому активность идеального всегда опосредована деятельностью человека.

Для того чтобы до конца разобраться в чрезвычайно важном, фундаментальном как в мировоззренческом, так и в методологическом плане вопросе о соотношении идеальной и материальной детерминации, следует обратиться к анализу этого отношения в практической деятельности людей. Известно, что последняя включает в себя три элемента, отражающие этапы и последовательность развертывания практической деятельности: 1) целеполагание, 2) материально-физиологическую деятельность, 3) орудийно-предметную деятельность.

Целеполагание — осознание человеком желаемого результата деятельности до начала процесса, ведущего к этому результату, — главное, что отличает деятельность человека от инстинктивно-рефлекторной деятельности животного. Обосновывая это положение, К. Маркс писал: «...самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [1, т. 23, с. 189].

Для достижения цели человеку в процессе практической деятельности необходимо привести в действие свою костно-мышечную систему. Нервно-физиологическая деятельность человека как элемент практики неотделима от деятельности с использованием орудий труда, техники. В условиях современной научно-технической революции развитие орудийной деятельности имеет решающее значение, однако указанные три элемента сохраняются, меняется лишь доля каждого элемента.

В связи с тем что в деятельности целеполагание выступает исходным элементом, может сложиться представление, будто идеальное начало является первичным. Однако это не так. Разъясняя путь возникновения и реализации идеальных стремлений человека, Ф. Энгельс отмечал: «Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде

чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными силами»» [1, т. 21, с. 290]. Сознание человека всецело связано с активным отражением объективной реальности, созданием «субъективного образа объективного мира» [4, т. 18, с. 120].

Единая диалектика процесса деятельности и познания подчиняется закону отрицания отрицания. Начиная с деятельности, практического освоения объекта, человек вместе с тем изучает данный объект, создает в своем сознании его идеальный образ. Отражая в себе некоторые свойства реального объекта, идеальный образ служит основанием для суждения о возможности применения или изменения объекта и его свойств, — формирования целевой установки. Реализация данной установки позволяет целесообразно воздействовать на объект, результатом чего является его изменение — новый объект, в большей мере удовлетворяющий потребности человека. Полная формула детерминации человеческой деятельности и познания принимает в связи с этим вид: $М \rightarrow И \rightarrow М'$ (материальное — идеальное — новое материальное).

Детерминация материального идеальным является, стало быть, лишь заключительным звеном в цепи детерминации. Абсолютизация и отрыв этого звена от цепи являются гносеологическим корнем субъективного идеализма. Идеальное служит посредником в детерминации материального материальным. Но это посредничество активно, оно организует детерминацию именно тех факторов и именно теми факторами, которые объективно могут привести к удовлетворению тех или иных потребностей человека.

Осуществление методологической функции философии по отношению ко всем другим формам теоретической деятельности являет собой пример детерминации идеального идеальным. Сюда же можно отнести всю научную методологию и по существу всю сферу языкового общения как «непосредственную действительность мысли» [см.: 1, т. 3, с. 448]. Нельзя, безусловно, считать эту форму детерминации сферой действия «чисто идеального», необходимо помнить о том, что любое идеальное имеет материальное основание, есть «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1, т. 23, с. 21]. Язык немыслим без материальной знаковой системы, но в языковом общении детерминации, ведущей к изменению, подлежит не материальная

знаковая система, а сознание непосредственного или опосредованного слушателя или собеседника.

В плане субъектно-объектного отношения детерминация идеального материальным отражает активность объекта и потому может быть названа «объективной» детерминацией. Форма детерминации материального идеальным отражает активность субъекта по отношению к объекту и может быть охарактеризована как «субъективная» детерминация.

Выделение четырех указанных форм детерминаций позволяет уточнить рамки применимости и соотношение объемов понятий «материальное — идеальное», «объективное — субъективное». Философски универсальными являются здесь, безусловно, формы детерминации в рамках основного вопроса философии. Сохраняя свою специфику, они охватывают все сферы материального и идеального, в то время как отношение «объективное — субъективное» связано лишь со сферой человеческого познания.

Выделение указанных форм детерминации играет важную методологическую роль в современном научном познании. Так, попытка конвенционалистски интерпретировать соотношение неопределенностей В. Гейзенберга была предпринята и самим ученым, и некоторыми его сторонниками на основании неразличения 1-й и 3-й форм детерминации. Здесь объективно-относительное взаимодействие микрообъекта с прибором (детерминация «материальное → материальное») выдается за воздействие на объект человеческой «воли» (форма детерминации «идеальное → материальное»).

4. Внешнее и внутреннее, закон как формы детерминации

На необходимость различения внешней и внутренней детерминаций указывал еще Гегель [см.: 59, т. 2, с. 191—192]. Познание диалектического противоречия позволяет понять относительность противопоставления внешнего и внутреннего во взаимодействии и соответственно относительность выделения внешней и внутренней детерминаций. Внешнее переходит здесь во внутреннее, внутреннее процесса проявляется во внешнем. Так, взаимодействие между двумя противоположными социальными системами — социалистической и капиталистической, суть которого — борьба между ними, составляет

главное противоречие современной эпохи и по отношению к каждой из систем выступает как нечто внешнее. В качестве внешних могут быть охарактеризованы также и детерминанты — факторы влияния одной системы на другую.

Во взаимодействии элементов целого детерминация проявляет себя как самодетерминация. При этом поддаются выделению стороны этой детерминации — детерминанты и детерминируемое. Однако, поскольку элементы данного целого являются таковыми только в определенной структуре и в этой же структуре проявляется специфическое взаимодействие между ними, подобное выделение не должно служить основанием для квалификации выделенных сторон как внешних друг другу. Таковы процессы ассимиляции и диссимиляции живого организма, торможения и возбуждения в коре головного мозга, взаимодействие положительно и отрицательно заряженных областей в ферромагнитных сплавах и т. п.

Особенно наглядно проявляется относительность понятий внешнего и внутреннего взаимодействия (а следовательно, и детерминации) при рассмотрении элементарных частиц. Являясь до взаимодействия чем-то внешним друг для друга, две частицы «сливаются», превращаясь в нечто иное, целое. В процессе самопроизвольного распада частиц происходит превращение единого целого в новые частицы, которые при этом не являются простыми структурными единицами, частями старой, а рождаются заново. Так, π°-мезон превращается в два фотона; $\pi\pm$мезон превращается в μ-мезон и нейтрино, или электрон и нейтрино; μ-мезон превращается в электрон и два нейтрино [см.: 116, с. 139]. Разделенное становится единым, внешнее — внутренним, напротив, единое, внутреннее переходит в состояние внешней соотнесенности.

Если два внешних, до этого несвязанных фактора порождают во взаимодействии новый процесс, то оба они начинают выступать по отношению к этому процессу как его внутреннее. Так, при взаимодействии проводника с магнитным полем в проводнике появляется электрический ток, порожденный этим взаимодействием. По отношению к порожденному процессу факторы, его детерминирующие, выступают в качестве внутреннего этого процесса. Гетерогенный катализ — пример того, как внешний фактор не порождает какой-то новый процесс, а лишь стимулирует (дестимулирует) имеющийся. В связи с этим следует отличать внешнюю детерминацию,

порождающую новый процесс (и таким образом переходящую во внутреннюю), т. е. внешнюю причинную детерминацию, от внешней детерминации, только влияющей на процесс, т. е. непричинной детерминации. Ниже будет показано, что типов непричинной детерминации много (условная, функциональная, инспирация и др.).

Ф. Ф. Вяккерев отмечает, что разделение внешней и внутренней детерминации, выявление их специфики необходимо при рассмотрении проблемы самодвижения, самодетерминации процессов. При этом он использует понятие «движение» для характеристики процессов, содержание которых определено внешними детерминантами, а «самодвижение» — для характеристики процессов, основное содержание которых определяют внутренние детерминанты [см.: 57, с. 15].

Примерами внутренней детерминации выступают: взаимоотношения (отношения подчиненности, первенства) между особями одной популяции, взаимодействие центробежных и центростремительных сил данного космического тела, гуморальная регуляция физиологических процессов в организме и т. п. Уже из приведенных примеров ясно, что далеко не все виды внутренней детерминации порождают процесс, т. е. выступают в качестве причинной детерминации (таковой, например, не является гуморальная регуляция). Таким образом, внутренняя детерминация также может быть разделена на причинную и непричинную.

Подобное разделение весьма важно при выяснении вопроса о роли и источнике случайного в процессе становления действительности. До сих пор во многих определениях случайное формулируется как нечто внешнее, побочное, не связанное с данным процессом [см.: 203, т. 5, с. 33]. Анализ, проведенный выше, позволяет понять неправомерность подобного подхода к внешней детерминации. Последняя может, как мы уже убедились, играть роль даже причинной, порождающей процесс. В связи с этим «внешнее» и «побочное» (стороннее данному) вовсе не идентичные понятия. (О соотношении внешней детерминации и случайности речь пойдет несколько ниже.)

Внешняя и внутренняя детерминации присущи всем без исключения формам взаимодействия материи. Они выступают формами детерминации, каждая из которых может быть представлена разнообразными типами.

В рамках нашего исследования весьма важен вопрос о том, является закон типом детерминирующего воздей-

ствия или же его формой. Ответ связан с онтологическими основаниями категории «закон». «Мы знаем, — писал Ф. Энгельс, — что хлор и водород под действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; а раз мы это знаем, то мы знаем также, что это происходит *всегда* и *повсюду*, где имеются налицо вышеуказанные условия, и совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз и на сколько небесных телах. Форма всеобщности в природе — это *закон...*» [1, т. 20, с. 549]. В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики», подчеркнул гегелевскую фразу: «Эта сохраняющаяся устойчивость, которой явление обладает в законе», и отметил на полях: «Закон есть прочное (остающееся) в явлении» [4, т. 29, с. 136].

Учитывая данные соображения, большинство современных авторов справедливо выделяют устойчивость (повторяемость) отношений (связей) между материальными объектами в качестве главного критерия закона [см.: 81, с. 68]. Вместе с тем детерминация отнюдь не связана с критерием повторяемости, конкретной детерминации может быть присуща неповторимость, невоспроизводимость, уникальность.

Часто встречающееся отождествление закона и причинности имеет те же основания, что и отождествление причинности и детерминизма — и в том и в другом случае причинная связь объявляется единственным типом связи и детерминации. Тождество закона и причинности постулировал позитивизм на всех этапах развития этой доктрины. «С моей точки зрения, — пишет Р. Карнап, — было бы более плодотворным заменить всю дискуссию о значении понятия причинности исследованием различных типов законов, которые встречаются в науке. Когда будут исследоваться эти законы, *вместе с тем* (курсив мой. — *В. О.*) будут анализироваться и типы причинных связей, которые наблюдались» [91, с. 273]. Традиция отождествлять причинность с детерминизмом в соединении с указанным соображением приводит к отрицанию детерминизма там, где имеет место «уникальное», разовое, невоспроизводящееся причинно-следственное отношение, и лежит в основании позитивистских интерпретаций естественнонаучных фактов (например, квантовой механики, как было показано). Если сопоставить закон и причинность по объему, то исходя из приведенных соображений следует отметить частичное совпадение этих понятий (что соот-

ветствует причинному закону) и расхождение в областях, соответствующих непричинным формам устойчивых связей, с одной стороны, и уникальной невоспроизводящейся причинности — с другой.

Такое понимание соотношения закона и причинности противостоит позитивистскому тезису о том, что причинность неразрывно связана с предсказуемостью [см., например: 164, с. 360—362]. Если имеет место уникальная причинно-следственная зависимость, то никаких оснований для предсказания она давать не может. С другой стороны, предсказание может быть осуществлено на базе непричинных закономерностей. Так, взаимодействие в системе «травоядное — хищник» определяется некоторым функциональным отношением между числом хищников и числом травоядных в данной экологической нише. Естественно, что такое отношение может служить основанием для реальных прогнозов, хотя причинной, генетической связи между хищниками и травоядными нет.

По этим же соображениям следует отказаться от идеи «вневременности» причинности, т. е. обязательности и воспроизводимости причинно-следственных отношений, которую выдвинул Борн. «Например, — иллюстрирует свою мысль физик, —утверждение, что плохой урожай был причиной голода в Индии, осмысленно только в том случае, если имеется в виду вневременное утверждение: плохой урожай вообще является причиной голода» [39, с. 148]. Совершенно ясно, что автор путает здесь причину и причинный закон. Плохой урожай не обязательно является причиной голода, равно как голод не всегда имеет причиной плохой урожай.

Далеко не всякий закон непосредственно отражает причинную связь, отношение порождаемости. Таковы многие физические, химические, биологические и социальные законы, отражающие лишь внешнюю форму проявления причинных связей, но не сами эти связи (законы Ньютона, Ома, Кирхгофа, Бойля—Мариотта, Менделя, основной закон капиталистического производства и т. п.). Причинные отношения имеют более глубокий, сущностный характер и, как правило, открываются позднее закономерностей.

Устойчивость, повторяемость, воспроизводимость могут быть присущи всем типам непричинных детерминаций. В связи с этим уместно выделить функциональные, кондициональные, структурные и другие закономерности. Отождествление закономерности, причинности и

детерминизма неумолимо ведет к лапласовскому детерминизму, выступающему методологическим основанием для отрицания (что является существенной чертой неопозитивизма) объективного характера законов. Характерным примером такого рассмотрения выступает мнение буржуазного историографа Эрнста Нипа (ФРГ), считающего, что исторические обобщения (законы) связаны не с объективным миром, а с проявлением законов познания, т. е. относятся исключительно к познающему субъекту [см. об этом: 268, с. 22].

Говоря о том, что устойчивость, повторяемость могут быть присущи любому типу детерминирующей связи, мы подчеркиваем, что сама повторяемость как главный момент закономерности выступает формой детерминационных отношений, но не их содержанием. (Это указание содержится в словах Ф. Энгельса о законе как «форме всеобщности».) Отмечая данное обстоятельство, Бунге указывает: «Нет никакого правления закона, законы ничего не детерминируют: они суть *формы или схемы детерминации*, и это одно из оснований, почему детерминированность не является синонимом закономерности» [45, с. 36—37]. Такой взгляд нашел поддержку и в советской литературе [см.: 81, с. 68; 152, с. 277].

Приведенные соображения — убедительный аргумент против отождествления закона и детерминизма. Приняв их, мы можем заключить, что закон является одной из форм детерминирующих связей. В связи с этим понятие «номологическая детерминация» может быть использовано для обозначения устойчивых, повторяющихся, воспроизводившихся во времени детерминирующих воздействий в отличие от «одноразовых», неповторяющихся.

Против отождествления детерминизма с предсказуемостью следует выдвинуть и то соображение, что предсказание может быть осуществлено и на основании связи, не являющейся детерминистской. Так, устойчивая связь состояний во времени — одно после другого (классическим примером этого является смена дня и ночи) или в пространстве — одно рядом с другим (грибы одного вида, жемчужные раковины, золотые самородки и т. п.) отнюдь не всегда непосредственно представляет причинную или какую-то другую детерминистскую зависимость между связанными таким образом моментами действительности и в то же время может служить основой для успешного предсказания. (Конечно же такие связи свидетельствуют о существовании какой-то общей причины данных явлений, но предсказание бази-

руется не на регистрации этой причины, поскольку последняя часто бывает не познана.)

Произведенные уточнения играют большую роль в процессе научного познания. Прежде всего они полезны в плане преодоления восходящего к Лапласу неправомерного соединения детерминизма с предсказуемостью. Даже если смягчить постулат предсказуемости заменой однозначного предсказания вероятностным, неотъемлемость связи детерминизма с данным постулатом нельзя признать справедливой, поскольку это ведет к отождествлению детерминизма с закономерностью.

Мы убедились, что рассмотрение форм детерминирующих воздействий чрезвычайно важно как в мировоззренческом, так и в методологическом отношении. Оно позволяет установить некоторые основания синкретизма естественнонаучного и реакционных мировоззренческих выводов антинаучного мировоззрения. Научное, диалектико-материалистическое мировоззрение неразрывно связано не только с различением форм и типов детерминаций, но и с установлением универсальной системы типологии детерминаций процесса становления. Обратимся теперь к выяснению общих подходов к данной окончательно еще не решенной задаче.

Глава III

Детерминизм как «относительная необходимость» и типы детерминации

1. Переход возможности в действительность. Каузальная детерминация

Произведенный выше анализ форм детерминирующих связей через экспликацию категорий диалектики, представляющих данные формы, был по необходимости неполным. (Полный анализ форм детерминирующих связей затронул бы практически все категории диалектического материализма, что невозможно и не нужно в рамках данной работы и ее задач.) Методологическим приемом на этом этапе выступало, как указывалось, рассмотрение элементарного взаимодействия со стороны его начала и результата, исследование специфической природы детерминантов, детерминируемого и результата. Теперь в соответствии с принятым нами методом построения и исследования мы переходим к синтезу исходных понятий, совершая восхождение к конкретному, от форм детерминации — к сущности процесса детерминации, от того, что взаимодействует, — к тому, как происходит детерминация, содержанию, конкретному отношению между сторонами детерминирующих связей и процессом, т. е. к типам детерминации. Синтез полученного уже материала осуществляется с целью определения того общего, что присуще всем без исключения формам детерминирующих связей, — их внутренней структуры.

Что же должно выступать основанием для такого синтеза? Ответ на этот вопрос дан К. Марксом: «Необходимость проявляется в конечной природе как *относительная необходимость,* как *детерминизм.* Относительная необходимость может быть выведена только из *реальной возможности,* это значит: существует круг условий, причин, оснований и т. д., которыми опосредствуется эта необходимость. Реальная возможность является раскрытием относительной необходимости» [2, с. 36]. Следовательно, основанием для синтеза должен послужить процесс становления, процесс перехода реальной возможности в действительность.

Каждому материальному объекту присуще бесчисленное множество внутренних противоположностей, противоречия между которыми составляют конкретные возможности изменения объекта в том или ином отношении. Так, возможность пролетарской революции определяется противоречием между противоположными классами — пролетариатом и буржуазией. Возможность появления живого белка — наличием в атмосфере Земли свободного кислорода и других компонентов, вступающих друг с другом в отношение единства и борьбы. Противоречия определяют возможность в ее абстрактном виде. Процесс реализации возможности (переход от возможности к действительности) выступает как становление объекта, как его развитие. В связи с этим анализ факторов, определяющих данный процесс, позволяет выявить диалектику отношений развития с учетом всех элементов диалектического анализа, указанных В. И. Лениным [см.: 4, т. 29, с. 202—203]. Одновременно данные факторы являются тем «кругом условий, причин, оснований...», который опосредствует детерминизм как «относительную необходимость». Следовательно, раскрытие системы указанных факторов есть развитие системы детерминаций процесса становления объекта.

Процесс перехода возможности в действительность происходит под воздействием множества детерминаций, определяющих конкретное «лицо» становящейся действительности. Противоречия системы в процессе своего разрешения предстают в роли главных детерминирующих факторов. Если скрытое противоречие определяет возможность изменения системы, то раскрывающееся является причиной такого изменения.

Генетическая, производительная связь причины и следствия выступает, подчеркивают многие авторы, важнейшим аспектом причинности[1]. В таком случае оказывается неправомерным определение причинности как «чистого» взаимодействия. Взаимодействие «исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное» (Ф. Энгельс), но причинное отношение имеет явную направленность, асимметричность. Причина и следствие (действие) выявляются в результате исключения некото-

[1] Мы не будем анализировать здесь все аспекты причинности (однонаправленность, последовательность, необратимость и т. п.), поскольку это уже сделано в известных работах Я. Ф. Аскина, В. П. Бранского, В. Г. Иванова, М. Л. Паршука и других исследователей, и обратим внимание на те, которые важны для избранного нами ракурса рассмотрения.

рых моментов взаимодействия из всеобщей связи. Именно «*в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [1, т. 20, с. 547]. Причинно-следственное отношение является, таким образом, лишь стороной, моментом взаимодействия, включающего в себя многие непричинные типы детерминации процесса: «Причина и следствие, ergo, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» [4, т. 29, с. 143]. Взаимодействие в такой интерпретации шире причинности.

Проблема причинно-следственной связи имеет еще один важный аспект — вопрос об источнике нового в мировых процессах. Если «*действие не содержит вообще ничего, что не содержится в причине, и, наоборот, причина не содержит ничего, чего нет в ее действии*» [58, т. 2, с. 210], то становится непонятным, откуда проистекают новые состояния. Выделяются два варианта решения: либо необходимо признать, что «понятие причинности не совместимо с подлинно новым» [см.: 45, с. 235], и искать источник «новизны» в каких-то непричинных формах связи, либо попытаться опровергнуть приведенный гегелевский тезис о равенстве причины и следствия, поддерживаемый многими философами.

Одной из распространенных разновидностей второго подхода выступает идея «вероятностной причинности», в которой новое объясняется за счет неоднозначности отношения «причина — следствие». Выше уже отмечалась неправомерность концепции «вероятностной причинности». Теперь мы можем указать, что в основе данной концепции лежит отождествление причинности и закона, опирающееся в свою очередь на сведение всех типов зависимости к причинным. Вероятностные законы и «вероятностная причинность» не одно и то же, поскольку вероятностный закон (как и всякий закон) относится к ряду событий, в то время как «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю...» [1, т. 20, с. 22]. А. С. Кравец убедительно показал, что «утверждения о вероятностном исходе события 1) и причине этого исхода 2) оказываются утверждениями в разных отношениях: первое делается на основе структурного аспекта рассмотрения, второе исходит из генетического аспекта события» [99, с. 185].

Идея «вероятностной причинности» оказывается несостоятельной еще и потому, что она связана с отри-

цанием важнейшего аспекта причинности — генетической производительной связи. Нельзя не согласиться с И. В. Кузнецовым, что подобный подход выглядит «как «спасение» причинности путем ее... ликвидации» [104, с. 54].

В связи со сказанным становится очевидной неправомерность попыток свести вероятностный стиль мышления в науке к идее «вероятностной причинности». Приступив к исследованию микромира, наука, как уже отмечалось, убедилась в фундаментальном и объективном характере случайности. Но это обстоятельство не может служить аргументом против каузальности. Причинность не упразднена открытием вероятностности действительности. Анализ вероятностных отношений приводит к выводу, что нельзя сводить качественное многообразие детерминационных отношений к одной лишь каузальной связи. Упразднению подлежит при этом не причинность, а отождествление с последней детерминационных взаимодействий. Вероятностный мир не может быть сведен к однозначной причинности, но причинность действует в этом мире в качестве ведущего детерминанта. Как хорошо показал Ю. В. Сачков, ключом к решению проблемы связи вероятностных и каузальных представлений «является идея об относительно независимых (автономных) уровнях детерминации, включающая в себя и учение о причинности» [175, с. 173].

Попытаемся конкретизировать данную идею в теории взаимодействия различных типов детерминаций. При этом будем учитывать также, что вероятностное взаимодействие может быть удовлетворительно интерпретировано в рамках диалектико-материалистической теории детерминизма лишь при рассмотрении не «готовой», статичной структуры отношений, а процесса, динамики становления системы детерминаций. Только такое рассмотрение позволяет осознать вероятность (а вместе с тем и случайность как содержательную основу последней) в качестве формы проявления взаимодействия различных по типу детерминаций.

Вопрос об источнике нового тесно связан с проблемой случайного, роли последнего в процессе. «Чистая» необходимость, не оставляя места случайности, упраздняет новое. В самом деле, если некоторое предшествующее определяет некоторое последующее с абсолютной необходимостью, то, следовательно, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим существует однооднозначное соответствие. Любое новое как то, чего

не было, выбивается из рамок этой однозначности. Данные соображения заставляют нас уделить внимание вопросу о соотношении причинности и необходимости.

Одной из методологических предпосылок решения проблемы причинности квантовомеханического взаимодействия является философская интерпретация связи причинности, необходимости и случайности. Поскольку последняя тесно связана с проблемой необходимой и случайной детерминации, остановимся на этом более подробно. Выделяются следующие интерпретации соотношения причинности и необходимости: 1) необходимость и причинность полностью совпадают; 2) необходимость шире причинности и включает в себя непричинные связи; 3) причинность шире необходимости, так как включает в себя и случайные связи; 4) объемы понятий совпадают лишь частично.

Первый подход выступает одним из оснований лапласовского детерминизма и связан, с одной стороны, с отрицанием причинной обусловленности случайного, а с другой — со сведением всех форм связей мира к причинно-следственному отношению. Еще Аристотель видел в таком сведении упразднение случайности [см.: 15, с. 287]. «Когда дело идет о том, чтобы понять некоторое содержание как необходимое, — писал Гегель, — то рассудочная рефлексия видит свою задачу в сведении этого содержания главным образом к причинному отношению. Но хотя это отношение, несомненно, и принадлежит к необходимости, оно, однако, есть лишь сторона *в процессе необходимости* (курсив мой. — *В. О.*)...» [59, т. 1, с. 332].

Открытие естествознанием непричинных связей довершило критику отождествления причинности и необходимости и привело к представлению о том, что необходимость распространяется на непричинные типы детерминации, т. е. что она шире причинности. Данный, весьма распространенный в настоящее время подход часто оказывается связанным с сохранением одного из недостатков отвергнутого — утверждением «беспричинности» случая. Так, Борн пишет: «...«причина» служит для выражения идеи необходимости в отношениях между событиями, в то время как «случай» означает как раз противоположное — полную беспорядочность» [39, с. 141].

В плане конструктивной критики лапласовского детерминизма признание непричинных типов детерминации является, несомненно, шагом вперед, но включение всех типов и форм детерминаций в круг необходимости

(при непризнании сосуществующего с ним круга случайности) приводит теорию к метафизической трактовке детерминизма. Стохастические процессы вновь оказываются за бортом детерминизма, и возникает потребность в «дополнении» детерминизма индетерминизмом.

Не до конца избавляется от этих неприятностей и третий подход, признающий случайные причинные связи, но делающий необходимость составной частью причинности наряду со случайностью. Подчеркивая тонкость связи причинности и случайности (необходимости), которую некоторые исследователи не замечают, В. Г. Иванов пишет: «Случайны причины каких-то следствий, но не следствия этих причин...» [81, с. 27]. Таким образом, случайность причинных связей не упраздняет необходимости связи причины со следствием.

Диалектика соотношения необходимости, случайности и причинности учитывается в четвертом подходе: случайность, как и необходимость, может определять и причинные, и непричинные типы детерминации. Указывая на то, что причина и необходимость совпадают лишь частично, Г. А. Свечников писал, что «причины, вызывающие изменения того или иного объекта, могут быть по отношению к этому объекту и его условиям не только необходимыми, но и случайными. Случайные изменения объекта тоже причинно обусловлены, но было бы ошибкой отождествлять их с действием внутренней, необходимой причины по отношению к данной совокупности условий» [177, с. 127].

Следует отметить, что большинство современных концепций все еще стремится прямо или косвенно идентифицировать детерминизм и причинность. Данная тенденция возникает благодаря: 1) рассмотрению взаимодействия со стороны его исходного пункта и результата, т. е. в «готовых» моментах, а не в процессе; 2) неразработанности общей теории детерминации, которая описывала бы систему причинных и непричинных детерминаций становления объекта; 3) неудовлетворительности теории необходимости и случайности, лежащей в основе интерпретации детерминизма. Все эти моменты неразрывно связаны друг с другом, и нет возможности решать одну из указанных проблем, не затрагивая тем самым все остальные.

Причинная детерминация никогда не действует одна и поэтому никогда не предстает в «чистом» виде, ей всегда сопутствуют многие непричинные детерминации. Причинная детерминация — основа процесса реализа-

ции возможности, его главный детерминирующий фактор, но было бы большой ошибкой свести всю систему детерминаций к одному причинному фактору, отождествить детерминацию с причинностью. Выделение генетического аспекта, отношения порождаемости между причиной и следствием в качестве главного критерия причинности позволяет отличить от последней такие детерминации процесса становления, как кондициональная (условная), функциональная, управляющая, инспирирующая и другие типы непричинных детерминаций, к анализу которых мы переходим.

2. Кондициональная детерминация и случайность

Отметить наличие противоположных моментов, вступающих в противоречие, означает указать на возможность в ее «абстрактном» существовании, в отрыве от всех связей этого противоречия с внешними ему процессами. Но такая возможность не может служить основанием для выяснения детерминаций (включая и причинную). Исследование степени реальности возможного связано с установлением тех детерминаций, которые необходимо должны сопутствовать причине, служить материалом ее действия (вне которого причина не действует). Одной из таких детерминаций является условная, или кондициональная (от лат. conditio — условие).

Неверно было бы определить совокупность условий как реальную возможность, что иногда делается. Во-первых, условная детерминация — не единственный тип детерминации, действующей наряду с причинной. За превращение возможности в действительность ответственно, как это будет показано, множество других типов детерминаций. Во-вторых, совокупность условий сама по себе никакой возможности не представляет (при отсутствии основания возможности). Влажность, освещение, удобрение и тому подобные факторы не приведут к появлению колоса, если зерно недоброкачественное, и сами по себе не только не составляют возможность такого появления, но и не являются даже условиями (условие-процесс предполагает обусловливаемое-процесс). Мера возможности — вероятность выступает как мера реальности возможного, изменяющаяся в соответствии с наличием или отсутствием при данной воз-

можности сопутствующих детерминантов. По определению В. А. Фока, «вероятность того или иного поведения объекта в данных внешних условиях определяется внутренними свойствами данного индивидуального объекта и этими внешними условиями» [205, с. 227]. Только при наличии исходного противоречия и всех детерминаций, которые сопутствуют его раскрытию, возможность становится реальной.

С точки зрения Гегеля, реальная возможность, «так как она имеет в самой себе другой момент, действительность, уже сама есть необходимость. Вот почему то, что́ реально возможно, уже не может быть иным; при таких-то условиях и обстоятельствах не может последовать нечто иное. Реальная возможность и необходимость различны поэтому лишь *по видимости;* необходимость — это *тождество*, которое не становится еще, но уже *пред-положено...* и лежит в основании» [58, т. 2, с. 196]. Реальная возможность является необходимостью «в себе», т. е. «неразвернутой» необходимостью. Процесс перехода возможности в действительность сопровождается реализацией и опосредствованием необходимости, которая предстает в действительности уже как «относительная необходимость, как детерминизм» в форме случайного.

Распространенная так называемая «частотная» концепция вероятности [см.: 124, с. 20] основана на рассмотрении эмпирической операции и ничего не говорит об источнике, природе вероятностных отношений. Философский анализ вероятности, вскрывающий ее природу, должен опираться на философскую интерпретацию необходимости и случайности. Последняя связана, как отмечено, с выяснением многообразия типов детерминаций процесса становления действительности. На этом замыкается, таким образом, круг обеих проблем.

Условия не только являются «орудием» становления действительности, но и его материалом. Они «жертвуют собой, идут к основанию и поглощаются...» [59, т. 1, с. 321]. Так внешнее становится внутренним, составной частью процесса необходимости. Вместе с тем внешнее или внутреннее отношение к процессу не может служить критерием различия условия и причины. Поскольку главным детерминантом процесса выступает причина как генетическая, порождающая связь, отношение «внешнее» или «внутреннее» для остальных детерминаций определяется в зависимости от местоположения причинности. Так, причиной смерти человека может

быть нечто внешнее (травма) или внутренние процессы (старение организма). В зависимости от причинного отношения выделяются и условия: внутренние или внешние. Но не может быть чисто внутренних или чисто внешних отношений, так как нет процессов, абсолютно изолированных. В причинности, строго говоря, объединяется внешнее и внутреннее [см.: 177, с. 75], поэтому и условия могут быть охарактеризованы лишь как относительно внешние или внутренние.

Причина и условие взаимосвязаны в процессе и взаимно предполагают друг друга. Условия только тогда выступают таковыми, когда включаются некоторым дополнительным детерминантом в действующую причинную связь. Вне причинного отношения говорить об условии бессмысленно.

Однако не следует доводить это единство условий и причин до неразличения. Необходимо отметить относительность различения причины и условий, которые проявляют себя как таковые только в связи с конкретным процессом становления. Факторы, играющие в одном процессе роль условий, могут выступать в другом как причины. Так, воздушная среда может явиться причиной гибели (в данном случае причинное отношение берется именно к процессу смерти) многих биологических видов, не приспособленных к жизнедеятельности в ней, однако для обитателей суши та же среда является необходимым условием существования.

На этом основании можно говорить о превращении причины в условие или условия в причину. Так, кислород входил в основание причины появления жизни на Земле, а в настоящее время выступает условием ее дальнейшего развития. Примерами превращения условия в причину могут послужить многочисленные факты изменения состояния объекта при переходе условий через определенную меру. Думается, что именно в этом плане следует истолковать слова Гегеля: «Посредством использования условий предмет получает свое внешнее существование, реализует свои содержательные определения, которые со своей стороны соответствуют условиям, так что оказывается, что предмет произведен условиями и обязан им своими определениями» [59, т. 1, с. 326—327].

Условия часто смешивают с причинной детерминацией именно потому, что они играют не меньшую (но не главную!) роль в становлении процесса. Отсутствие какого-либо условия часто приводит к прекращению

процесса, напротив, появление условия как бы порождает процесс. Пример такого действия условий — проявление микрообъектом свойств волны или частицы в зависимости от макроусловий (характера экспериментальной установки).

Данное обстоятельство указывает на то, что использование широко известных методов установления причинной связи, предлагаемых формальной логикой (сходства, различия, сопутствующих изменений, остатков), может привести (и на практике часто приводит) к неверному выводу о наличии причинной детерминации там, где имеет место кондициональная.

Выше была показана неправомерность сведения необходимости к причинной детерминации. Отмечая это, многие исследователи справедливо указывают на причинную обусловленность случайного [см.: 19, с. 48—49]. Однако наиболее глубокое обоснование ошибочности такого сведения состоит в рассмотрении других типов необходимых детерминаций. В частности, необходимой может быть и условная детерминация. Экология предоставляет обширный материал, подтверждающий это. Биологические и абиотические факторы среды часто выступают в качестве необходимых условий жизнедеятельности того или иного биологического вида, популяции. Верхний и нижний предел колебаний условий существования данного вида определяет кондициональную необходимость. Необходимость выступает здесь как мера колебаний некоторой характеристики. Например, необходимым температурным условием жизнедеятельности древесных жуков-заболотников является интервал от —15°С до +50°С [см.: 72, с. 15]. Выход температуры за эти пределы приводит к гибели представителей вида. Вместе с тем конкретная температура внутри интервала (скажем, +25,5°С) является лишь случайностью-проявлением указанной необходимости.

Такой же случайностью будет и конкретная биологическая активность данной особи, обусловленная этой температурой. В свою очередь факторы, приводящие к тому или иному колебанию температуры, могут рассматриваться как случайности-дополнения данной необходимости как процесса. Случайности-дополнения можно определить в рамках кондициональной детерминации как условия «второго порядка» — «условия условий». Они не включаются в процесс, как условия «первого порядка», но выступают, несомненно, условиями такого процесса.

Различение случайности-проявления как формы данного процесса необходимости и случайности-дополнения как формы детерминации этого процесса имеет важнейшее значение для теории необходимости и случайности[2]. Появляется возможность определить источник случайной формы процесса и вместе с тем установить роль случайности как объективного фактора становления действительности.

Поскольку имманентной процессу становления выступает лишь причинность, все остальные, непричинные детерминанты могут играть роль случайностей-дополнений (что не снимает, конечно, их собственной причинной обусловленности чем-то иным). Случайность-дополнение исходит из соответствующих ультра- или инфрасистем, и по отношению к ней оправданны эпитеты «потустороннее», «необязательное», «внешнее», до тех пор пока она представлена в роли детерминанта процесса и не закреплена в его внутренней структуре, т. е. не выступила как случайность-проявление. Случайность-дополнение участвует в генезисе каждого момента действительности прежде всего в качестве некоторого внешнего детерминанта-условия внутренней тенденции к изменению как возможности.

Именно на такие условия — случайности-дополнения указывал Ф. Энгельс: «Для отдельного животного случайно, где оно родилось, какую среду оно находит вокруг себя для жизни, какие враги и сколько именно врагов угрожает ему. Для материнского растения случайно, куда ветер разносит его семена, для дочернего растения случайно, где находит себе почву для прорастания то зерно, из которого оно вырастает, и уверение, что и здесь все покоится на нерушимой необходимости, является очень жалким утешением» [1, т. 20, с. 535].

Во взаимодействии со случайностью-дополнением внутренняя тенденция получает конкретное выражение, опосредствуется им. Так, конкретная длина стебля ржи (например, 177,5 см) зависит от внешних условий произрастания — химического состава почвы, уровня освещенности, влажности и т. д., которые и выступают в качестве случайностей-дополнений по отношению к общей тенденции роста и развития, определяющей меру — пределы возможного роста (от 70 до 200 см для рассматриваемого примера), но не конкретный рост.

---

[2] На случайность как на дополнение и форму проявления необходимости впервые указал Ф. Энгельс [см.: 1, т. 39, с. 175].

Дополненная внешним фактором — случайностью-дополнением, внутренняя тенденция становится конкретным моментом действительности, который не может быть охарактеризован ни как чистая необходимость (ибо он дополнен случайностью), ни как чистая случайность (ибо мера возможных отклонений четко определена тенденцией — возможностью), а только как случайность-проявление данной необходимости. Случайность-проявление есть, таким образом, конкретное выражение диалектического единства необходимости и случайности, единства, представленного в любом моменте действительности.

Это, конечно, не значит, что случайность-дополнение являет собой некую чистую случайность. Прежде всего вне процесса перехода материального объекта из возможного состояния в действительное, вне конкретного процесса детерминации говорить о случайности или необходимости того или иного момента действительности так же бессмысленно, как, например, задаваться вопросом, движется или не движется абсолютно изолированный объект. Случайность-дополнение проявляет себя как таковая только в конкретном соотнесении с конкретным процессом, в котором она участвует, т. е. с конкретной необходимостью, в становлении которой она играет роль опосредующего фактора. Вне этого отношения данная «случайность» (т. е. уже просто момент действительности) может быть представлена как случайность-проявление необходимости своего генезиса и т. д.

Разрешение проблемы типологии случайности в ее соотношении с необходимостью не только способствует развитию диалектико-материалистического мировоззрения, но и имеет непосредственную связь с философскими проблемами естествознания. Типология случайности вооружает естественные науки методом, позволяющим изучать те или иные явления в соответствии с их внутренней сущностью. Напротив, искажение диалектики взаимосвязи необходимости и случайности ведет к отрицательным последствиям.

Так, если согласиться с определением некоторыми авторами случайного как «необязательного» в явлениях или отождествить необходимость с одно-однозначной причинностью, легко перейти на позиции механоламаркистской (эктогенетической) концепции, согласно которой любое изменение среды с необходимостью влечет за собой изменение организма. Такой же взгляд на

необходимость и случайность лежит в основе противоположной (противоположности сходятся) — автогенетической концепции, абсолютизирующей роль внутреннего источника развития и полностью игнорирующей роль среды в процессе эволюции популяций. Подобный же подход явился, как это было показано, методологической предпосылкой индетерминистских интерпретаций в квантовой физике.

Представляется целесообразным производить дальнейшее уточнение содержания категорий «необходимость» и «случайность» через построение системы опосредующих категорий, в которую (с учетом диалектики взаимосвязи между категориями марксистско-ленинской философии) войдут почти все известные категории диалектического материализма. При этом парные категории, отражая диалектику противоположностей, должны в связи с этим обладать преимуществом при построении подобной системы.

Выбрав в качестве основания такой эксплицирующей системы категорий необходимость и случайность, мы должны, кроме того, определить принцип построения системы. Здесь есть два пути: либо исходить из процессов объективной действительности и воспроизводить в построении системы логику этих процессов (развития), либо опираться на исторический путь становления категорий, развития познания. Единство субъективной и объективной диалектики выявляется и в том и в другом случае как в процессе построения, так и в структуре уже законченной системы.

В онтологическом плане рассмотрения необходимость и случайность соотносятся как сущность и явление и сопоставимые с ними категории, т. е. соответственно как внутреннее и внешнее, устойчивое и изменчивое, общее и единичное и т. д. В гносеологическом плане необходимость и случайность соотносятся прежде всего как абстрактно-рациональное и конкретно-чувственное.

Устойчивое, общее, существенно-внутреннее, т. е. то, что объединяется в философской категории «сущность», имеет статус объективного существования, но они существуют только в «снятом» виде в изменчивом, единичном, внешнем — т. е. в явлении. Категории «изменчивость», «единичное», «внешнее», раскрывающие содержание явления, характеризуют, таким образом, и случайность. Вместе с тем и категория «случайность» характеризует явление. При этом в соответствии с тре-

бованием диалектического материализма «внешнее» должно рассматриваться как внешнее данного внутреннего, а не как потустороннее-внешнее.

Случайность как явление, как конкретное, постигается в первой фазе познания чувственно. Рациональное (посредством абстрактного мышления) постижение сущности есть процесс распознавания в совокупности случайных явлений необходимого. На этом уровне возможным становится различение случайностей, в которых проявляется данная необходимость (случайностей-проявлений), и случайностей, включенных в данную совокупность явлений, но не связанных с данной необходимостью (случайностей-дополнений). Случайность и необходимость начинают в связи с этим определяться друг через друга, во взаимной связи, а не порознь, как это происходит на чувственно-эмпирическом уровне познания.

Система категорий диалектики, раскрывающая взаимосвязь и отношения необходимости и случайности (случайности-проявления данной необходимости), может быть построена лишь на высшем уровне познания связи необходимости и случайности, выступать в качестве заключающей дефиниции. Случайность-дополнение не входит в данную систему, ибо она, как это было показано, включается в случайность-проявление в качестве момента ее структуры. После того как процесс закрепления случайностей-дополнений во внутренней структуре явления завершен, мы имеем дело со случайностью-проявлением.

Подводя предварительный итог сказанному о соотношении необходимости и случайности, можно определить необходимость как момент развития, детерминируемый раскрывающимся противоречием и отражающий относительную устойчивость, повторяемость, целостность и непрерывность, направленность процесса развития. В соответствии с этим случайность — дополнение и форма проявления необходимости, отражающая относительную неустойчивость, неповторяемость, дискретность и отсутствие наперед заданного направления в процессе развития.

Необходимость является формой бытия причинности. Случайность дополняет необходимость в том отношении, в котором она дополняет причинность в виде непричинных детерминаций. Относительность необходимости объясняется именно существованием разнообразных непричинных типов детерминации. Если бы в мире действовала одна только причинность, он был бы подчи-

ней «чистой» необходимости лапласовского детерминизма.

Не только условие, кондициональная детерминация, может играть роль случайности-дополнения процесса. Любые типы детерминаций процесса, генетически сторонние данному процессу, выступают в роли случайности-дополнения и определяют случайно-конкретную форму действительности процесса. Одним из таких типов является функциональная детерминация.

3. Функциональная детерминация и корреляция

Вопрос о функциональной связи и функциональной детерминации является одним из наиболее сложных и спорных в теории детерминизма. Особое место занимает проблема соотношения функциональной связи и причинности. Г. А. Свечников полагал, что «функциональная зависимость есть лишь один из способов отражения причинных связей» [177, с. 129]. Данное мнение в той или иной форме разделяют многие авторы. С. Г. Яцковский, например, считает, что функциональная связь и причинность относятся между собой как явление и сущность [см.: 226, с. 15—16], А. М. Магомедов приходит к выводу, что «функциональная связь отражает причинность не только тех явлений, которые генетически связаны, но в равной степени и сосуществующих явлений» [112, с. 7].

Все эти подходы так или иначе базируются на определении функции как характеристики зависимости между изменениями элементов (частей) одной системы или взаимосвязанных систем, приближающемся к математическому определению функциональной зависимости: «...две переменные величины X, Y связаны *функциональной зависимостью*, если каждому значению, которое может принять одна из них, соответствует одно или несколько определенных значений другой» [56, с. 386]. Такое определение действительно не содержит указания на причины и сущность связи, а лишь описывает ее характер. Однако в данном определении есть моменты, которые не позволяют интерпретировать функциональное отношение как способ существования, форму причинных связей. Во-первых, между переменными не устанавливается никакой однозначной субординации, они взаимно влияют друг на друга, тогда как в причинном

отношении активная направленность действия причины является непременным условием. Во-вторых, нет указания на генетическую связь между переменными, что составляет главный критерий причинности. Вместе с тем отсутствие генетической связи в функциональном отношении отнюдь не делает последнее недостаточным для формулирования детерминации [см.: 152, с. 281]. Кондициональная детерминация, например, также лишена генетического признака.

В приведенных определениях функциональной связи ясно чувствуется влияние идей подвергнутого выше критике «панкаузализма». Следует, однако, сделать ряд оговорок в отношении математического понятия функциональной зависимости, с тем чтобы его можно было использовать для формулирования функциональной детерминации как философского понятия. Математическое понятие функциональной зависимости распространяется на отношения не только между физическими величинами, но и на абстрактные математические символы, не имеющие своего прямого референта в действительности. Забвение этого положения, «онтологизация» математической функции неминуемо ведут к идеализму. В. И. Ленин боролся против подмены позитивистами причинности именно такими функциональными выражениями [см.: 4, т. 18, с. 163—165]. Функциональное отношение может выражать причинную связь, если принять необратимую зависимость между аргументом и функцией, однако такое допущение идет вразрез с приведенным определением функциональной зависимости.

Следует различать математическую функциональную зависимость и функциональную детерминацию как активный момент реального взаимодействия (что может быть в некоторых случаях описано на языке математической функциональной зависимости). Под функциональной детерминацией нами понимается такая взаимосвязь двух или нескольких процессов, когда каждый из них в равной мере определяет становление и само существование остальных. Таким образом, функциональная детерминация фиксирует простой факт, что ни один материальный процесс не происходит в абсолютной изоляции, а связан и зависит от параллельно протекающих процессов.

Далеко не всякая математическая функция описывает функциональную детерминацию. В определении последней мы переходим от формального отношения математической функции к содержательному отношению,

которое она выражет. Например, простейшая математическая функция, отражающая зависимость между пройденным путем S, скоростью движения v и затраченным временем t, $S=v \cdot t$, являясь математической функциональной зависимостью переменных величин, не отражает функциональной детерминации. Нельзя говорить о том, что время или скорость детерминируют путь. Детерминация всегда остается активным моментом взаимодействия, а в данном случае бессмысленно задаваться вопросом о характере взаимодействия тех величин, которые входят в функциональное отношение.

Рассмотрим другой пример. В кишечнике термитов обитают простейшие — жгутиковые, которые имеют возможность при помощи специальных ферментов расщеплять поедаемую их «хозяевами» древесину до сахаров. Термиты погибают в отсутствие жгутиковых, так как не обладают способностью самостоятельно переваривать древесину. В свою очередь жгутиковые могут существовать только в кишечнике термитов, ибо только там они находят достаточное количество полуприготовленной пищи и нужные условия жизни [см.: 52, с. 253]. В биологии такое отношение между видами получило название «мутуализм». Мутуализм часто может быть описан математической функцией, характеризующей численное соотношение между особями различных видов и другие параметры. Здесь функциональное отношение отражает функциональную детерминацию. Функционирование одного вида определенным образом детерминирует функционирование другого вида. При этом детерминация выступает активной стороной взаимодействия видов.

Мутуализм являет собой пример положительной функциональной детерминации. Уместно выделить и отрицательную функциональную детерминацию, примером чего может служить борьба между биологическими видами за данную экологическую нишу. Результатом такой отрицательной функциональной детерминации является либо истребление одного вида другим (полное подавление), либо миграция — перемещение одного из «противников» в другую экологическую нишу (прекращение взаимодействия). Отрицательным такой вид функциональной детерминации может быть назван потому, что изменение, вызываемое действием детерминации, всегда имеет в этом случае негативный характер для процесса, подвергаемого данной детерминации.

От положительной и отрицательной функциональной детерминации следует отличать функциональное отно-

шение противоположностей, в котором эти два вида функциональной детерминации представлены в единстве. Примером такой детерминации является взаимодействие в системе «травоядное — хищник». Здесь функциональное отношение также может быть математически смоделировано [см.: 64, с. 26—27].

Мы построили изложение на примерах из биологии, где отношения функциональной детерминации представлены наиболее выпукло. Однако можно привести данные химии, геологии, социологии. Функциональная детерминация является типом детерминации, который присущ всем развивающимся системам на любом уровне организации материи.

Безусловно, следует отличать функциональную детерминацию как взаимодетерминацию от детерминации условиями (кондициональной) как детерминации однонаправленной. В этом смысле мы согласны с М. А. Парнюком, отмечающим: «Функциональная зависимость означает прежде всего, что изменению одной величины соответствует изменение другой... что стороны отношения симметрично взаимозависимы...» [152, с. 279].

Одной из неотъемлемых характеристик функциональной детерминации выступает обратная связь (положительная или отрицательная), вне которой подобная детерминация не могла бы осуществляться (не было бы места симметричной взаимодетерминации). Наличие обратной связи — один из критериев отличия функциональной детерминации от корреляции, с которой она часто отождествляется.

Сущность корреляции, по А. А. Чупрову, «заключается в том, что возможные значения одной переменной встречаются в сочетании с разными значениями другой переменной и что каждому сочетанию присуща определенная вероятность» [209, с. 38]. Приняв данное определение за исходное, мы видим его отличие от определения функциональной математической зависимости. Последняя предполагает строго определенное изменение одной величины при изменении другой, связанной с ней функционально. Здесь же речь идет о том, что значения переменных не соответствуют друг другу в изменении, а лишь встречаются в определенных сочетаниях с данной вероятностью. Следовательно, если функциональная математическая зависимость может быть использована с определенными уточнениями для характеристики функциональной детерминации, то корреляция вообще не отражает детерминационной зависимости.

Хорошо демонстрирует суть корреляционной связи пример Бунге: «Красные яблоки сладки» [45, с. 60]. Само по себе изменение цвета яблока не ведет к изменению его вкусовых свойств, равно как и наоборот. Данное обстоятельство указывает на отсутствие детерминационной связи между признаками, хотя каждый из них чем-то детерминирован. Корреляционная связь не детерминирует, она лишь указывает на присутствие детерминации. При этом корреляция отнюдь не обязательно должна быть связана с причинной детерминацией. Вполне возможно возникновение корреляции на основе кондициональной детерминации. Интересным примером является здесь биологическая конвергенция — приобретение общих внешних признаков различными биологическими видами в результате единых условий среды обитания. Здесь имеет место корреляция соответствия, указывающая на общий детерминант — условие. Говорить о взаимной детерминации признаков в данном случае бессмысленно.

Корреляция часто выступает как форма проявления функциональной детерминации, что является основанием для смешения функциональной детерминации и корреляции. Установление корреляции — феноменологический уровень познания действительности, за которым должно следовать раскрытие основания корреляции — конкретных типов детерминаций, представленных в явлении в форме корреляции.

4. Инспирирующая детерминация (инспирация)

Одной из несомненных заслуг Гегеля в диалектической разработке теории причинности является разделение им причины и повода исторического события. «В истории, — писал он в связи с этим, — стало обычным остроумное изречение, что *из малых причин* происходят *большие действия*, и поэтому для объяснения значительного и серьезного события приводят какой-нибудь *анекдот* как первую причину. Такая так называемая причина должна рассматриваться лишь как *повод*, лишь как *внешнее возбуждение*, в котором *внутренний дух* события мог бы и не нуждаться или вместо которого он мог бы воспользоваться бесчисленным множеством других поводов, чтобы начать с них в явлении, пробить себе путь и обнаружить себя» [58, т. 2, с. 213]. Указав на кон-

кретное отличие повода от причины, Гегель отметил, что попытка представить повод как «малую причину» есть попытка перевернуть, поменять местами внешнее (чем является повод) и внутреннее — причину, то, что и делает данное внешнее таковым по отношению к себе (поводом), но «само это переворачивание снимает отношение причинности» [58, т. 2, с. 214].

Данное замечание Гегеля осталось незамеченным и не сыграло должной роли в становлении теории детерминизма (причинности в ее ранний период) в естествознании. Спустя почти столетие А. Пуанкаре пишет: «Причина слишком маленькая, чтобы мы ее заметили, детерминирует заметное следствие, которое мы не можем не замечать, и тогда мы говорим, что это следствие случая» [см.: 232, с. 364]. Пытаясь объяснить случайность как «маленькую причину», Пуанкаре совершает то самое «переворачивание», от которого предостерегал Гегель, — выдает за причину то, что на самом деле является иным типом детерминации действительности.

Дальнейшее развитие естествознания и социологии потребовало новой, углубленной и расширенной философской интерпретации того, что можно назвать поводом в приложении к любым процессам становления. Открытия современного естествознания (в особенности, как было показано, физики) настолько обострили проблему причинности, что потребовались усилия большого коллектива философов и представителей естественных наук для создания теории причинности, соответствующей полученному эмпирическому материалу. Завершение этой работы в настоящее время имеет своим существенным аспектом отделение причинности от детерминации типа повода.

В мировоззренческом и методологическом отношении разделение причины и повода весьма важно, так как их отождествление ведет к абсолютизации роли случайного фактора в становлении действительности. Причина из внутреннего фактора (внутреннее противоречие) превращается при этом в некоторый внешний фактор («малую причину») — случайность. «Если камень весом в центнер поднят на высоту десяти метров и свободно подвешен, оставаясь так в равном самому себе состоянии и покоящемся отношении, то нужно апеллировать к публике из грудных младенцев, чтобы утверждать, будто теперешнее положение этого тела не выражает никакой механической работы или что расстояние, на котором оно находится от своего прежнего положения, не имеет

никакой меры в механической работе» [1, т. 20, с. 61],— писал Ф. Энгельс, критикуя метафизический метод Е. Дюринга, мешавший последнему установить истинную причину перехода от относительно неподвижного состояния тела к движению. Причина эта вовсе не во внешнем толчке, действием которого Дюринг пытался объяснить изменения всякого материального предмета и мира в целом, а в высвобождении потенциальной энергии, внутренне присущей телу до толчка. Сам толчок выступает разновидностью детерминации типа повода. Случайность такой детерминации мы можем на основании предшествующего анализа охарактеризовать как случайность-дополнение данного процесса, которая приводит к тому, что результирующее изменение выступает в форме случайности-проявления необходимости процесса.

В. Г. Иванов ввел понятие «инициация», позволяющее более глубоко проследить механизм действия повода. «В общем смысле, — определяет он, — инициация может означать коренное изменение эволюции системы, которое может быть обусловлено либо снятием одной из детерминаций, ограничивающих или воспрещающих какое-либо движение, либо распадом целостности некоторой системы, либо качественным изменением процесса, либо синтезом процесса нового типа на основе интеграции действия различных причинных цепей» [79, с. 111]. Инициация есть, таким образом, момент изменения, момент перехода к новому состоянию, появлению нового в развитии.

«Понятие новизны, — отмечает Иванов, — неразрывно связано с понятиями инициации, порождения, начала, имеющими всегда свой внутренний источник в тех процессах, с которыми они связаны. Причинение и выражает тот механизм, который инициирует возникновение нового» [81, с. 50—51]. Следовательно, инициация неотъемлемо связана с причинностью, с каузальной детерминацией.

Однако следует выделить факторы, которые только «подталкивают» процесс к инициации, инспирируют действие порождающих факторов. Такого рода детерминация не имеет еще своего устоявшегося названия. Мы предлагаем определить ее как инспирирующую детерминацию, или «инспирацию»[1]. Повод выступает видом

[1] Восходя к латинскому inspiratie — наущение, внушение, вдохновение и inspirare — внушать, воздействовать, подстрекать, данный термин нашел отражение в немецком inspirieren — вдохновлять и французском inspiration — внушение, вдохновение.

инспирации, действующим в социальных процессах, и в связи с этим все сказанное уже о поводе относится к инспирирующей детерминации.

Инспирация не только «запускает» процесс, но и определяет место, время, а следовательно, и конкретный характер данного процесса. Так, камень, брошенный в некотором участке гор, детерминирует время и конкретный путь схода снежной лавины, но его действие не выступает каузальной детерминацией этого схода, последняя заключена в разрешении внутреннего противоречия — состояния неустойчивого равновесия данного пласта снега. Инспирация высвобождает действие основного детерминанта инициированного процесса — «запускает» причинную детерминацию, связывая возможность изменения системы в определенном отношении с факторами, сопутствующими такому изменению (кондициональной, функциональной и другими детерминациями), и способствуя тем самым реализации некоторой возможности, заключенной в данном объекте.

Таково место инспирации в системе детерминаций процесса перехода возможности в действительность, т. е. процесса реализации возможности. Играя роль «повивальной бабки», инспирация не порождает процесс, не определяет возможность процесса, но в известной мере детерминирует реальность этого процесса. Инспирирующее воздействие ведется опосредованно — через «подсоединение» или, напротив, «отключение» от процесса тех или иных сопутствующих определенному его изменению детерминаций. Так, ветер, выполняя роль сеятеля для семян разных растений, соединяет возможность развития, заключенную в семени, с конкретными условиями, в которых оно сможет или не сможет развиваться (влажностью, химическим составом почвы, освещенностью, наличием растений-соперников, растений-паразитов, животных, угрожающих или способствующих в чем-то развитию, и другими факторами экологической ниши). Детерминант-инспирация, влияя на конкретное протекание процессов, не включается в них. В связи с этим инспирация может, как показал рассмотренный пример, исходить и основываться на процессах, отличных по своей природе от инспирированного процесса.

То обстоятельство, что инспирирующая детерминация высвобождает действие каузальной, делает инспирацию сходной в явлении с причинностью и выступает основой их отождествления. Скрытая каузальность подменяется «лежащей на поверхности» инспирацией, и по-

следняя выдается за причину того или иного явления. Вскрыть эту кажимость, установить различие причины и инспирации — важнейшая задача науки. Рассмотрение кризисных ситуаций в квантовой механике и термодинамике достаточно наглядно продемонстрировало последний тезис.

Характерна острота анализируемой проблемы при рассмотрении детерминантов социальных явлений, где инспирация выступает в форме повода. Как часто наши идеологические противники на Западе сознательно пытаются подменить причинность поводом, чтобы представить тот или иной исторический процесс в искаженном виде! Подвергая критике некоторых теоретиков, выдвигающих войну в качестве обязательной побуждающей причины революции, В. И. Ленин писал: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях» [4, т. 35, с. 403].

Здесь содержится указание на два важных в плане анализа инспирации момента: 1) инспирация «сама по себе», на неразвитых стадиях основных детерминантов, не может вызвать событие; 2) инспирация может принимать самые разнообразные формы, нет никаких обязательных инспираций, жестко «соединенных» с данным процессом. Вместе с тем инспирация как таковая выступает необходимой и обязательной детерминацией любого процесса перехода из возможного состояния в действительное.

Соединение факторов, обусловливающих возможность изменения, с факторами, благоприятствующими реализации этой возможности, никогда не происходит самопроизвольно. Перечислив объективные факторы, создающие революционную ситуацию (т. е. возможность революции), В. И. Ленин отмечает, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, имен-

но: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его «не уронят»» [4, т. 26, с. 219].

Если сложилась возможность к определенному изменению и соответствующие условия ее реализации, то дело только за инспирацией, процесс перехода возможности в действительность «ожидает» лишь инспирирующую детерминацию для того, чтобы начаться. С момента начала процесса главные детерминирующие факторы перестают отражать лишь возможную тенденцию к изменению (определять возможность) и становятся причинными детерминантами, или собственно причиной процесса.

Являясь типом детерминации, инспирация может принимать самые разнообразные формы. Она бывает физической, биологической, химической или социальной; горизонтальной и вертикальной; внешней и внутренней; закономерной и случайной и т. д. Установить, какую именно форму принял в данном процессе тот или иной тип детерминации, возможно лишь при системном рассмотрении этого процесса. В связи с этим мы переходим сейчас к рассмотрению становящегося объекта как системы и выявлению специфики системной детерминации сложного синтетического типа детерминации.

5. Системная детерминация и управление

Популярность системного подхода в науке и практике начиная с 50-х годов неуклонно возрастает. В работах по общей теории систем, системному подходу и сопряженным вопросам не ослабевают дискуссии в связи с экспликацией понятия «система». Автор одной из монографий по данной проблеме, А. Н. Аверьянов, определяет систему как «отграниченное множество взаимодействующих элементов» [11, с. 25]. Данная дефиниция несколько расходится со ставшим традиционным определением системы Л. фон Берталанфи как «комплекса взаимодействующих компонентов» [30, с. 29]. Общим в этих определениях выступает указание на взаимодействие элементов. Встречаются также определения системы, опирающиеся на понятие связи элементов (компонентов) [см.: 172, с. 18].

Предшествующий анализ показал, что понятия «связь» и «взаимодействие» не имеют между собой однозначного соответствия, так как есть связи, не отражающие взаимодействие (связь состояний). Показано также, что исходным понятием в познании выступает взаимодействие, которое ведет к представлению о связи, но не наоборот. Поэтому мы считаем более приемлемым вариант определения «системы», опирающейся на понятие взаимодействия.

Активной стороной любого взаимодействия, как мы установили, является детерминация. В связи с этим встает вопрос о сущности системной детерминации. Система характеризуется структурой и элементами. Определим структуру как способ связи, организацию элементов содержания системы, понимая под элементами такие составляющие системы, которые не подлежат разложению на более простые части [см.: 42, с. 23] (в отношении данной системы), или «любые явления, процессы, образующие в своей совокупности данное явление, данный процесс, а также любые свойства явлений, образующие в своей совокупности некое новое свойство, и, наконец, любые отношения, образующие в своей совокупности новое отношение» [178, с. 133].

Деление элементов на элементы-явления, элементы-процессы, элементы-свойства и элементы-отношения весьма важно для типологии структур. Внешние структуры характеризуют способ взаимосвязи элементов-свойств и элементов-явлений, внутренние — способ взаимосвязи элементов-отношений и элементов-процессов. Внутренняя структура является основой, сущностью внешней. Так, взаимное расположение, взаимное отношение атомов органического соединения является основой свойств данного соединения.

Нельзя, однако, предполагать, что внутренняя структура детерминирует внешнюю структуру как определенную совокупность свойств. Последняя выступает именно способом, формой проявлений первой. Между ними нет отношения детерминации, поскольку нет отношения взаимодействия. Другое дело отношение между элементами в данной системе — внутренний момент внутренней структуры. Здесь элемент и структура выступают как взаимодействующие стороны диалектического единства.

Система может представлять собой органичное или неорганичное целое. Для первого одной из главных характеристик является невозможность существования и функционирования элементов (частей) в отрыве от си-

стемы (клетка живого организма, муравей, деталь механизма и т. п.), в то время как это возможно для второго (элементарная частица в «свободном» состоянии, человек в рамках определенной группы и вне ее) [3].

Примечательно, что в случае неорганичной системы элемент внутри системы обладает несколько иными параметрами, чем вне ее (т. е. уже перестав быть элементом). Так, за счет дефекта масс «электрон и протон в атоме водорода несколько отличаются от тех же свободных частиц» [см.: 116, с. 80—81]. В психологии известен так называемый эффект толпы — один и тот же человек в толпе поддается панике гораздо легче, чем вне ее. Рассмотрение примеров из разных областей можно было бы продолжить, но ясен вывод: между элементом и системой имеет место взаимодействие, активной стороной которого выступает детерминация. Она может быть названа системной.

Системная детерминация выступает как взаимная детерминация, поскольку элемент также определяет, в некотором отношении детерминирует, поведение системы. Изменение или перемещение (изменение положения) элементов изменяет качество материального объекта. Изменение элемента проявляется в изменении отношения между ним и другими элементами, т. е. в изменении структуры системы. Изменение способа взаимосвязи элементов ведет к изменению состояния каждого элемента системы. Так происходит взаимная детерминация элементов системы. Элемент детерминирует изменение системы, система оказывает детерминирующее воздействие на элемент. Один и тот же состав людей может представлять и неорганизованную толпу, и слаженный рабочий коллектив, в зависимости от характера связи между взаимодействующими элементами, т. е. от структуры системы. В связи с этим будет изменяться и состояние каждого элемента.

Отношения системной детерминации имеет в виду К. Маркс, рассматривая пример простой кооперации: «...механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции... Здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой произво-

[3] Мы здесь несколько отступаем от «классической» трактовки органичного и неорганичного целого, приписывая первое не только биологическим и социальным, но и физическим и другим системам.

дительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...» [1, т. 23, с. 337].

Поскольку структура выступает формой проявления — законом взаимодействия элементов системы, говорить о структуре как детерминанте не имеет смысла. Специфика системной детерминации состоит в особого рода взаимодействии элементов внутри системы. Рассмотрение специфики системного взаимодействия — ключ к пониманию самодетерминации, самодвижения, ибо только в отношении системы можно говорить о «воздействии на себя» (бессистемное, бесструктурное целое, «монолит» не представляет возможности для подобных трактовок).

Взаимная детерминация элементов системы, которая и создает систему как целое, синтезируется из детерминации элементов элементами в различных сочетаниях. На отдельный элемент оказывают детерминирующее воздействие и непосредственно взаимодействующие с ним элементы, и факторы взаимодействия между этими элементами, и опосредованные влияния элементов, с которыми он впрямую не контактирует, через особый характер организации элементов, определяющий новое качество всей системы. Собственно системная детерминация включает в себя детерминирующее воздействие всех взаимодействий системы на каждый ее элемент и обратное воздействие элемента на всю структуру взаимодействий.

Данный комплекс детерминаций можно расчленить на более простые детерминирующие связи. Но эти связи, являясь элементами системы, в отрыве от нее перестают отражать специфику системной детерминации и выступают в виде уже рассмотренных типов причинных и непричинных детерминаций. Вот почему нам представляется неприемлемым сведение элементов системной детерминации к причинно-следственному отношению [см.: 227, с. 39].

В подтверждение сказанного рассмотрим один из «классических» примеров системной детерминации. Им является различие свойств графита и алмаза, постро-

енных из одних и тех же атомов углерода. Различная пространственная структура — основа различия внешних свойств. Вместе с тем элементарные связи между отдельными атомами, их взаимодействие не несут в себе причинной детерминации. Здесь скорее имеет место функциональная детерминация. Нет причинного отношения и между структурой и свойствами. Свойства не порождаются структурой, а именно основываются на ней. Отношение основания следует отличать от причинного отношения. Активность основания по отношению к обосновываемому иная, чем активность детерминантов по отношению к детерминируемому. По Гегелю, «основание — это то, что́ непосредственно, а основанное — то, что́ опосредствовано» [58, т. 2, с. 100]. Отношения между основанием и основанным аналогичны отношению сущности и явления: «Основание есть *в самой себе* сущая сущность...» [59, т. 1, с. 281]. Между основанием и основанным нет отношения взаимодействия, так же как его нет между сущностью и явлением, а это значит, что между ними нет и отношения детерминации.

Системная детерминация не может быть сведена ни к одному из рассмотренных типов и потому представляет собой особый тип детерминации, который исследуется наукой и все шире используется практикой.

Ни один из указанных типов детерминации не действует в реальном процессе «в одиночку». Данное положение распространяется и на системную детерминацию. Структурный анализ должен быть распространен до понимания системной детерминации, которая ведет к изменению элементов или структуры. Именно благодаря этому изменению система сохраняется как некоторое целостное образование. Так, сохранение живого организма основано, в частности, на системной детерминации, приводящей как к изменению элементов (клеток), входящих в состав организма, так и к некоторым изменениям организма — системы (скажем, фенотипических), происходящих под воздействием изменения в клеточном взаимодействии. Здесь проявляется диалектика изменчивости и устойчивости. Вместе с тем функциональная детерминация в той интерпретации, которая дана выше, может входить в состав системного воздействия и выступать таким образом элементом системной детерминации.

Многочисленные эксперименты, проведенные Н. Роком и Ч. Харрисом, доказывают взаимосвязь, взаимодействие в процессе восприятия окружающей действи-

тельности зрения и осязания с доминированием зрения [см.: 168, с. 275—289]. Эти опыты показывают взаимосвязь функциональной и системной детерминации. Зрение и осязание, выступая элементами системы восприятия и детерминированные этой системой, связаны вместе с тем друг с другом функциональной детерминирующей зависимостью.

Поднятый в конце 50-х — начале 60-х годов вопрос о сущности развития, специфике его как высшего типа движения все еще остается, как было показано выше, предметом достаточно острых дискуссий. Все авторы сходятся, однако, во мнении, что развитие нельзя отождествлять с движением, с изменением вообще. На наш взгляд, является также справедливым утверждение ряда исследователей, что понятие «развитие» применимо только к системам. Таким образом, рассмотрение детерминантов процесса развития оказывается непосредственно связанным с системным анализом. Уже отмечалось, что одним из критериев развития признается его направленность, проявляющаяся в движении последовательных изменений состояний системы к определенному результату, заложенному в известной мере в исходном состоянии. Эта «заложенность» связана с конкретной возможностью системы к изменению в определенном отношении. Реализация данной возможности, переход ее в действительность и есть собственно процесс развития.

Одним из неотъемлемых спутников процесса развития, поскольку он заключает в себе направленность изменений, выступает детерминация сохранения за процессом определенной направленности (сохранение или целевое изменение состояния), или управляющая детерминация. Управляющая детерминация отличается от причинной, так как она не порождает процесса (процесс имеет особую причину возникновения и развития). Управляющая детерминация отличается от инспирации, поскольку последняя выступает лишь как «разовая», «запускающая» детерминация процесса, а управляющая сопровождает весь процесс от начала и до конца. Рассматриваемая детерминация не может быть сопоставлена с функциональной, ибо функциональная детерминация является взаимной детерминацией, в то время как управляющая детерминация однонаправлена. Управляющая детерминация близка к кондициональной внутренней, однако последняя не придает процессу явной направленности и, что еще более важно, не регулирует эту направленность с помощью обратной связи. Обрат-

ная связь является главным отличительным моментом управляющей детерминации. (При этом обратная связь действует внутри процесса, а не между процессами, как в функциональной детерминации.)

Диалектическое единство отрицательной и положительной обратной связи между результатами процесса (изменением) и его начальными детерминантами — необходимый момент всякого управления. Управляющая детерминация является детерминацией «второго порядка», так как выступает в качестве детерминации детерминаций. Пример управляющей детерминации — гомеостаз, тенденция к поддержанию постоянства внутренней среды. Управление в данном случае основано на принципе отрицательной обратной связи: «избыточное накопление продукта какой-либо реакции ведет к замедлению процесса его образования, а недостаток этого продукта — к ускорению того же процесса» [52, с. 26]. Конкретным примером такого процесса является синтез важнейшего гормона человеческой крови — кортизола. Его концентрация в крови регулируется гипофизарным гормоном АКТГ (адренокортикотропный гормон). Вместе с тем кортизол тормозит выделение АКТГ гипофизом [см.: 52, с. 536—537]. Так совершается взаимодействие по принципу отрицательной обратной связи, результатом которого выступает постоянство этого гормона в организме.

Наличие управляющей детерминации является важным критерием отличия развивающихся систем от неразвивающихся совокупностей. Детерминантом управляющей детерминации выступает особая система или специализированные органы управления, которые могут являться составной частью развивающейся системы (самоуправление) или же находиться вне ее. Известно, что в наиболее полном виде процессы управления рассмотрены кибернетикой. Мы не можем здесь в силу рамок данной работы (как масштабных, так и содержательных) уделить достойное внимание специфике управляющей детерминации и поэтому ограничимся общими характеристиками, представляющимися нам наиболее важными. (Далее будет показана роль управляющей детерминации в социальных процессах.)

Управление связано с активным выбором из вариантов, предоставляемых реальной возможностью течения процесса, того, который удовлетворяет программе (задаче) управления. Если выбора нет (единственный вариант), то и управление невозможно, ибо оно не создает

возможностей, а лишь реализует их. Активность выбора предполагает предоставление благоприятных условий для реализации соответствующих программе управления тенденций к изменению системы, а также упразднение неблагоприятных условий и благоприятных условий реализации не соответствующих программе тенденций.

Управление включает контроль за результатом произведенного управляющего действия — обратную связь с программой. Поэтому управляющая детерминация связана с процессом, который детерминирует действие по его управлению. Такой процесс от начала до завершения самоинспирирует себя посредством определенной системы управления.

В этой сопровождающей весь процесс опосредованной самоинспирации и состоит специфическое отличие управляющей детерминации от простой инспирации. Последняя не связана с решением какой-либо определенной задачи и представляет собой разовое, «запускающее» действие, хотя так же, как и управление, связывает тенденцию-возможность процесса с благоприятными условиями ее реализации. Инспирация играет роль случайности-дополнения процесса, тогда как управляющая детерминация включается в процесс в качестве элемента его содержания.

В связи со сказанным не следует, как это иногда делается при характеристике обратных связей, смешивать управляющую и причинную детерминации. Управляющая детерминация не порождает процесса и даже не обусловливает его, она лишь постоянно инспирирует его определенную направленность, соединяя каузальную детерминацию с кондициональной и другими типами непричинных детерминаций.

Управляющая детерминация является всеобщим типом детерминации, относящимся ко всем формам бытия материи (и, таким образом, ко всем формам детерминационных отношений). Поэтому неверно было бы однозначно связывать управление с целью. Целевой характер управляющая детерминация приобретает только в действиях человека, в связи с осознанием им своих потребностей и задач, на пути решения которых можно удовлетворить эти потребности.

Различение типов и форм детерминации дает возможность установить, что цель — не тип, а форма детерминации, присущая деятельности человека. Экстраполяция цели, целевой установки на живую и неживую природу приводит к телеологии. В попытках такой эк-

страполяции цель обычно определяют как установление причинной связи между результатом и действием [см.: 207, с. 208]. Однако конечный результат, поскольку он достигнут, уже не может быть целью, но, не будучи достигнутым, он, поскольку его еще нет в действительности, не может быть причиной или какой-либо другой детерминацией, кроме идеальной.

Как уже было отмечено, строгий детерминистский анализ упраздняет необходимость прибегать к целеполаганию в отношении природы. Целью часто называют определенную законом направленность изменений, течения процесса. Но при таком подходе можно постулировать наличие цели у камня, падающего с горы, пули, вылетающей из ствола и попадающей в определенную точку мишени, и т. п. Все подобные процессы подчинены законам и имеют направленность, но цель имеет не пуля, а стрелок. Думается, что главным основанием неправомерно расширительного толкования цели является абсолютизация причинности как единственного типа детерминационной зависимости.

Отметим необходимость различения процессов передачи информации и управляющей детерминации. Сопоставление информации как меры упорядоченности, определенности, организации с противоположным ей по содержанию понятием энтропии признается удовлетворительным многими исследователями [см.: 195, с. 45—51; 224, с. 68—128]. Именно такая трактовка информации не допускает отождествления процесса передачи информации и детерминации. Тем более данный процесс не тождествен управляющей детерминации, хотя последняя, как отмечено, неразрывна с информационной обратной связью. «Управление, — отмечает А. Д. Урсул, — более сложный процесс, чем передача информации, ибо обязательно включает в себя переработку информации по определенным правилам (алгоритмам). Управление обязательно связано с целью, программой, которая либо формируется в кибернетической системе, либо задается извне и затем реализуется системой» [195, с. 64].

По отношению связи можно выделить внутреннюю и внешнюю управляющую детерминации. Так как управляющая система может находиться на ультра- или инфрауровнях в отношении к управляемой системе, то вполне уместно выделить вертикальную и горизонтальную формы управляющей детерминации. Универсальность управляющей детерминации (она действует во всех без исключения процессах развития) позволяет

определить ее как специфический тип детерминации развивающихся систем. Конкретные разновидности управляющей детерминации, их особенности, изучает кибернетика на примерах управления в развитии неживых, живых и социальных систем.

Абсолютизация роли системной детерминации в процессе становления объекта, как и всякая абсолютизация, приводит к метафизическому упрощению со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, у известного французского биолога Ж. Моно система в качестве изолированного целого противостоит внешней среде. Структура такой системы лежит в основании эволюции живого, выступает основанием устойчивости этой эволюции, необходимостью. Напротив, внешняя среда — источник случайного, революционизирующего начала. Подразделяя мир на «царство необходимости» и «царство случайности», Ж. Моно отдает первое на откуп структуре, подменяя понятием «структура» понятие «причина». Необходимость, согласно Моно, есть процесс сохранения и воспроизведения заданного состояния: «Телеономический механизм полностью логичен, удивительно рационален, в совершенстве приспособлен к своему проекту: сохранять и репродуцировать структурную норму» [260, с. 32]. Всякое изменение такого процесса связано с вмешательством (извне) случайного фактора. Оказав однажды революционизирующее воздействие, данный фактор пускает процесс по новому направлению, предоставленному новой необходимости. Здесь последующее опять определено предшествующим по схеме «жесткого» детерминизма лапласовского толка: «Случайный жест какого-то синантропа уже возвестил тот прекрасный день, когда возник мозг, открывший теорию эволюции» [260, с. 136—137].

Случайная мутация играет в теории Моно ту же роль, что и случайная «катастрофа» у Ж. Кювье, которая, по выражению Ф. Энгельса, «на место одного акта божественного творения... ставила целый ряд повторных актов творения и делала из чуда существенный рычаг природы» [1, т. 20, с. 352]. Моно заявляет, что «только случай лежит в основе какого-либо новообразования, какого-либо творчества в живой природе. Чистый случай, ничего, кроме случая, абсолютная слепая свобода как основа удивительного здания эволюции — это главный итог познания современной биологии» [260, с. 131]. Ученый не принимает во внимание тот факт, что случайность неотделима от необходимости как форма ее

проявления, и сводит случайность к дополнению необходимости. Основанием подобной антидиалектической интерпретации выступает отсутствие в концепции Моно (в виде методологической предпосылки) типологии детерминаций процесса эволюции (он отбрасывает даже каузальный тип детерминации).

Вышеизложенное, не претендуя на исчерпывающую полноту, показывает огромную мировоззренческую и методологическую роль типологии детерминации, которая позволяет выяснить ход процесса становления любого объекта-системы, представить как бы модель этого становления, которая может послужить исследовательской программой в выяснении специфики конкретного характера становления какого-либо конкретного объекта, подлежащего анализу. (В V главе этой книги мы используем данную модель для анализа специфики детерминации развития общества.)

Системное исследование типов детерминации, учитывающее диалектику причинных и непричинных детерминаций, различающее типы и формы детерминационных отношений, позволяет вскрыть методологическую и мировоззренческую несостоятельность современных буржуазно-идеалистических концепций, показать, что их методологическим основанием является метафизическое и индетерминистское рассмотрение природных и социальных процессов. Учитывая особое внимание, которое уделяет сегодня КПСС критике антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачению фальсификаторов марксизма-ленинизма [см.: 6, с. 146; 7, с. 74], мы посвятим рассмотрению указанных вопросов отдельную главу.

Глава IV

Мировоззренческий смысл индетерминизма и метафизического детерминизма

В заключении своего выдающегося философского труда «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин сформулировал принципы критики буржуазно-идеалистических концепций, блестяще использованные им для демонстрации реакционности эмпириокритицизма. Этими принципами являются: 1) сравнение теоретических основ рассматриваемой философии и диалектического материализма; 2) определение места анализируемой философской «школки» среди остальных философских школ современности; 3) выяснение связи данной «школки» с естественнонаучными концепциями; 4) определение классовой, партийной сущности критикуемого учения [см.: 4, т. 18, с. 379—380]. Опираясь на эти принципы, проведем сопоставление теоретических оснований современного антинаучного мировоззрения (в аспекте детерминистских представлений) с диалектико-материалистической концепцией детерминизма (в приведенной выше трактовке) и постараемся установить при этом историческую и логическую связь детерминистских представлений в составе некоторых современных буржуазно-идеологических теорий с подобными представлениями в предшествовавших и сопутствующих им концепциях[1].

Как было показано в предыдущих главах, основными противниками диалектико-материалистической концепции детерминизма выступают сегодня метафизический детерминизм (в формах «панкаузализма» и кондиционализма) и индетерминизм. Промежуточное положение между ними занимает плюралистическая концепция детерминизма, являющаяся «переходной» формой. Перейдем к их рассмотрению.

[1] Выяснению связи философского идеализма с естественнонаучным мировоззрением уже было уделено внимание, вопрос о философской партийности детерминистских взглядов рассматривается в V главе данной работы.

1. Кондиционализм как основание позитивизма

Одной из негативных реакций на «панкаузализм» в его лапласовской трактовке явился кондиционализм — сведение всего многообразия детерминирующих факторов к условиям. Кондиционализм при кажущемся противопоставлении «панкаузализму» имеет с последним много общего. Прежде всего — метафизическое рассмотрение мира (всех факторов изменения и развития вне процессов). Эта общая предпосылка ведет к во многом единым мировоззренческим выводам.

Кондиционализм появился и получил дальнейшее развитие в рамках позитивизма. О. Конт, основатель позитивизма, вполне определенно заявил о несовместимости его концепций с каузальным объяснением мира: «...мы считаем, безусловно, недоступным и бессмысленным искание так называемых причин как первичных, так и конечных. Бесполезно долго распространяться о принципе, который теперь хорошо известен всякому, кто сколько-нибудь глубже изучал науки наблюдения. Действительно, всякий знает, что в наших позитивных объяснениях, даже наиболее совершенных, мы не стремимся указывать *причины*, производящие явления, так как, таким образом, мы только отдаляли бы затруднения; но мы ограничиваемся тем, что точно анализируем условия, в которых явления происходят, и связываем их друг с другом естественными отношениями последовательности и подобия» [96, с. 6]. В этом небольшом отрывке сконцентрирована суть позитивистской методологии и мировоззрения: отказ от причинного анализа как якобы невозможного, «метафизического»; сведение научного исследования к наблюдению за внешней стороной явлений — феноменализм; указание на необходимость рассмотрения не причин, а условий явления — кондиционализм. Эти положения являются отличительными характеристиками позитивизма на всех этапах его развития, вплоть до неопозитивизма и постпозитивизма.

Редукция причинного отношения к совокупности условий — кредо кондиционализма — достаточно полно раскрыта Дж. Ст. Миллем, виднейшим представителем первого этапа позитивизма: «...причина есть полная сумма положительных и отрицательных условий явления, взятых вместе, вся совокупность всякого рода случайностей... наличность которых неизменно влечет за собой следствие» [127, с. 299].

Позитивизм «эмпириокритического» этапа унаследовал кондиционализм вместе с отрицательным отношением к причинности. Посвятив отдельный параграф «Материализма и эмпириокритицизма» проблеме причинности, В. И. Ленин указал, что с признанием объективной причинности непосредственно связано мировоззрение материализма [см.: 4, т. 18, с. 162]. Напротив, попытка махистов заменить причинность последовательностью условий или математическим понятием функции (как связи условий) есть не что иное, как субъективный идеализм, основанный на повторении «основной идеи, *общей* и Юму и Канту: отрицании объективной закономерности природы и выведении тех или иных «условий опыта», тех или иных принципов, постулатов, посылок *из субъекта*, из человеческого сознания, а не из природы» [4, т. 18, с. 171].

Наиболее яростным борцом за идеи кондиционализма был профессор физиологии и директор Физиологического института Геттингенского университета М. Ферворн. Философские труды Ферворна — яркий пример синкретизма естественнонаучного мировоззрения. Оставаясь стихийным материалистом в области физиологии, где он достиг немалых результатов, ученый перестает быть материалистом, как только пытается произвести мировоззренческое обобщение своих взглядов. Борьба за «монистическое мировоззрение» проводится им в полном соответствии с махистским тезисом о единстве «психических» и «физических» элементов мира, сводящих вторые к первым. Ферворну представляется, что материалистический метод исследования годен лишь для «естественнонаучной методологической гипотезы», но совершенно не подходит «в качестве базиса для миросозерцания», так как материалистическое воззрение для этого «чересчур узко» [см.: 198, с. 12]. Столь же непригодно и понятие причинности.

Ферворн воюет с материализмом и причинностью одновременно, ощущая, вероятно, их неразрывную связь. Ученый почти полностью повторяет сказанное О. Контом и Дж. Миллем: «Понятие причинности — понятие мистическое, возникшее в эпоху примитивного человеческого мышления. Строго научное изложение не знает «причин», а только закономерные зависимости. Но если понятие «причинности» означает лишь существование однозначно определенной закономерности, то момент «причины» в нем не только излишен, но и прямо не соответствует истине, потому что процесс или состояние

никогда не определяются однозначно «одной-единственной причиной», а всегда совокупностью условий, которые все имеют одинаковую ценность, ибо все они необходимы. Причинная закономерность есть спекулятивная мистика, а условная закономерность есть опыт» [198, с. 150—151].

Рассмотрение этого отрывка подтверждает ранее выдвинутый тезис, что кондиционализм явился негативной реакцией на «панкаузализм» в его лапласовском варианте. Ферворн убежден, что исповедуемый им кондиционализм имеет основание прежде всего в том «факте», что «всякое «объяснение» может быть лишь описанием». В доказательство этого положения Ферворн пытается привлечь и исследуемый им естественнонаучный материал, связанный с психологией первобытного искусства. Вот здесь-то и проявляется основное зло синкретического мировоззрения — мировоззренческие установки, возникшие как искаженное отражение, интерпретация естественнонаучного материала, начинают «работать» по принципу отрицательной обратной связи: исследование, проводимое с использованием элементов такого мировоззрения как методологических оснований, становится все больше и больше подтасовкой, подгонкой фактов под доказываемое положение. Так синкретизм естественнонаучного мировоззрения уводит ученого от науки, естественнонаучное мировоззрение превращается в антинаучное. Основной вывод Ферворна: «...всякое истинно научное познание должно... быть облечено в форму условного предложения, ибо научное познание состоит и должно состоять лишь в констатировании закономерной зависимости» [198, с. 150]. Сведение познания к чувственному восприятию приводит автора к агностическому утверждению о непознаваемости причин. Непознаваемое при помощи чувств, по его логике, можно объявить несуществующим. Другое дело — условия, они «совсем не таинственны и не непознаваемы, ибо это сами вещи, которые я ведь могу воспринять» [198, с. 151].

Ферворн пытается убедить читателей в том, что он «достиг своего психомонизма независимо от Маха, Авенариуса, Циена» [198, с. 31], однако терминология и система определений «выдают» Ферворна. Здесь и оперирование словом «элемент» в отношении «физического» и «психического», и рассуждение о «мистицизме» материализма, признающего причинность, которую непосредственно нельзя ощутить, и стремление к «монизму» мировоззрения на основе монизма психического.

Некоторые места произведений Ферворна указывают на то, что он пользовался теми же «первоисточниками», что и Э. Мах и Р. Авенариус. Достаточно привести такое высказывание: «Я беру камень в руку. Что я знаю о нем? Он тяжел — это ощущение, он холоден — это тоже ощущение, он тверд — опять ощущение, он имеет форму — комплекс ощущений, он падает и движется — опять комплекс ощущений. Ничего, кроме ощущений, я про него не знаю. Сколько я ни буду искать, я найду лишь ощущения... Противоположность телесного мира и душевного не существует, следовательно, в действительности, так как весь телесный мир — это только содержание души. Есть вообще лишь одно — это богатое содержание души» [198, с. 24]. Это высказывание, не оставляющее сомнений в его мировоззренческой принадлежности, почти полностью повторяет сказанное Дж. Беркли в «Трактате о принципах человеческого знания» [см.: 28, с. 171], из которого черпали свои идеи Мах и Авенариус [см.: 4, т. 18, с. 14—25].

В связи с изложенным нам представляется не совсем корректным считать Ферворна основателем кондиционализма [см.: 204, с. 163]. Он не был оригинален ни в концепции кондиционализма, ни тем более в своих субъективно-идеалистических взглядах, а является лишь яростным защитником и популяризатором этих идей. В. И. Ленин предельно четко охарактеризовал философские взгляды Ферворна: «Никакого понятия о диалектическом материализме и полное неумение отличить материализм как *философию* — от отдельных, заскорузлых взглядов материалистами называющих себя *обывателей* данного времени» [4, т. 29, с. 354].

Кондиционализм представляет отнюдь не только исторический интерес. Многие современные буржуазные концепции прямо или косвенно используют кондиционализм в качестве методологической предпосылки. Такова, например, концепция «географического детерминизма» и тесно связанная с ней «геополитика». Знакомство с современными теориями позитивистского толка убеждает, что в них также часто производится подмена каузального объяснения процессов кондициональным, поскольку последовательный позитивизм всегда отвергал и будет отвергать диалектико-материалистическое учение о внутреннем противоречии как причине изменения и развития.

Кондиционализм проникает и в работы некоторых современных естествоиспытателей. Он проявляется здесь

прежде всего в нерасчленении причины и условий, отождествлении их, свободной замене, перестановке этих понятий в тексте, что, как было показано выше на примере анализа некоторых работ по теории эволюции, чревато не только терминологической путаницей, но и искажением смысла той или иной концепции.

Причины и условия часто не разделяются в педагогике и психологии, что ведет к выработке неверных рекомендаций. Работы психологов буквально пестрят терминами «фактор», «условие», «черта», «побудительная сила», «характеристика», «акт» и т. п., которые подчас используются в качестве синонимов. Иногда исследование сводится к выявлению все новых и новых «факторов», определяющих поведение индивида (их число доходит до 400 и более) [см.: 121, с. 228—248]. При этом в качественном отношении факторы различаются лишь по основаниям «внешние — внутренние», «главные — неглавные». Системного детерминистского анализа, как правило, не производится, что служит основанием рецидивов бихевиористских и гештальтских концепций в психологии.

Это соображение подтверждается исследованиями Л. М. Веккера, показавшего, что в гештальтпсихологии «сложилась теоретическая ситуация, которая, несмотря на свою явную противоположность выводам бихевиоризма, скрывает в своем исходном пункте то же тамое генерализованное представление о психике, в котором замаскированы различия между принципиально разными уровнями ее организации. Расплывчатость границы между биологически детерминированной перцептивной психикой и социально детерминированной собственно мыслительной ее надстройкой, обусловившая в бихевиоризме отождествление отсутствия мысли с отсутствием психики вообще, в гештальтизме привела к отождествлению перцептивной психики с ее интеллектуальным или мыслительным уровнем» [49, с. 23]. Отождествление мышления с психикой — общее основание как для бихевиоризма, сводящего психическое к физиологической реакции организма на внешнее воздействие, так и для гештальтпсихологии, абсолютизирующей оторванные от ощущений и, следовательно, от внешнего мира целостные психические «структуры», «гештальты», в качестве источника всех психических процессов и мышления. И та и другая концепции — основание для субъективно-идеалистического, позитивистского мировоззрения и имеют своей существенной предпосылкой кондициона-

лизм как разновидность механического детерминизма.

Качественное различение факторов, организующих психические процессы, возможно лишь при опоре на диалектико-материалистическую концепцию детерминизма, позволяющую выделить причины, условия, повод, функциональное взаимодействие и тому подобные детерминанты и уточнить их субординацию и координацию в определенной системе. Отсутствие такого анализа сдерживает развитие психологии, во многих своих областях сводящейся пока еще сегодня лишь к собиранию новых и новых «факторов».

Сказанное касается прежде всего психологии личности. Крупный бельгийский психолог Ж. Нюттен после весьма детального анализа всевозможных «детерминантов» мотивации поведения приходит к неутешительному выводу: «...мы не можем в настоящее время сформулировать *единую* динамическую схему, пригодную для объяснения всех видов мотивации поведения» [140, с. 98]. Создание такой «схемы» невозможно без качественного разделения различных по своему содержанию детерминаций (как мотиваций поведения). В то же время автор не проводит принципиального различия даже между основаниями мотивации поведения человека и животных (для подтверждения этого тезиса достаточно сопоставить приводимые Нюттеном характеристики социальной мотивации и мотивации у животных [см.: 140, с. 61—65, 28—35]. Нерасчлененность мотиваций-причин и мотиваций-условий приводит к скрытому кондиционализму со всеми отмеченными выше последствиями.

2. «Плюрализм» детерминизма и «плюральность» мировоззрения

В настоящее время довольно широко используется типологизация определений детерминизма — «номологический», «каузальный», «пробабилистский», «логический» и т. п. [см.: 81, с. 62—63]. Французский философ А. Лаланд считает необходимым установить различие между «прогрессивным», или «поступательным», детерминизмом, «регрессивным» детерминизмом и «обоюдным» (réciproque) детерминизмом [см.: 256, с. 224]. Если в первой типологизации основанием выступает тип связей, то Лаланд выделяет в качестве такого основания направленность процесса развития к новому, более прогрессивному уровню организации.

На наш взгляд, подобный «плюрализм» способствует возникновению многих недоразумений между философами и представителями естествознания. Детерминизм — единый мировоззренческий и методологический принцип диалектического материализма, и задачей философии является не разделение его путем типологизации определений, а, напротив, объединение различных трактовок в единое определение, раскрывающееся в единой теории. В этом смысле нам кажется неоправданным и разделение философского и естественнонаучного понятия детерминизма, предлагаемое некоторыми авторами, ибо это ведет к упразднению методологической функции философского принципа по отношению к конкретным наукам.

Получается парадоксальная ситуация — то, что «детерминистично» в плане «философского» детерминизма (например, вероятностные квантовомеханические отношения), будет «индетерминистично» в плане «физического» детерминизма. Выше было показано, как подобный прием использовался позитивизмом для обоснования агностической позиции. Опровергая «доводы» подобного рода, В. И. Ленин писал: «Разве это не обскурантизм, когда чистая теория заботливо отгораживается от практики? Когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кроме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке? В моем кабинете, — говорит ученый педант, — я детерминист, а о том, чтобы философ заботился о цельном, охватывающем и теорию и практику, миросозерцании, построенном на детерминизме, нет и речи» [4, т. 18, с. 199].

Неправомерность философских типологизаций детерминизма проявляется и в том, что не может быть «некаузального» детерминизма, общий принцип должен содержать причинность в качестве одного из главных моментов. В диалектическую трактовку детерминизма следует включить и все другие аспекты, содержащиеся в указанных «частных типах». Справедливо отмечая ограниченность последних, В. Г. Иванов указывает, что «многие из этих частных трактовок уходят корнями к лапласовскому определению принципа детерминизма» [81, с. 63].

Монизм (как материалистический, так и идеалистический) возможен там и тогда, где и когда используется теория, способная объединить знание, представленное

в концепциях, взглядах и тому подобных элементах, в единую систему. Поскольку научное познание выявляет (в зависимости от избранного ракурса рассмотрения действительности) не только различные, но и прямо противоположные моменты бытия, объединяющей теорией может быть только диалектика, ибо именно она является учением «о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности...*» [4, т. 29, с. 98]. Поэтому любая метафизическая доктрина обречена в своем логическом завершении на плюрализм. В первую очередь данное соображение касается детерминистских взглядов. Невозможно монистическое мировоззрение, если оно не опирается на целостное диалектико-материалистическое понимание детерминационных отношений в мире.

Подвергая критическому анализу мировоззренческий плюрализм, следует подчеркнуть различие между монистическим воззрением и монистическим подходом. В первом случае, как справедливо указывает Н. Т. Абрамова, речь идет о предельно широком взгляде на мир — монизме мировоззрения. Понятие же «монистический подход» относится к более узкой сфере — к рассмотрению частных сторон бытия и познания [см.: 10, с. 80]. Ясно, что монистическое воззрение предполагает монистические подходы. Однако монизм в анализе отдельных моментов действительности или познания далеко не всегда распространяется на другие моменты, доводится до монистического воззрения. В соответствии с этим не всегда сочетаются плюрализм воззрения и плюрализм подхода. Антинаучное мировоззрение часто синкретически соединяет в себе монизм идеалистического мировоззрения с уступками материализму в отдельных подходах. Плюрализм в детерминистских воззрениях является, как было показано, основанием мировоззренческого плюрализма постольку, поскольку детерминистские воззрения выступают основанием мировоззренческих систем. В соответствии со сказанным мы уделим наибольшее внимание в данной главе анализу конкретных примеров того, как плюрализм в детерминистских воззрениях обосновывает плюралистический подход к исследованию социальных явлений и приводит к плюрализму в мировоззрении.

Плюрализм «детерминизмов» содержит в себе скрытый индетерминизм, поскольку всегда можно выбрать позицию, с которой данные конкретные отношения могут быть представлены как «недетерминированные».

Мировоззренческим следствием доктрины плюрализма детерминизма является доктрина плюральности мировоззрения. Ее основные посылки таковы: нет единой концепции детерминизма, а потому не может быть и единой мировоззренческой концепции. Каждый смотрит на мир «со своей колокольни», т. е. в ракурсе своих детерминистских взглядов. Среди таких взглядов неправомерно выделять ведущие и ведомые, здесь нет субординации — все они равноценны.

Весьма «модные» в настоящее время идеи плюральности мировоззрения (термин «плюрализм» восходит к Лейбницу и был введен еще в XVIII в. Х. Вольфом) впервые в наиболее законченной форме были обоснованы соответствующими детерминистскими взглядами крупнейшим представителем религиозного экзистенциализма К. Ясперсом. В работе «Истоки и цель истории» Ясперс среди прочих проблем рассматривает центральный для всего экзистенциализма вопрос — вопрос о сущности и основании человеческой свободы. Несмотря на утверждение об иррациональном характере свободы («Для научно-предметного мировоззренческого знания свобода не существует. Поэтому свободу нельзя определить твердо установленным понятием» [251, с. 199]),Ясперс предпринимает попытку определить сущность свободы как состояние перед выбором, способность к выбору. Когда выбор совершен, утверждает философ, свобода оборачивается своей противоположностью: «Принимая решения, человек берет на себя выбранную тем самым несвободу. Отказавшись от различных возможностей, он свободно осуществляет свое решение, но при этом ограничивает себя» [251, с. 198].

Это классическое для экзистенциализма понимание свободы Ясперс связывает с множественностью (почти неограниченной) вероятных детерминаций мира. Такая множественность определяет невозможность познания мира: «Если мы постигаем в истории общие законы (каузальные связи, структурные законы, диалектическую необходимость), то собственно история остается вне нашего познания» [251, с. 299]. Мир в своей целостности никогда не может быть охвачен человеческим мировоззрением из-за бесконечной сложности и разнообразия определяющих его факторов. В связи с этим познание мира не несет истины, всякий взгляд выхватывает лишь малую часть мировых связей, и потому всякая убежденность в той или иной определенности событий имеет право на существование.

Смешивая вопрос об абсолютной истине с проблемой объективности истины, Ясперс доказывает, что, поскольку не может быть тотального знания, не может быть и тотального планирования». Последнее, по мнению Ясперса, основано на монокаузальном мышлении. Подтекст борьбы с монокаузальностью иной, чем тот, который предлагается в настоящей работе, хотя Ясперс и выступает под флагом диалектического анализа. Замысел автора концепции в том, чтобы под видом полидетерминированности протащить индетерминизм и агностицизм: «Мир истории в целом необозрим, хотя в отдельных его явлениях есть множество доступных исследованию каузальных, мотивационных, ситуационных и смысловых связей. Все они, открываясь нашему взору, обнаруживают свой частичный характер; познание их никогда не ведет к убедительному знанию целого» [251, с. 234].

Упрек в монокаузальном мышлении и в вере в «тотальное планирование» брошен Ясперсом социализму как учению и как строю. Для философа существует лишь два варианта: «Либо мы сохраняем перед лицом всеобъемлющего рока право свободного выбора, верим в возможности, которые проявляются в свободном столкновении различных сил... Либо мы живем в созданном людьми тотально планируемом мире, в котором гибнет духовная жизнь и человек» [251, с. 226].

Принимая эту, явно апологетическую в отношении мира «свободной конкуренции» формулу, Ясперс не замечает, что признание «всеобъемлющего рока» уничтожает всякую альтернативность решений как на практике, так и в теории. В концепции Ясперса ложна не сама по себе идея множественности, многообразия детерминаций мира, а убежденность, что это многообразие человеку никогда не соединить в единство, единый взгляд на единый мир, т. е. не создать единое мировоззрение. В связи с этим философ полагает, что у каждого человека свой мир, который он пытается навязать другим [см.: 251, с. 207]. Поэтому-де и следует отделить мировоззрение от политики, так как воздействие чьего-либо мировоззрения на политику ведет к несвободе всех граждан данного государства. Идеология, по Ясперсу, ложное мышление, как и мировоззрение; свобода заключается в том, чтобы не возводить мировоззрение в ранг государственной политики и сохранить возможность каждому исповедовать любые взгляды; плюральность мировоззрения — основа демократии.

В действительности мировоззрение как идеология отражает интересы не отдельных «субъектов», а классов и социальных групп. Не может быть общества, разделенного на антагонистические классы, в котором бы не происходила вместе с борьбой политической и идеологическая борьба — борьба мировоззрений. Плюрализм в детерминизме связан с упразднением единства, осуществляющегося на основе субординации и координации качественно различных детерминаций процессов (в том числе социальных), с объявлением «равноправности» этих детерминаций. Плюрализм мировоззренческий, опираясь на плюрализм детерминистский, выдвигает идею равноправности всех мировоззренческих установок и затушевывает тем самым истинные причины, условия и другие детерминанты социальных процессов как в базисе, так и в надстройке. Такая позиция представляет собой практически апологию индетерминизма и уход от материалистического взгляда на мир, так как наряду с материальной равноправной признается и идеальная детерминация действительности. Советские исследователи современной буржуазной философии отмечают плюралистическую методологию в качестве одной из отличительных черт большинства субъективно-идеалистических построений [см.: 222, с. 52—69].

Современный мировоззренческий плюрализм базируется, как и у Ясперса, на гносеологически обосновываемой идее плюральности детерминаций и претендует на статус общемировоззренческой доктрины. Эта доктрина имеет большое влияние на политику целого ряда ведущих буржуазных и социал-реформистских партий Европы. На идеях «плюрального детерминизма» фактически покоится концепция «множественности моделей социализма» и все ее модификации: концепция «еврокоммунизма», «африканского социализма» и т. п.

Большинство сторонников идеи плюрализма в мировоззрении по сей день опираются на рассмотренные выше соображения К. Ясперса. При этом плюральность мировоззрения доходит до отрицания мировоззрения (так же как плюральность детерминизма до индетерминизма). Отрицая на словах монизм в любой его форме — как материалистической, так и идеалистической, сторонники плюрализма на деле исповедуют (как мы это наблюдали у Ясперса) субъективный идеализм. Идея Ясперса оформилась в лозунг «Плюрализм — это демократия». Г. Спиннер (ФРГ) раскрывает этот лозунг следующим образом: «В то время как монизм, прежде

всего в его догматически дегенерированной форме, поощряет авторитарные извращения, плюралистическая модель познания и действия содержит зачаток как гуманитарной этики, так и философии демократии. Противоположность монизма и плюрализма переходит здесь в мировоззренческо-философское обоснование противоположности тоталитаризма и демократии» [272, с. 104].

Понимание демократии как плюрализма идей, доведенного до отрицания всякой идеологии и мировоззрения, нашло свое отражение в программах многих буржуазных партий. Без преувеличения можно сказать, что метафизическая идея «плюрализма» является сейчас наиболее широко применяемым оружием буржуазной идеологии, идеалистического мировоззрения в борьбе против пролетарской идеологии, научного, коммунистического мировоззрения. Буржуазные концепции «исключительной» роли молодежи в современном мире, «автономности личности» (абсолютизирующей свободу развития индивидуума), «улучшения и демократизации советской модели социализма», «демократии без берегов» и тому подобные псевдотеории прямо или косвенно основываются на доктрине плюральности детерминационных отношений мира.

Напротив, диалектико-материалистическая концепция детерминизма является неотъемлемым элементом процесса формирования научного мировоззрения. С позиций диалектического детерминизма совершенно очевидной становится абсурдность упомянутых буржуазных концепций. Так, статья 20 Конституции СССР, указывая на коммунистический идеал: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» [5], законодательно закрепляет диалектико-материалистическое понимание соотношения личных и общественных интересов. Положения Конституции о правах и обязанностях советских граждан определяют существо социалистической демократии и вместе с тем выступают теоретическими положениями, опровергающими идеалистические и метафизические рассуждения об «абсолютной свободе личности» или «демократии без берегов». Права и обязанности находятся в неразрывной диалектической связи, и на это обстоятельство прямо указывает статья 59 Конституции СССР: «Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей» [5].

Во взаимозависимости детерминистских представлений и характера использующих их в качестве основания

конкретных идеологических концепций, политических программ, законодательства проявляется партийность детерминизма как мировоззренческой теории. Раскрытию этого важного аспекта связи детерминизма и мировоззрения будет уделено внимание в следующей главе.

Плюрализм настаивает на многовариантности и специфичности детерминаций на всех уровнях бытия материи и для каждого конкретного случая взаимодействия. В этом проявляется антиномологическая направленность плюрализма. Последний выступает не только против экстраполирования закономерностей, принципов взаимодействия одного уровня на другие, но и против любого обобщения в таких принципах и закономерностях конкретных взаимодействий на одном уровне организации.

Абсолютизируя специфичность единичного, плюрализм разрушает основание единства представлений о мире, превращая его единство в конгломерат различного рода фактов о различных областях действительности. Такая позиция смыкается с узким эмпиризмом субъективно-идеалистического толка. Отрицание объективно общего неизбежно ведет сторонников плюрализма к поискам основания общности отдельных мировоззренческих взглядов (поскольку без такой общности немыслимо выдвигать какую бы то ни было концепцию) в сознании.

Неотъемлемым спутником плюрализма является релятивизм, абсолютизирующий относительность познания мира и ведущий к конвенционалистским выводам.

Поскольку, как уже отмечалось, мировоззренческо-методологическим основанием плюрализма является доктрина «панкаузализма», метафизически сводящая разнокачественные детерминанты к причинным, перейдем к рассмотрению «панкаузализма» как основания субъективного идеализма.

3. «Панкаузализм» и субъективный идеализм

А. Лаланд, раскрывая понятие «детерминированность» (déterminer) в отношении физических явлений, определяет его как синоним глагола «причинять», «быть причиной» (causer). «Детерминировать», по его мнению, значит «производить, а не только обусловливать или постоянно предшествовать» [см.: 256, с. 221]. Явное и неявное отождествление понятий «детерминация» и «причинение» встречается в работах М. Бунге [см.: 45,

с. 20]. Не избежали этой ошибки и некоторые советские исследователи. Отождествление детерминации с причинением до сих пор выступает, как мы убедились, основанием для выдвижения непричинных типов детерминаций, открываемых той или иной естественной наукой в качестве аргумента против общефилософского принципа детерминизма.

Все эти соображения вновь поднимают проблему соотношения детерминизма и причинности, которая, несмотря на обилие литературы по данному вопросу, содержит еще много «белых пятен». В современной философии существует несколько интерпретаций связи причинности и детерминизма. Мы ограничимся здесь рассмотрением вариантов сопоставления объемов этих понятий с выяснением содержательной стороны, основ различных трактовок соотношения объемов понятий детерминизма и причинности. В этом плане выделяются четыре варианта: 1) принцип детерминизма шире принципа причинности; 2) принцип детерминизма у́же принципа причинности; 3) объемы понятий «детерминизм» и «причинность» полностью совпадают; 4) объемы понятий «детерминизм» и «причинность» совпадают лишь частично.

Принятие первого варианта связано с признанием того факта, что причинность «есть лишь малая частичка всемирной связи» [см.: 4, т. 29, с. 144]. Такое решение логически ведет к признанию существования системы качественно различных типов непричинной детерминации, выяснению сложной структуры факторов, детерминирующих процесс становления материального объекта. Можно сказать, что данная концепция отражает основную тенденцию развития принципа и теории детерминизма. Получая все новые и новые подтверждения своей истинности в естествознании, она нашла в наше время множество сторонников как у нас в стране, так и за рубежом. Нам представляется этот подход единственно правильным, и все излагаемое в настоящей работе является попыткой его развития и углубления.

Признание детерминизма более узким принципом по отношению к причинности характерно для представителей естествознания, пытающихся ввести «расширенную» интерпретацию причинности, которая уже была подвергнута критике. В то же время данная позиция связана с отождествлением детерминизма с его «лапласовским вариантом», т. е. с «физическим» детерминизмом. Именно на этом основывается, например, вывод

Л. Розенфельда: «Детерминизм классической физики выступает лишь как особый случай этой более широкой статистической причинности» [167, с. 73].

Отождествление детерминизма и причинности обычно базируется на выявлении сложного характера причинной зависимости (активные и реактивные причинные цепи, много-многозначная зависимость причинно-следственного отношения и т. п.), что само по себе можно признать лишь полезным развитием теории причинности.

Однако никакое многообразие причинных отношений не способно охватить все богатство отношений детерминации. На данное обстоятельство указывал еще Ф. Энгельс, подвергая критике вульгарных экономистов: «Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия...» [1, т. 37, с. 420]. Причинное отношение отражает лишь одну сторону взаимодействия, важной чертой которой является производительная, генетическая связь. Распространение данной черты на детерминизм неминуемо ведет к отождествлению его с причинностью.

Одним из постулатов тождества детерминизма и причинности является идея бесконечной цепи связей и взаимодействий, которая находит еще иногда поддержку в литературе. Неправомерность постулата бесконечной цепи убедительно, с привлечением большого естественнонаучного материала была показана В. П. Бранским [см.: 41, с. 64—76]. В. Г. Иванов развил понятие причинной сети как системы явлений, «охватываемых единой времениподобной динамической структурой так, что состояние каждого из них прямо или опосредованно обусловлено состоянием других элементов этой системы» [см.: 81, с. 23].

Аргументы, выдвигаемые против концепций, отождествляющих детерминизм и причинность, не могут использоваться в качестве основания для их противопоставления. Причинность, как уже подчеркивалось, является центральным элементом системы детерминаций. Совершенно несостоятельной представляется в связи с этим наметившаяся в последние годы дилемма — либо «полидетерминизм», либо поликаузализм (разновид-

ность «панкаузализма»). Смысл ее в следующем: применять ли при раскрытии сложной системы взаимодействий в мире (т. е. обосновании системы мировоззрения) различные виды детерминизма (каузальный, пробабилистический, номологический, логический и т. п.) или же идти по пути выявления разнообразия видов причинных связей (зависимые и независимые, активные и реактивные причинные цепи, динамическая, вероятностная, системная, целевая и тому подобная причинность) [2].

Отмеченное противопоставление неразрывно связано с уже рассмотренными философскими позициями в вопросе взаимосвязи детерминизма и причинности. Первой альтернативы обычно придерживаются сторонники «узкого» определения причинности (как одно-однозначной зависимости), вторая базируется на стремлении закрепить за детерминизмом «классическую» характеристику однозначной зависимости, а все отклонения от нее объяснить за счет сложных типов причинности, т. е. представить принцип детерминизма более узким по сравнению с принципом причинности. Неправомерность обоих подходов была уже продемонстрирована на материале физических и биологических теорий и их мировоззренческих интерпретаций.

«Панкаузализм» в варианте поликаузализма выступает основанием для субъективно-идеалистических, позитивистских трактовок как причинности, так и детерминизма. Например, Р. Карнап, рассматривая причины автодорожного происшествия, делает вывод, что «полипричинение», которое имеет место в таком случае, позволяет произвольно выдвигать в качестве «основной причины» любое действие. Выбор здесь зависит от профессиональной установки исследователя. С точки зрения инженера, причиной автодорожного происшествия будет состояние дороги, полиции — нарушение правил, психолога — состояние водителя, механика — неисправность машины [см.: 91, с. 258]. Объявлять какую-то одну из причин основной бессмысленно.

Поставленная задача действительно неразрешима в ракурсе, предложенном Карнапом. «Секрет» здесь в том, что автор совершенно в духе неопозитивизма, подвергнув рассматриваемый предмет анализу, не доводит рас-

---

[2] Сторонником первого подхода является, например, А. Лаланд [см.: 256, с. 224]. Второй подход развивается в работах Р. Карнапа [см.: 91, с. 250—258].

смотрение до синтеза. Метафизическое расчленение процесса, изолированное рассмотрение полученных исходных элементов не способно раскрыть систему и характер взаимоопосредствования этих элементов *внутри* процесса. Рассматриваются исходные данные и готовый результат как их некая арифметическая сумма, процесс же остается за бортом исследования. Между тем именно в *процессе* между «равноправными» до этого моментами деятельности распределяются роли конкретных детерминантов (причина, условие, функциональная зависимость и т. п.). Квалифицированное следствие обычно хорошо понимает это, вынося обвинение либо механику, либо водителю, либо дорожному мастеру, либо врачу, выпустившему водителя в рейс, но не всем вместе. Доминирующий фактор в процессе взаимодействия подчиняет себе все остальное, становясь причиной события.

Ярким примером того, как сведение детерминизма к причинно-следственным отношениям, являясь методологическим основанием, заводит теорию в тупик субъективного идеализма, выступает концепция «технологического детерминизма» Г. Башляра. Постулируя тождество детерминизма и причинности, Башляр основывает свою концепцию на неправомерном обобщении причинно-следственных отношений в технических устройствах.

Современный уровень развития техники, согласно Башляру, характерен тем, что в созданных человеком машинах, механизмах, приборах не воспроизводятся «обычные» природные процессы, а реализуются процессы (причинно-следственные связи), полученные чисто логическим путем и не имеющие никакого аналога в природе. Путь от простого воспроизведения природных процессов к реализации логически полученных схем есть, по мнению Башляра, путь от «донаучной» к «научной» технике. Примером этого является эволюция осветительной техники от сжигания природных материалов к электрической лампочке [см.: 229, с. 100—110]. Башляру представляется, что «научная» техника принципиально отлична от «донаучной», поскольку она является не простым соединением «того, что было», а созданием нового, которое «не нуждается в уроках природы для того, чтобы выдержать у нее эмпирический экзамен» [229, с. 106].

Несостоятельность такого отрыва теории от практики очевидна. Нет ни одного технического устройства, которое не проходило бы природного «экзамена», т. е.

не проверялось бы на соответствие логического эмпирическому как в процессе создания, конструирования, так и в процессе непосредственной эксплуатации, ибо техника создается отнюдь не в сфере «чистого мышления».

Рационализм Башляра тесно связан с субъективно-идеалистической трактовкой причинности: «причина не получает своего причинного статуса нигде, кроме предварительного осмысления ее субъектом» [230, с. 218]. Лишая детерминизм объективности, Башляр превращает его в принцип взаимосвязи (он при этом говорит в основном о причинно-следственной зависимости) логико-теоретических схем, а не материальных объектов. Детерминизм природы оказывается вторичным, производным по отношению к детерминизму мышления: «Всякий детерминизм есть закрепленная последовательность логики» [230, с. 222]. С точки зрения Башляра, только человек, привнося своим разумом порядок в «естественный беспорядок природы», привносит тем самым детерминизм в эту природу [см.: 228, с. 22].

Утверждения Башляра почти полностью воспроизводят мнение Маха, подвергнутое уничтожающей критике В. И. Лениным: «Кроме *логической* (курсив Маха), какой-нибудь другой необходимости, например, физической, не существует» [цит. по: 4, т. 18, с. 163]. Против представления о том, что разум привносит порядок в природу, выступал еще Л. Фейербах: «Теизм *прямо* заключает от случайности порядка, целесообразности и закономерности природы к их произвольному происхождению, к бытию существа, отличного от природы и вносящего порядок, целесообразность и закономерность в природу, самое по себе (an sich) хаотичную (dissolute), чуждую всякой определенности» [цит. по: 4, т. 18, с. 158]. Разница между теизмом, понимающим под этим «организующим» существом бога, и субъективным идеализмом, признающим таким началом человека, не имеет в данном контексте никакого значения. «Познание человека, — пишет В. И. Ленин, вскрывая гносеологические корни идеализма, — не есть... прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину...» [4, т. 29, с. 322].

Башляр движется именно по этому пути — замечает перенос причинного отношения из «головы» в технику,

но не видит, что данное причинное отношение является отражением (хотя и сложным, синтезированным) природных зависимостей. Из общей цепи: детерминизм природы → детерминизм сознания → детерминизм технического устройства — он вырывает и абсолютизирует связь последних двух звеньев. Поскольку при этом Башляр сводит детерминизм к причинному отношению (что значительно упрощает и сокращает путь описанной абсолютизации), его «технологический детерминизм» может быть охарактеризован не только как субъективно-идеалистическая, но и как метафизичесая доктрина. Французский философ М. Ваде подчеркивает индетерминизм Башляра, «который, не принимая диалектического воззрения на природу и реальность, не может понять, как по определенным ступеням происходит развитие различных уровней или форм материи. Поэтому объективный детерминизм он подменяет субъективным» [276, с. 94].

Метафизически истолковывая детерминизм как принцип, предписывающий всеобщность однозначной причинной связи, Башляр видит в нем антипод свободе человеческих действий. Отсюда проистекает стремление Башляра «предоставить место духовной свободе посредством критики всякого объективного детерминизма» [276, с. 135]. Духовная деятельность ниспровергает, по его мнению, жесткие рамки объективного детерминизма и представляет собой «конструирование чистой свободы» [276, с. 136]. Нетрудно при этом заметить, что Башляр ведет борьбу с «ветряными мельницами» — с формой детерминизма, существующей лишь в его сознании. Концепция Башляра хорошо демонстрирует теснейшую связь метафизики и идеализма. Субъективный детерминизм оказывается тождествен индетерминизму.

Критический анализ идеи О. Курно, проведенный выше, показал, что на основании одной лишь причинности невозможно выявить диалектическую связь необходимости и случайности. Между тем именно эта диалектика выступает реальной основой диалектической концепции детерминизма. Причинность — то, что объединяет необходимость и случайность, но не служит критерием для их различения. Рассмотрение объекта со стороны отношения «причина — следствие» является одним из вариантов абстрактно-статического подхода, свойственного метафизике, когда изучение объекта сводится к выяснению начальных (причина) и конечных (следствие) пунктов развития, в то время как отождествление исходных факторов с причиной неправомерно, что показал

анализ карнаповской концепции причинности. При этом остаются в тени механизмы взаимосвязи необходимости и случайности, их единства и различия. Поэтому-то сведение детерминизма к причинности неразрывно связано с лапласовской трактовкой детерминизма.

Таким образом, в рамках диалектико-материалистической теории не может быть принята ни одна из предложенных альтернатив — ни идея «полидетерминизма», ни идея поликаузализма («панкаузализма»). Они должны уступить место рассмотрению многообразия форм и типов детерминаций, включающему в качестве неотъемлемой части типологию причинных связей.

Четвертая из выделенных точек зрения, согласно которой объем понятий «детерминизм» и «причинность» совпадают лишь частично, также представляется нам неоправданной. Возникающая при таком подходе возможность «акаузального детерминизма» наряду с «каузальным детерминизмом» и «каузального индетерминизма» наряду с «акаузальным индетерминизмом» исходит из сужения значения детерминизма до представления об однозначном, уникальном следовании друг за другом событий или состояний. Такой подход лишает детерминизм статуса универсального философского принципа. Необходимым и равноправным партнером детерминизма становится индетерминизм, являющийся «одной из форм современного агностицизма» [см.: 81, с. 116]. Индетерминизм несовместим с научным мировоззрением.

С позиций теории необходимости и случайности рассматриваемое решение связано с признанием случайного некоторым недетерминированным моментом действительности, что ведет в свою очередь к объявлению индетерминистскими всех стохастических процессов. Таким образом, при подобном подходе возникает потребность в выработке некоторого «метадетерминизма», который объединил бы в себе однозначное и неоднозначное соответствие, причинные и непричинные связи, необходимость и случайность. В противном случае оказывается расчлененной теория диалектического материализма, элиминируется основа единства указанных противоположностей. Вместе с тем, если принять сформулированную выше идею множества качественно различных детерминаций и неразрывной связи причинной детерминации в общей системе детерминации с непричинными типами детерминации, то необходимость в «метадетерминизме» отпадет, уступит место диалектической концепции детерминизма.

4. Индетерминизм и метафизика против науки

Основной гносеологической предпосылкой антинаучного мировоззрения является метафизическая абсолютизация в процессе познания одной из сторон развивающейся действительности. Эта абсолютизация имеет многочисленные формы проявления, отражающие прежде всего различные детерминистские взгляды: 1) абсолютизацию одного детерминирующего фактора («панкаузализм», кондиционализм и т. п.); 2) попытку превзойти подобную односторонность утверждением равноправности и однокачественности множества детерминирующих факторов; 3) логическое завершение последнего подхода — абсолютизацию случайности в развитии и уход на этой основе от детерминизма к индетерминизму; 4) подмену материального начала в детерминации действительности идеальным. Показанная последовательность взглядов не случайна, она отражает в ракурсе детерминистских представлений путь от метафизической абсолютизации к идеализму. Материал этой главы уже дал представление о конкретных формах взаимосвязи подобных представлений с соответствующими мировоззренческими концепциями.

Характерным примером связи индетерминизма с субъективным идеализмом является концепция американского философа П. Фейерабенда, представителя одного из новых течений в современной буржуазной «философии науки». Фейерабенд выступает против не какой-либо конкретной научной концепции мира, а против научного метода рассмотрения действительности вообще. Философ приобрел известность как критик концепции научного метода К. Поппера — родоначальника «постпозитивизма». Однако Фейерабенду, как и Попперу, не удалось избавиться от пороков позитивистского метода.

Внешне позиция Фейерабенда противоположна позитивистской антимировоззренческой, антифилософской, сциентистской установке. Как известно, позитивизм во всех его разновидностях пытается упразднить философию, концепция же Фейерабенда с этих же позиций пытается упразднить науку. С его точки зрения, следует отказаться как от методологии узкого и эгоистического рационализма [см.: 241, с. 10] науки, так и от ортодоксального эмпиризма позитивистского толка [см.: 240, с. 319—390]. Сама дихотомия эмпирического и теорети-

ческого представляется философу ложной традицией. Наука выступает, по его мнению, одной из наихудших форм идеологии (здесь Фейерабенд следует многим современным буржуазным философским концепциям, трактующим идеологию как «ложное сознание»), и поэтому необходимо изгнать науку из общества, удалить специалистов из жизненно важных центров [см.: 241, с. 7].

Основную угрозу, утверждает Фейерабенд, наука представляет для демократии. Свобода и наука несовместимы, поскольку наука догматизирует одну традицию как «научную идеологию», попирая при этом множество традиций различных культур [см.: 241, с. 79]. Вместе с тем все традиции равноправны; нет плохих и хороших традиций; характеристика желательности или нежелательности в отношении традиции возникает из сопоставления различных традиций, отсюда и произвол субъективной оценки, выдвигающий «свою» традицию в качестве предпочтительной, мерила, эталона ценности других традиций [см.: 241, с. 27—28].

Традиция, пишет Фейерабенд, — это призма, через которую тот или иной индивид наблюдает мир. В связи с этим любое мировоззрение носит субъективный характер. Наука же пытается выдать один из таких взглядов за объективный и навязать его всем. Каков же выход? Прежде всего следует отказаться от абсолютизации каких-либо традиций и встать на основания релятивизма, обоснованного еще Протагором [3]. «Протагоровский релятивизм оправдан, ибо он принимает во внимание плюрализм традиций и ценностей. Это цивилизованный взгляд на мир, ибо собственная деревня со свойственными ее жителям странными привычками не объявляется здесь «пупом мира»» [см.: 241, с. 28].

Так Фейерабенд приходит (и тем же путем!) к идее плюрализма, которая была принята Ясперсом. Наблюдается явная методологическая и мировоззренческая общность двух, казалось бы несвязанных, буржуазно-идеалистических концепций, и эта общность базируется на исходных детерминистских представлениях. В концепции релятивизма Фейерабенда присутствует ясно прослеживаемая идея равенства детерминаций социальных процессов — идея «плюрализма» детерминизма. Отсюда и соответствующая программа достижения «сво-

[3] Фейерабенд имеет в виду знаменитый тезис Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

бодного общества» как общества, «где все традиции имеют равные права» [см.: 241, с. 30] — своеобразная «релятивизация» общества.

Фейерабенд берет на вооружение релятивизм не философский, а политический. Но что это такое и как достижим политический релятивизм? Решая этот вопрос, Фейерабенд постоянно попадает в затруднительные ситуации, так как выбирает в качестве основания новой общественной структуры не новые экономические, производственные отношения, а новые отношения между «традициями» — различными мировоззрениями. Главный путь к этим новым отношениям — «открытый обмен» мнениями, выработка единой «традиции» на пути проникновения в образ мышления, идеи, мировоззрение собеседников [см.: 241, с. 29—30].

В этом процессе наряду с научными взглядами на мир, по его мнению, следует широко использовать ненаучные и даже антинаучные (по диалектико-материалистической оценке) представления [см.: 241, с. 87, 103]. Мифы и религиозные системы могут стать для науки достойными соперниками-партнерами в выработке «новой традиции».

Субъективный идеализм воззрений Фейерабенда смыкается здесь с гносеологическим, методологическим и мировоззренческим плюрализмом. Концепция Фейерабенда объективно служит реакционному строю, поскольку отвергая научную методологию и не предлагая ничего взамен, кроме идеи равнозначности всяких методов и мировоззрений, автор по существу оправдывает и анархизм, «свободную игру сил», присущую капиталистической системе.

Для того чтобы убедиться в почти полном совпадении основных мировоззренческих установок Фейерабенда и критикуемого им Поппера (что наглядно демонстрирует мировоззренческую общность современной буржуазной философии), следует рассмотреть детерминистские взгляды последнего. Такой анализ интересен тем, что в работах Поппера — этого столпа современной буржуазной философии — весьма явственно вырисовывается путь от метафизического детерминизма к индетерминизму и субъективному идеализму.

«Критический рационализм» Поппера декларирует отрицание неопозитивизма, но во многом совпадает с ним в основных философских постулатах и особенно в мировоззренческих и идеологических выводах [см.: 102]. Общность мировоззрения проявляется и в общности де-

терминистских воззрений. Поставив перед собой цель найти «изъяны» в учении детерминизма, с тем чтобы «дополнить» детерминизм индетерминизмом, Поппер рассматривает три вида детерминизма: «религиозный», «научный» и «метафизический» [см.: 265, с. 1—2]. С его точки зрения, эта последовательность отражает генезис концепции детерминизма, поскольку идея детерминизма якобы зародилась в религии как вера в предопределенность будущего волей бога, которому это будущее досконально известно. Уже сами «виды» детерминизма, рассматриваемые Поппером, весьма напоминают деление «стадий» интеллектуальной эволюции человечества на «теологическую», «метафизическую» и «позитивную», предложенное О. Контом еще в середине 30-х годов прошлого столетия и явившееся одним из главных постулатов позитивизма. Конт обвинял философию в непозволительном, по его мнению, поиске причин явлений, предлагая заменить вопрос «почему?» вопросом «как?» [см.: 96, с. 80—81].

Обоснованный Контом и свойственный всему позитивизму феноменалистический индетерминизм в целом поддерживает и Поппер. Почти дословно воспроизводя высказывания на этот счет Конта, Поппер отбрасывает причинный анализ как «ненаучный»: «Я не буду ни принимать, ни отвергать «принцип причинности», я склонен просто исключить его как метафизический из сферы науки» [264, с. 61]. Отрицание детерминизма, попытка показать его ограниченность связаны в «критическом рационализме» со стремлением элиминировать закономерность природных и социальных процессов, в чем попперианская концепция вполне тождественна отвергаемой им неопозитивистской теории.

Связывая в духе позитивизма детерминизм с возможностью однозначного предсказания событий, Поппер представляет «научный детерминизм» простым перенесением теологической идеи провиденциализма на природу. Поэтому формула «научного детерминизма» принимает у Поппера вид основного вывода лапласовского детерминизма: «...структура мира такова, что любое событие может быть реально предсказано с желаемой степенью точности, если у нас имеется достаточно точное описание прошлых событий и все законы природы» [265, с. 1—2]. Не отличается ничем и «метафизический детерминизм», согласно которому «все события мира фиксированы, или неизменяемы, или предопределены» [265, с. 8]. Именно с таким, метафизическим в пол-

ном смысле слова, детерминизмом и воюет Поппер как с единственной детерминистской концепцией. Отсюда и аргументы в пользу индетерминизма, основанные на данных современной физики, биологии и даже здравого смысла [см.: 265, с. 27—28], доказывающие невозможность однозначного предсказания.

Однако, как отмечалось выше, диалектико-материалистическая концепция детерминизма вовсе не связана с постулатом однозначной предсказуемости, поскольку учитывает объективную вероятность всех процессов действительности. Кроме того, эта концепция идет от рассмотрения объективной детерминированности событий к возможности их предсказания, но не от возможности предсказания к заключению о детерминированности событий, как это делает Поппер. Последний подход — откровенный субъективный идеализм, поскольку в нем меняются местами объективная детерминированность с субъективной возможностью предсказания. В этом пункте особенно ясна связь Поппера с неопозитивизмом, от которого он так старательно отмежевывается. Предсказуемость как критерий детерминированности — важнейшая черта неопозитивизма. Еще основатель Венского кружка М. Шлик писал: «...термин «детерминировано» означает то же самое, что и «предсказуемо»» [269, с. 77].

Доводя указанный субъективизм до логического завершения, Поппер встает на позиции конвенционализма и объявляет все научные теории «изобретениями человеческого разума». В связи с этим в качестве важного аргумента против детерминизма выдвигается утверждение: из детерминистского характера теорий нельзя выводить детерминизм мира [см.: 265, с. 40—46]. Поппер не понимает, что это аргумент против его субъективистской интерпретации теорий, а не против детерминизма.

Известно, что основной метод позитивизма — метод феноменалистической редукции (состоящий в сведении изучения мира к анализу явлений, а затем к анализу высказываний исследователя этих явлений) запрещает поиск всеобщих закономерностей. Неявное (во многих работах он его критикует) применение Поппером этого метода лишний раз доказывает родственность попперианства и неопозитивизма. Используя указанный метод, Поппер рассуждает о сложности и уникальности процессов мира. Уникальность доводится Поппером до полной неповторимости событий, в связи с чем объявляется доказанной несостоятельность детерминизма, пытающегося постулировать закономерность и универсальность [см.:

265, с. 46—47]. В данном рассуждении, направляемом на доказательство того, что научные теории являются «изобретениями разума», но не отражением объективного мира, явно виден агностицизм. Поппер не учитывает, что с позиций подобного агностицизма одинаково несостоятельными оказываются как его аргументы в пользу индетерминизма, так и контраргументы против детерминизма, поскольку все это становится не более чем «изобретением разума»... самого Поппера.

Привлекая специальную теорию относительности для обоснования идеи индетерминизма, Поппер указывает, что в этой теории будущее «открыто», непредсказуемо, так как асимметрично, а не симметрично в отношении прошлого. Однако известные формулы релятивистского сокращения длины, «замедления» времени, возрастания массы, а также рассмотрение причинно-следственных связей в «световом конусе» Минковского [см.: 215, с. 89—104] доказывают как раз обратное — специальная теория относительности не опровергает, а подтверждает идею детерминизма, всеобщей закономерной связи явлений и даже основывается на ней. Несимметричность же будущего по отношению к прошлому доказывает несостоятельность лишь лапласовского детерминизма и связанной с ним идеи возможности однозначного предсказания будущего по досконально изученному прошлому. Противоречив не детерминизм, а поппериапская трактовка его, связывающая любую интерпретацию детерминизма с предсказуемостью. Так, Поппер привлекает в качестве контраргумента детерминизму концепцию принципиальной зависимости результатов эксперимента (уточненных свойств объекта) от всех условий эксперимента и действий экспериментатора, особенно в эксперименте с микрообъектами. Этот факт свидетельствует, по мнению Поппера, об уникальной единичности событий, что и «опровергает» обобщения детерминизма [см.: 265, с. 45—46]. Выше было уже показано, что данный факт опровергает опять-таки только лапласовский детерминизм.

Вывод Поппера в отношении применимости концепции детерминизма к изучению мира плюралистичен. «Наша Вселенная, — пишет он, — частично причинностная, частично вероятностная и частично открытая: она эмерджентная» [265, с. 130]. В приведенной цитате противопоставляются причинность (отождествляемая Поппером с детерминизмом) и вероятность, что характерно для плюралистических концепций, не усматривающих никаких других типов детерминаций, кроме причинной.

Если Мах довольствовался различением двух «миров» — физического и психического, то Поппер делит психический мир на «собственно» психический (мир духовных состояний, сознания и бессознательного в индивидуальной психике) — «мир-2» и «логический» мир (знаний и «идеальных» объектов культуры) — «мир-3». Зачем понадобилась такая операция? Метафизический отрыв друг от друга природы, человека, сознания и знания, по мнению Поппера, может способствовать объяснению феномена свободы воли человека, необъяснимого ни с позиций детерминизма, ни с позиций индетерминизма [см.: 265, с. 125—130]. Последнее утверждение совершенно справедливо — индетерминизм не может служить основанием научного объяснения возможности и осуществимости свободы человека и по существу смыкается в основных выводах по этому вопросу с метафизическим детерминизмом, ибо человек так же беспомощен перед стихией «абсолютной» случайности, как и перед фатальной неизбежностью «абсолютной» необходимости.

Детерминистские представления Поппера выступают основанием для его философии истории и социологии. Отказ от детерминизма оборачивается здесь отказом от признания закономерности исторического процесса, критикой марксизма как «историзма», опирающегося на «ложное» учение об объективных противоречиях — движущих силах развития [см.: 263, с. 37—40]. Обнажая субъективно-идеалистическую основу своей доктрины, Поппер утверждает, что противоречия существуют и приводят к смене различных теорий только в мире идей. Сводя историю к действиям отдельных личностей, отражаемым в суждениях этих личностей, философ становится на плюралистические позиции, отвергая единство как детерминированности, так и существования исторических событий. С его точки зрения, события эти единичны, уникальны, и задача исторического анализа состоит поэтому лишь в описании случайных форм данных событий. Постулируя случайность и уникальность истории, Поппер утверждает: «Будущее зависит от нас самих, а мы не зависим ни от какой исторической необходимости» [263, с. 3]. Крайний индивидуализм смыкается тут с крайним плюрализмом: начал исторического процесса столько же, сколько живших и живущих индивидов.

Свой плюрализм Поппер отождествляет со свободой и сознательно противопоставляет этот взгляд марксистскому историческому детерминизму как якобы основе

«тоталитаризма». Не сказав в своей концепции общественного развития ничего принципиально нового по сравнению с позитивистскими и неопозитивистскими доктринами, Поппер повторил и старые ошибки индетерминизма. Последний вполне закономерно привел его к апологетической теории «открытого общества» (в которой достаточно прозрачно угадывается современное буржуазное общество) как общества «подлинной свободы и демократии», ведущего борьбу с реакционным «тоталитарным» обществом. Поппер воспроизводит лозунг Ясперса «свобода или тоталитаризм». В этом плане к Попперу вполне можно отнести замечание В. И. Ленина, сделанное в адрес основоположника ревизионизма Э. Бернштейна, что он «смешал понятие «детерминистического» с понятием «механического», смешал свободу воли со свободой действия, отождествил без всяких оснований историческую необходимость с принудительным, безвыходным положением людей» [4, т. 4, с. 200].

Мы рассмотрели некоторые мировоззренческие взгляды и обосновывающие их детерминистские представления современного постпозитивизма. Была выявлена общность детерминистских оснований постпозитивизма и детерминистских воззрений Ясперса — виднейшего представителя религиозного экзистенциализма. Вместе с тем отказ от детерминизма в его лапласовской трактовке и неприятие на этой основе самой идеи детерминизма характерно не только для религиозного, но и для атеистического экзистенциализма. Единство экзистенциализма в решении проблемы детерминированности бытия и человеческого действия опирается на однотипное решение фундаментальной для этого направления современной буржуазной философии проблемы свободы индивида.

Данная проблема формулируется в экзистенциализме как дилемма: свобода или необходимость? Ничего нового в такой постановке вопроса нет, она была сформулирована еще в древнегреческой философии и определила, в частности, различие во взглядах Демокрита и Эпикура, на что указал К. Маркс в своей докторской диссертации. Б. Спиноза вплотную подошел к формулировке диалектического единства свободы и необходимости, но не смог решить вопрос окончательно именно потому, что опирался на метафизическое представление, абсолютизирующее жесткую причинную связь: «В душе нет никакой абсолютной или свободной воли, но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая в свою очередь определена другой причиной, эта —

третьей и так до бесконечности» [186, с. 445]. Это определение предвосхищает основную идею лапласовского детерминизма, опираясь на который невозможно выйти из противопоставления свободы и необходимости. Неизбежный в таком случае «панкаузализм» не позволяет решить проблему диалектического единства необходимого и случайного, что, как показал весь предшествующий анализ, является фундаментальным основанием диалектико-материалистической концепции детерминизма.

Один из основоположников экзистенциализма, М. Хайдеггер, уделив пристальное внимание вопросу о факторах, определяющих связь человека, техники и вещи в процессе трудовой деятельности, свел весь анализ к выяснению многообразия каузальных связей, опираясь при этом на известное аристотелевское членение причин на материальные, формальные, конечные и действующие. Указанную типологию Хайдеггер попытался уточнить семантическими средствами [см.: 247, с. 15—19], но этот путь, естественно, не привел его к раскрытию непричинных детерминационных отношений.

Справедливо ощущая недостаточность каузальности для объяснения свободы человека, философ отвергает всякую детерминированность свободы. Свобода связывается им с мистически-потаенным, сокровенной Тайной. Раскрыть эту Тайну не дано человеку. «Свобода — то просветляюще сокровенное, в чьем просвете веет берегущий существо всякой истины покров...» [247, с. 33]. Каузальность действительна лишь в мире феноменов, но не в мире сущностей. Последний соединен с богом и непознаваем. Попытка применить каузальный анализ к миру сущностей ведет лишь к уходу от Тайны, но не к ее постижению. «...Там, где все присутствующее предстает в свете причинно-следственных взаимодействий, даже Бог может утратить для представления все святое и высокое, все таинственное своего далека» [247, с. 34]. Каузальное познание, по мнению Хайдеггера, дает человеку убежденность в верности своих утверждений относительно мира, но такая убежденность опасна «ускользанием истинности». Так метафизическая доктрина детерминизма приводит к мистическому мировоззрению, воспроизводящему кантовскую дихотомию феноменального и ноуменального в объективно-идеалистической трактовке.

С индетерминированностью человеческого поведения связывает свободу и крупнейший представитель атеи-

стического экзистенциализма Ж. П. Сартр. От детерминизма, утверждает он, следует отказаться, как от «обветшалых одежд прошлого». Необходимость и свобода представляются философу несовместимыми, поэтому свободу, по его мнению, следует понимать как преодоление необходимости [см.: 267, с. 281, 377, 381]. Мысль о противоположности свободы и детерминизма унаследована экзистенциализмом от С. Кьеркегора, полагавшего, что философия, не занимающаяся человеком, имеет дело лишь с необходимостью [см.: 254, с. 724]. Ясно, что Кьеркегор в качестве объекта критики имел в виду лапласовскую трактовку детерминизма. Его последователи продолжают отождествлять с последней всякую концепцию детерминизма.

Характерны в связи с этим высказывания бывшего пресс-секретаря президента США, а ныне телевизионного журналиста Б. Мойерса. Рассматривая феномен творческой личности, он поет дифирамбы С. Кьеркегору, который, с точки зрения Мойерса, превзошел Гегеля и Маркса, провозгласив, что «детерминизм мертв» и что человеческая деятельность недетерминирована [см.: 129, с. 40]. Основываясь на этом убеждении, журналист сводит анализ природы творческой деятельности к бессистемному указанию на многообразные факты, характеризующие творчество (разрыв с прошлым и преемственность, конвергентное и дивергентное начала в мышлении, «жажда нового», отклонение от нормы, бьющая через край энергия т. п.). Общий вывод — иррациональность рассматриваемого феномена и недетерминированность самого процесса творческого освоения действительности, связанного со способностью «не доискиваться с раздражением фактов и причин» [см.: 129, с. 41].

Приобретающая в настоящее время все большее влияние на Западе философия герменевтики [см.: 136] сводит познание мира к интерпретации «текста», под которым понимает всякое языковое описание. Отрывая «текст» от того, что он описывает, герменевтика берется понять мир, не прибегая к самому миру. Но всякое понимание предполагает наличие связи и детерминации «чего-то чем-то», ибо что еще может означать понимание, если не выяснение связи и зависимости? Герменевтика не может поэтому отказаться от детерминизма, но переносит его в область отношений «текста» и «истолкователя». Особенно показательны в этом плане работы видного современного финского философа-герменевтика Г. ван Вригта (в английской транскрипции Г. фон Райт).

Вригт убежден, что без детерминистских представлений невозможно рассмотрение человеческих поступков. Поэтому он отмечает, что главной целью его работы «Объяснение и понимание» (1971 г.) была разработка «детерминистической теории человека» [см.: 239, с. 415]. Вригт противопоставляет детерминизм в науке о человеке детерминизму в науке о природе. Он считает, что если детерминизм в естествознании тесно связан с представлениями об универсальных закономерностях, повторяемости и воспроизводимости явлений, то в науке о действии и поведении человека детерминизм представляют понятия «цель», «мотивация», «интенциональность», связанные с проявлением «свободной воли» и не отражающие якобы никакой объективной закономерности [см.: 239, с. 415]. В связи с этим никакого предвидения как перспективного прогноза в гуманитарном знании быть не может, ему доступен лишь ретроспективный взгляд — понимание того или иного совершенного человеческого действия. Здесь ясно представлена субъективизация и индивидуализация социального процесса, на основе которых Вригт постулирует «методологический разрыв» между естествознанием и гуманитарным знанием, базирующийся, по его мнению, на принципиальной противоположности детерминистских установок.

Создав таким образом проблему, Вригт пытается найти ее решение в «экстернализации» — переходе «от рассмотрения индивидуальных действий к факторам, детерминирующим поведение индивида как члена некоторого социального сообщества в контексте институционализированных человеческих отношений» [см.: 239, с. 416]. Но и «экстернализация», интерпретированная таким образом, не ведет к выяснению объективных оснований человеческой деятельности. Она представляет собой простое суммирование субъективных стремлений в некотором интерсубъективном социальном институте. В связи с этим Вригту не удается преодолеть установленный им же барьер между детерминизмом в естествознании и в области гуманитарных наук.

Впрочем, это явно устраивает философа, уделяющего много внимания доказательству принципиального различия каузальности в естествознании и обусловленности в науках о человеке. Детерминистическое объяснение мира Вригт сводит к каузальному объяснению. Мир, по его мнению, охватывает сложная причинно-следственная сеть, в которой каждая причина связана с однозначной или неоднозначной возможностью, что и дает большую

или меньшую свободу развитию [см.: 281, с. 45—50]. В этом пункте рассуждений уже присутствует подвергнутый выше критическому рассмотрению «панкаузализм», но Вригт идет дальше простой абсолютизации причинности, предлагая различать причинное и телеологическое объяснение. Первое связано с прошлым и характеризует фазу «внешнего аспекта действия», второе направлено на будущее и представляет «интенциональность» — намерение конкретного человека получить заранее желаемый результат [см.: 281, с. 80—88]. Пример Вригта: при открывании человеком окна с внешней каузальностью будет связана сумма действий, ведущих к его открытию, но главное здесь — интенциональность, намерение открыть окно. В интенциональности нет, с точки зрения философа, закономерной связи, и потому она «противостоит» причинному объяснению.

Противопоставляя каузальное и телеологическое объяснения, Вригт приходит к выводу, что историческое событие не может быть каузально объяснено, оно может быть только «понято» на основании выяснения намерений отдельных людей, которых Вригт считает субъектами исторических процессов [см.: 239, с. 17]. Образуется схема, во многом напоминающая попперианскую и представляющая попытку соединить, как и у Поппера, детерминизм с индетерминизмом.

Конкретизируя свой взгляд на детерминацию человеческих действий, Вригт приводит схему «интенционалистского объяснения» или «практический силлогизм»: субъект А намерен достичь цели Р; А полагает, что нельзя достичь Р, не совершив действия Q. А предпринимает действие Q. В этом «силлогизме» обе посылки отражают субъективные моменты — стремление и предположения субъекта, поэтому вывод в отношении причины его действия «доказывает» субъективность данной причины. Используя приведенное доказательство, Вригт определяет историю как изучение «логического развертывания событий в некотором отрезке прошлого» [см.: 239, с. 435]. Понимание действительного соотношения объективного и субъективного в историческом процессе недоступно философу. В связи с этим исторический процесс предстает в рассуждениях Вригта акаузальным, недетерминированным, оказывается подчиненным случайным, уникальным, непредвиденным намерениям индивидов.

Следует заметить, что противопоставление каузальности естественных процессов акаузальности обществен-

ных не является открытием Вригта, оно свойственно всей герменевтике и постулировалось еще В. Дильтеем. Субъективно-идеалистическая интерпретация истории строится в герменевтике по схеме И→М→И′ (идеальное детерминирует материальное, которое в свою очередь детерминирует новое идеальное). Таким образом, материальное не отбрасывается совсем, ему отведена роль «посредника» во взаимодействии И←→И.

Метафизический «панкаузализм», соединенный с субъективно-идеалистическим индивидуализмом, доведен в герменевтике до крайнего плюрализма, смыкающегося с индетерминизмом. Уникальность «интенциональных» воздействий на социальный процесс делает уникальным любое событие этого процесса, элиминирует закономерность истории. Однако, как признают герменевтики, объяснение без детерминистской схемы невозможно, поэтому в рамках данной доктрины познание мира приходится ограничить «пониманием текста», языка другого, превратить познавательный процесс в «языковую игру». Эта «игра» приобретает в герменевтике некий онтологический статус, отделяется от людей-участников, обретая самостоятельность [см.: 245, с. 90—94, 445—447]. В связи с этим человеческая деятельность оказывается чем-то вторичным по отношению к игре, превращается в нечто похожее на «игру в бисер» из одноименного фантастического романа-утопии Г. Гессе.

Индетерминизм представляет собой одновременно и методологическую предпосылку, и мировоззренческое резюме большинства современных буржуазных теорий. Сказанное, без сомнения, относится к школе структурализма, и в частности к «структурной антропологии» родоначальника и главы французского структурализма К. Леви-Строса. Леви-Строс индивидуализирует человеческую историю, разбивая ее на множество «историй», при этом пропадает связь с идеей социального детерминизма, которой он иногда пользуется. Множество равнозначных факторов, определяющих эволюцию человечества, отмечает социолог, катастрофически возрастает, что превращает человечество в неуправляемую систему [см.: 235, с. 60—62].

Аналогичная связь «плюралистического» детерминизма с индетерминизмом наблюдается и в произведениях представителей прагматизма. Так, У. Джемс резко критиковал Гегеля за то, что последний свел многообразие мира к единству, ограничил мир прокрустовым ложем монизма [см.: 69, с. 331—332]. Плюрализм теории

Джемса основывается на абсолютизации внешних отношений между явлениями мира. В связи с этим он отказывается и от каузального объяснения фактов, так как последнее связано с рассмотрением внутренних отношений. Переход на «внешний уровень» показывает, по его мнению, что причинные связи следует заменить функциональными. Этот переход позволяет также объяснить сущность нового, случайного, свободы [см.: 69, с. V].

В приведенных рассуждениях хорошо прослеживается родство прагматизма с позитивизмом. Джемс воюет с детерминизмом на тех же основаниях, что и позитивисты, и, как и они, отождествляет детерминизм с лапласовской трактовкой.

Все рассмотренные концепции можно отнести к проявлению антинаучного мировоззрения первого вида — «теоретическому». Изучение антинаучного мировоззрения второго вида — «религиозного» (основа — вера) позволяет установить, что и для него характерен либо индетерминизм, либо механический детерминизм как методологическая предпосылка.

Пытающийся «теоретизировать», а вернее, подтасовывать под догматы веры научные факты неотомизм представляет в связи с этим «переходную» форму от первого вида антинаучного мировоззрения ко второму. Неотомизм в соответствии с завещанием Фомы Аквинского стремится поставить на службу религии научное знание. Как и прежде, церковь спекулирует на трудностях раскрытия действительных причин, сущностей процессов в той или иной области явлений, пытается использовать науку в роли защитника религиозной веры, заигрывать с наукой и учеными.

Объявляя научный гений «отблеском» божественного начала, церковь склоняется уже не перед наукой, а перед богом. Истины веры и науки обретают в связи с этим единое начало — бога и потому не могут друг другу противоречить. После установления такой «гармонии» не зазорно искать в научных открытиях божий промысел, божье указание на тайны веры. Интерпретация известного ныне каждому школьнику явления «разбегания» галактик в гипотезе «большого взрыва» некоторой сверхплотной «суперчастицы» как «начала» Метагалактики (методом обратной экстраполяции подсчитывают даже сроки этого начала — около 20 млрд. лет назад) [см.: 213, 95—113] дала основание представителям церкви использовать эту гипотезу для обоснования библейской идеи «сотворения мира». Затруднения,

которые сегодня испытывает теория «макроэволюции» в объяснении детерминации направленного развития живого на Земле, выдаются за доказательство существования «великой тайны» божественного руководства развитием природы. По-прежнему предметом особых спекуляций являются человеческая психика и биология.

«Гармония» науки и религии, разума и веры осуществляется во всех указанных случаях по принципу: «Богу — богово, кесарю — кесарево». При этом, как можно заметить, науке предоставляется полное право использовать весь свой методологический арсенал, но мировоззренческие выводы остаются за верой. Детерминизм остается науке, индетерминизм — вере. При этом предпринимается попытка «доказать», подтвердить доводы веры детерминизмом науки. Детерминизм пытаются поставить на службу индетерминизму. Но в действительности индетерминизм веры торжествует там, и только там, где детерминизм знания еще не применен или использован не полностью.

Весьма распространенной формой второго вида антинаучного мировоззрения являются синкретические мировоззренческие системы, причудливо соединяющие в себе элементы научного знания с откровенным суеверием. Носителями такого мировоззрения часто являются представители интеллигенции и даже ученые. Самые глубокие познания в какой-либо естественнонаучной области не гарантируют еще от рецидивов донаучных и даже антинаучных воззрений при столкновении с другой предметной областью, например с областью социальных взаимодействий. С другой стороны, в эпоху научно-технической революции, ознаменованную проникновением человека в микромир и мегамир, невозможно стать носителем научного мировоззрения, не ознакомившись с фундаментальными выводами естествознания. Знание положений диалектического материализма или теории научного коммунизма, не подкрепленное, не соединенное с анализом научных фактов естественных и гуманитарных наук, превращается в схоластику, не может выступать основой научного мировоззрения.

Отсутствие взаимосвязи философии и конкретно-научного знания — главный источник рецидивов антинаучного мировоззрения. При этом «солидное философское обоснование» (В. И. Ленин) данных конкретно-научного знания предполагает одним из своих важнейших моментов использование теории диалектического детерминизма. Незнание или забвение основных положений диа-

лектико-материалистической концепции детерминизма ведет к деформации мировоззренческой системы.

Отход от принципа всеобщей взаимосвязи, взаимодетерминации при рассмотрении окружающего мира, уступки идеалистическому детерминизму порождают антинаучные представления, суеверия, основанные на метафизической абсолютизации отдельных научных фактов или просто на непроверенных данных.

Итак, антинаучное мировоззрение, как теоретическое, так и религиозное, имеет одним из существенных своих оснований либо индетерминизм, либо метафизическую интерпретацию детерминизма. В настоящее время все большую остроту приобретает борьба между научным, коммунистическим мировоззрением и антинаучными мировоззренческими системами разного вида по вопросу о характере детерминации социального развития. Поскольку этот вопрос имеет не только общемировоззренческое, но и важнейшее идеологическое значение, мы уделим его анализу особое внимание.

Глава V

Концепция социальной детерминации — важнейшая теоретическая основа научного, коммунистического мировоззрения

Проблема детерминации социального развития — центральная проблема не только для социологических исследований, но и для всей философии. Все научное познание имеет своей целью человеческую практику, деятельность человека по преобразованию природы и общества и потому ориентировано на уточнение различных моментов детерминации социального развития. Выясняя содержание «мира человека» (К. Маркс) и определяя место человека в мире, мы неминуемо обращаемся к вопросу о характере детерминации социального развития.

Следует различать две формы социальной детерминации: детерминацию исторического процесса развития человеческого общества и детерминацию социальных взаимодействий на уровне отдельного события в данном временном «срезе» и для данного конкретного места. Если в первом случае объектом исследования является взаимодействие между классами и социальными группами в их историческом развитии, то во втором главное внимание уделяется преломлению (осуществляющемуся весьма опосредованно) этих основных взаимодействий в повседневном общении отдельных личностей. Вторая форма социальной детерминации связана, таким образом, с детерминацией деятельности отдельного человека и имеет свою специфику, относительно независима от первой. Смешение указанных форм детерминации и домарксистской философии часто состояло в сведении социальной детерминации ко второй ее форме, абсолютизации личности как субъекта общественных отношений, что и вело к идеалистическим выводам при решении вопроса о причинах социального развития. В рамках этой книги уделим внимание прежде всего первой форме социальной детерминации (некоторые исследователи обозначают ее как «исторический детерминизм»).

1. Детерминизм как научная основа познания необходимости общественного развития

Во всех домарксистских концепциях общества (как материалистических, так и идеалистических) в качестве причин общественного развития выдвигались идеальные побудительные мотивы. Тем самым не только совершалась подмена материальных причин человеческой истории идеальными, но и сама эта история противопоставлялась природе, становилась «чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром» [см.: 3, с. 53].

Таким образом, метафизика была обусловлена идеализмом, а идеализм получил «подкрепление» в метафизическом, отрывочном рассмотрении истории, сводящемся к описанию жизнедеятельности отдельных исторических личностей, которая будто бы и обусловливает всякие изменения в жизни общества. История была лишена материального основания своего развития и потому каузального объяснения.

Произвольная трактовка исторических событий абсолютизировала случайность, не могла вскрыть необходимости хода исторического развития. Поэтому даже великим французским материалистам XVIII столетия было свойственно идеалистическое представление, согласно которому социальное равенство и справедливость могут быть привнесены в общество неким случайно появившимся в нем гением, осознавшим эту «истину» [см.: 1, т. 19, с. 192].

Ущербность бытия выводилась из ущербности сознания. Так, по мнению К. Гельвеция, «всякий изучающий историю народных бедствий может убедиться, что большую часть несчастий на земле приносит невежество...» [63, т. 1, с. 310]. Подобный взгляд проникает и в учения великих социалистов-утопистов К. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна. «...Из различия взглядов, обусловленного различием понятий разных сект, — писал Оуэн, — возникают все беды и страдания человеческой жизни» [149, с. 145].

В домарксистской схеме детерминации общественного бытия предусматривалась детерминация общественных процессов, идущая от индивида к обществу. Само общество рассматривалось как сумма индивидов. К такому взгляду склоняются и многие современные буржуазные концепции социологии и философии истории. Знаменитое определение К. Маркса — «...сущность человека

не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 42, с. 265] — показывает доминирование обратного процесса: общественное детерминирует личное.

Задачей диалектико-материалистического анализа социального процесса является обнаружение оснований системного единства, целостности этого процесса, что предполагает установление системы детерминаций, определяющей как стабильность общественной системы, так и ее изменение, переход в другое состояние. В. И. Ленин предостерегал от рассмотрения исторического процесса с позиций «собирания фактов», без выявления объективной взаимосвязи исторических явлений в их целом [см.: 4, т. 30, с. 350—351]. Вместе с тем, как отмечают сами историки, в исторической науке еще не преодолена подобная тенденция, сводящая историю к описанию событий и систематизированию их в хронологической последовательности, что иногда приводит к ошибке объяснения данных событий по схеме «после этого, следовательно, по причине этого» [см.: 25, с. 109].

Без системного детерминистского анализа подобные ошибки становятся почти неизбежными. Только диалектико-материалистическая концепция детерминизма способна предложить основание системного рассмотрения любого процесса, в том числе и социального, поскольку такое рассмотрение предполагает выявление диалектики устойчивости (детерминация структуры данной системы взаимодействий) и изменчивости (детерминация перехода данной системы в иное состояние) в их процессуальном единстве.

Детерминизм выступает одновременно и как метод, позволяющий определить роль того или иного объективного фактора в процессе (причина, условие, повод и т. д.), и как принцип соединения сведений о таких факторах в целостном мировоззренческом знании.

Определяя суть переворота, совершенного К. Марксом в понимании всемирной истории, Ф. Энгельс отметил, что главным достижением марксизма является кардинальный пересмотр решения вопроса о причинах исторических перемен. Диалектический подход требовал установления причин таких перемен через вскрытие внутренних противоречий социальной системы, и К. Маркс указал на противоречие между производительными силами и производственными отношениями [см.: 1, т. 13, с. 6—7] как на главную причину исторических измене-

ний, и прежде всего социальных революций. Это открытие К. Маркса определило не только материалистический, но и диалектический взгляд на человеческую историю, для которой была таким образом выяснена основа развития и преемственности, связи отдельных ее этапов. Вскрытие причины исторического развития явилось одновременно основанием для становления нового мировоззрения, более материалистического, чем все прежние [см.: 1, т. 13, с. 495].

Марксизмом-ленинизмом не только была выяснена причина — двигательная сила социальных изменений, но и подробно проанализированы конкретные, меняющиеся для каждой отдельной страны условия раскрытия основного противоречия, функциональные связи с однотипными, параллельно протекающими процессами, уточнены формы таких процессов. На этой основе оказалось возможным решить издавна мучивший философов вопрос о соотношении необходимости и случайности в человеческом поведении, о свободе воли. Решение данного вопроса непосредственно связано с выяснением специфики детерминации общественного развития.

В истории человеческого общества ничто не происходит без активного действия человека, сознающего, что он делает [см.: 1, т. 21, с. 305—306], без опосредования объективной необходимости общественного развития субъективным фактором. Действие субъективного фактора и составляет основную специфичность детерминации социальных явлений. Однако данное положение требует разъяснений, поскольку интерпретация субъективного фактора может быть самой различной, доходить до субъективно-идеалистических трактовок истории. Разъяснения должны касаться прежде всего детерминистского статуса субъективного фактора. Является ли он каким-то особым типом детерминации, присущим социальным взаимодействиям? Кто выступает носителем субъективного фактора в историческом процессе — отдельная личность или класс, социальная группа?

Различные ответы на данные вопросы определяют различные решения других, весьма актуальных мировоззренческих проблем, в частности проблемы свободы человеческой воли и проблемы возрастания роли субъективного фактора в социальном процессе. (Следует отметить, что указанная субординация проблем далеко не всегда учитывается при рассмотрении выделенных вопросов, а их раздельный анализ ведет к половинчатым, метафизическим решениям.)

В общем виде субъективный фактор — это все те детерминанты исторического (социального) процесса, которые связаны с сознательной деятельностью человека. Такое определение следует из представления об историческом процессе как о субъектно-объектном отношении, в котором объектом являются как окружающий мир, природа, так и общественное бытие. При этом природа выступает объектом исторического процесса лишь в том плане, в котором она вовлечена в процесс общественного производства материальных благ.

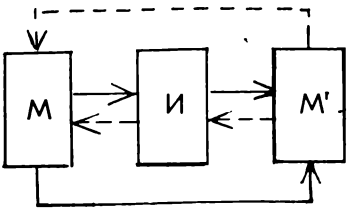
Отмеченная двойственность объекта исторических изменений связана с тем, что изменению подлежат и производительные силы, и производственные отношения. Первые связаны с отношением «общество — природа», вторые — с внутрисоциальными отношениями. Вместе с тем человек изменяет себя лишь тогда, когда он изменяет природу. Трудовая деятельность, направленная на получение материальных благ путем целесообразного преобразования предметов природы, является основанием и социальных преобразований, и познания (природы и самого человека). Противоречие производительных сил и производственных отношений как основная причина исторических перемен постоянно зарождается и разрешается (переходит в другие формы) именно в деятельности.

В структуру субъективного фактора принято включать осознание, цели, интересы, волю и действия, осуществляемые на их основе [см.: 151, с. 14]. Однако остановив рассмотрение на действии субъективного фактора, весьма просто сделать шаг к идеализации исторического процесса, превращению субъективного фактора в причину социальных изменений. Между тем Ф. Энгельс отмечал, что «конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена...» [1, т. 20, с. 278].

Если субъективный фактор нельзя рассматривать как причину социальных изменений, то, быть может, он играет роль каких-то непричинных типов детерминации — условия, повода, функциональной или структурной детерминации? У классиков марксизма-ленинизма можно найти много указаний на различие субъективных и объективных условий, на важность учета условий субъективных. Вместе с тем, как подчеркнул К. Маркс, все условия воспроизводства жизни людей, «производитель-

ного жизненного процесса, созданы лишь самим историческим экономическим процессом — как объективные, так и субъективные условия, которые представляют собой лишь две различные формы одних и тех же условий» [1, т. 46, ч. II, с. 347]. Таким образом, К. Маркс вполне определенно говорит о субъективном (и соответственно объективном) как о *форме* условия.

Субъективный фактор может выступать как форма выражения, опосредствования типов детерминации. В человеческой деятельности происходит непрерывный и единый процесс «субъективизации» объективных детерминаций и обратное движение — «объективизация» субъективной формы детерминаций. Существо этого процесса становится ясным из приведенного выше анализа форм детерминации соотношения материального и идеального. Форма детерминации исторического процесса может быть представлена схемой:



Материальное [М] детерминирует новое материальное [М'] непосредственно (стихийный процесс) или (и) опосредованно, через идеальное [И], принимая, таким образом, форму субъективного фактора. Сплошные стрелки показывают основное направление детерминации социального процесса, пунктирные — положительные и отрицательные обратные связи. Смысл этих связей раскрыл Ф. Энгельс, указав, что «историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни... тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [1, т. 39, с. 84].

Приведенная схема дает возможность понять, что детерминация материального идеальным является лишь частью общего процесса, основывается на детерминации материального материальным.

Что же представляет собой детерминация материального идеальным как субъективный фактор? Человек

познает законы природы и общества, что позволяет ему выявить объективные тенденции — возможности к изменению природы или (и) общества, определить условия, способствующие или препятствующие реализации этих возможностей. Теперь остается выбрать те тенденции (может быть, даже синтезировать их), которые удовлетворяют потребностям человека, и попытаться инспирировать их, соединить с благоприятствующими условиями. Деятельность, направленная на реализацию желательной (или приостановление реализации нежелательной) возможности, и будет субъективной детерминацией процесса, составляет содержание субъективного фактора.

Основанием субъективной составляющей деятельности человека является вероятностный характер природных и социальных процессов, их неоднозначность, связанная с множеством возможностей. Человек не творит тенденции-возможности, а выбирает их из объективно имеющихся.

Приведенная схема, безусловно (как и всякая схема), упрощает процесс социальной детерминации, так как в ней опущены опосредующие детерминации идеального идеальным, сложные зависимости «внутри» детерминации материального материальным и т. п. Однако она позволяет уточнить смысл свободы человеческих действий как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества в целом. Схема учитывает диалектическое единство развития производства материальных благ и основывающегося на этом производстве процесса познания мира (природного и социального). По мере развития и совершенствования производственного процесса возрастает и уровень познания человеком закономерной связи в природе и обществе, природной и социальной необходимости. Это познание и позволяет человеку произвести сознательный выбор.

Чем больше доля событий исторического процесса, проходящая в своей детерминированности опосредование в сознании человека, тем сильнее действие субъективного фактора, тем свободнее человек. «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, — описывал эту ситуацию Ф. Энгельс, — поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства не-

обходимости в царство свободы» [1, т. 20, с. 295]. Ф. Энгельс указывает здесь на важные обстоятельства, которых часто не замечают: люди не создают причины общественных изменений по своему произволу, а приводят их в движение, объективные силы не отменяются человеком, а поступают под его контроль, что и позволяет получить желаемые следствия.

В связи с рассмотрением проблемы увеличения роли субъективного фактора в историческом процессе возникает вопрос о смысле соотношения стихийного и сознательного в этом процессе. Человека с самого начала его истории отличает именно сознательность, целенаправленность деятельности. Все свои поступки он совершает осознанно (постольку, поскольку действует именно как человек). В чем же тогда состоит увеличение роли субъективного фактора?

На этот вопрос нельзя ответить, не решив предварительно проблемы субъекта исторического процесса. Раскрытие этой проблемы принадлежит к числу выдающихся научных достижений марксизма. Субъектом исторического процесса выступают не отдельные выдающиеся личности, а большинство населения, участвующее в производстве материальных благ, — народные массы. Возрастание роли субъективного фактора связано прежде всего не с увеличением осознанности отдельным человеком своих действий, а с познанием и использованием народными массами законов общественного развития. Именно такая ситуация отражена в знаменитых словах К. Маркса: «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [1, т. 1, с. 422].

Что же касается субъективного в отдельных человеческих деяниях, обусловленного, конечно, и известным осознанием конкретной ситуации, и соответствующим субъективным стремлением — целевой направленностью действий, то оно претерпевает интересную метаморфозу. Это сознательное постольку, поскольку оно базируется на знании явлений, а не сущности и преследует индивидуальные, а не общественные цели, в общем социальном взаимодействии подвергается процессу «стихизации» — погашения сознательного и преобразованию в стихийное. «Столкновение бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий, — отмечал в связи с этим Ф. Энгельс, — приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие

из этих действий, вовсе нежелательны» [1, т. 21, с. 306]. Действие объективных законов минует при этом осознание, и формула детерминации исторического процесса принимает вид: $M \rightarrow M'$. Осознание общественной необходимости, социального детерминизма, закономерностей общественного развития, согласование с последними индивидуальных целей и стремлений являются важным условием подавления стихийности, осуществления скачка в «царство свободы».

Необходимость общественного процесса, так же как и необходимость природы, является относительной необходимостью, необходимостью-тенденцией, пробивающей себе дорогу через случайности-дополнения, опосредованной этими случайностями и потому случайной по форме (случайность-проявление). Свобода не устраняет ни случайности, ни необходимости, она лишь субъективизирует форму их проявления и становится возможной благодаря такой субъективизации.

Следует учитывать, что случайность-проявление — форма результата процесса необходимости, внешнее по отношению к «ставшей» относительной необходимости, в то время как случайность-дополнение — форма непричинных детерминаций процесса необходимости. В связи с этим нужно различать случайности-дополнения общественной необходимости — непричинные детерминанты социального процесса (условия, функциональные отношения, повод, управление), благодаря которым человек может контролировать и регулировать исторический (равно как и природный) процесс, и случайность-проявление, отражающую форму того или иного исторического события. Познание необходимости предполагает выяснение связи с относительной необходимостью и тех и других случайностей, но установление господства над случайностью [см.: 1, т. 3, с. 440] означает именно осуществление контроля над случайностями-дополнениями.

Познанная случайность отнюдь не перестает быть случайностью. Вместе с тем свобода выбора опирается не столько на выяснение случайностей-дополнений, сколько на познание тенденций-возможностей, по отношению к которым данные факторы играют роль случайностей-дополнений. В связи с изложенным можно сказать, что свобода — это не только осознанная необходимость, но и осознанная случайность.

Свобода выбора имеет своим онтологическим основанием объективную неоднозначность действия природных и общественных закономерностей. Даже закон все-

мирного тяготения реализуется в каждой конкретной ситуации в некоторой случайно-специфической форме (реки, например, текут с гор отнюдь не по прямой линии), что дает возможность избирать конкретную форму проявления закона, меняя условия и другие непричинные детерминанты. Чем больше объективно вариантов выбора и чем большее число этих вариантов известно человеку, тем он свободнее, но не от самих вариантов, а от произвольной, стихийной их реализации.

Таким образом, свобода имеет как объективное, так и субъективное основание. В связи с этим предполагать, что свобода основывается только на познании ситуации (чем больше знания, тем свободнее), неверно. Надо помнить, что знание есть отражение объективной реальности, которая и является последним основанием свободы. В истории человечества и в жизни одного человека иногда складываются ситуации с единственной возможностью, познание которой не ведет к свободе, так как не предоставляет возможности выбора (в определенном отношении). Например, у уходящего с исторической арены класса нет свободы выбора — его уход составляет единственную возможность, реализующуюся как объективная необходимость (другое дело, что и эта необходимость будет обязательно представлена в случайной форме).

Познание необходимости — первый шаг к свободе, устраняющий «слепоту» необходимости, второй шаг — это деятельность на основе познанной необходимости. Свободным или несвободным (стихийным, неосознанным) может быть только действие.

Индетерминизм и метафизика (лапласовский детерминизм) не могут служить основанием для теории свободы. Первый, упраздняя необходимость, ведет к волюнтаризму, подменяющему свободу произволом (на это обратил внимание еще Гегель, отметив, что произвол как воля в форме случайности является антиподом свободы [см.: 59, т. 1, с. 319]), второй неминуемо ведет к фатализму.

Увеличение доли субъективного фактора в общественных взаимодействиях сопровождается двумя диалектически связанными друг с другом процессами: возрастанием свободы человека от «слепой» необходимости и увеличением ответственности человека за свои действия, каждое из которых становится тем более «весомым» вкладом в историческое развитие, чем свободнее оно совершается. Всякое локальное воздействие необходимо

согласовывать со всеми другими, в масштабах всего общества и предвидеть при этом не только сиюминутные, но и весьма отдаленные последствия. Истинно свободное действие — это действие, учитывающее все указанные аспекты. В противном случае локальная «свобода» может обернуться глобальной несвободой. «...Культура, — писал по этому поводу К. Маркс, — если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*... оставляет после себя пустыню...» [1, т. 32, с. 45].

Усиление творческого момента в труде (одно из проявлений увеличения роли субъективного фактора) также ведет к повышению ответственности каждого за порученный участок работы. Как справедливо отмечает В. А. Медведев, «в наше время интеллектуальная вооруженность, нравственная надежность работника приобретают не меньшее значение в организации производства, чем техническая оснащенность труда» [120, с. 237—238].

Возрастание роли субъективного фактора связано с эволюцией основного противоречия, лежащего в основе каузальной детерминации общественного развития. Человек прошел в своем становлении от стадии, определяющейся противоречием биологического и абиотического, через стадию противоречия биологического и социального к противоречию социального и социального. Последняя, являясь ведущей для цивилизованного общества, безусловно включает в себя в снятом виде все предшествующие типы противоречий. Начало трудовой деятельности было определено природными причинами, и сама эта трудовая деятельность в течение весьма долгого времени детерминировалась для людей «их телесной организацией» [см.: 1, т. 3, с. 19]. Переход к противоречию «социальное — социальное» (окончательно завершающийся в классовом обществе) знаменует собой и изменение взаимосвязи с окружающим миром как со средой обитания: от приспособления к данной среде человек переходит к преимущественному приспособлению среды сообразно своим потребностям.

Возрастающая активность человека, целесообразно приспосабливающего среду, рассматривалась до недавнего времени как «победа» человека над природой, как только положительное явление. Однако еще Ф. Энгельс отмечал, что «каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [1, т. 20, с. 495—496]. Сегодня

человечество стоит перед все увеличивающейся угрозой экологического кризиса. Здесь мы и имеем дело с взаимосвязью локальной «свободы» и глобальной несвободы.

Коснемся этой проблемы с позиций вопроса о специфике детерминации социальных процессов. Смысл неучтенных последствий здесь заключается в том, что они, как правило, выступают следствием независимых действий отдельных лиц, социальных групп или даже целых государств. Каждое действие определяется индивидуальной необходимостью и имеет свою причину. Прямое следствие действия представляет собой некоторую случайность-проявление данной необходимости. Непредвиденное последствие возникает в результате пересечения определенного числа независимых друг от друга следствий, т. е. независимых причинных рядов. Друг для друга каждый из этих рядов является случайностью-дополнением (проявляющейся в виде условия, функциональной зависимости и тому подобных непричинных детерминаций). Для того чтобы избавиться от непредвиденных последствий, необходимо исходные причинные ряды сделать зависимыми друг от друга, т. е. подчинить каждое воздействие на среду общему плану преобразования. Из сказанного ясно, что характер взаимодействия человека со средой всецело зависит от характера социального строя. Централизованное планирование и управление возможно лишь в условиях социализма и коммунизма.

Проблема субъективного фактора связана с еще одним важным для концепции социального детерминизма вопросом о соотношении цели и причины в детерминации исторического процесса. Как уже было отмечено, человечество не создает тенденций-возможностей своего развития, они возникают объективно. В соответствии с этим человечество не создает и причин общественного развития (напомним, что причина — раскрывающееся противоречие, возможность — скрытое противоречие), а лишь «приводит их в движение» (Ф. Энгельс).

Подчеркивая специфичность детерминированности исторического процесса, К. Маркс писал: «История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [1, т. 2, с. 102]. Не следует, однако, превращать цель в причину социальных изменений, как это иногда делается. Цель — идеальная форма материальной детерминации. Это положение подтверждается тем, что цель достигает результата только тогда, когда она соответствует объективным законам. Цель является отражением в сознании человека объективной возможности из-

менения природных или общественных явлений, соединенным с субъективным стремлением добиться такого изменения или препятствовать его реализации. Иначе говоря, цель — важнейший элемент субъективного фактора.

Цель, таким образом, не причина, а осознание причинных связей. Детерминируя процесс, цель сама детерминируется объективным миром. Поэтому-то результаты целесообразной деятельности человека в конечном счете детерминированы объективными законами по уже рассмотренной формуле: $М \rightarrow П \rightarrow М'$. «На деле, — отмечал В. И. Ленин, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы („свобода")» [4, т. 29, с. 171]. Эту же мысль высказывал и К. Маркс, отмечая, что человечество всегда ставит перед собой только такие задачи, которые может решить, материальные условия решения которых уже сложились [см.: 1, т. 13, с. 7].

В связи со сказанным было бы неправильным не только определять цель как причину, но и соотносить цель с каким бы то ни было непричинным типом детерминации, действующим на процесс наряду с причиной. Цель не тип, а форма детерминирующих связей. Эту форму могут принимать все типы детерминации, как причинная, так и непричинные (можно поэтому рассмотреть целевую причину, целевое условие, целевой повод и т. п.).

Вместе с тем целевая форма — обязательная форма всех социальных детерминантов, ибо человек ничто не делает «без сознательного намерения, без желаемой цели» [см.: 1, т. 21, с. 306]. Причина конкретного социального явления всегда объективно определена, субъективных же целей, соответствующих или не соответствующих этой причине, а также сопутствующих ей непричинных детерминаций может быть множество.

Отождествление цели и причины ведет к идеалистической интерпретации социального детерминизма. С другой стороны, объявление цели формой лишь причинного отношения было бы неявным проявлением рассмотренной выше концепции «панкаузализма».

Связь целевой детерминации с диалектикой объективного и субъективного, стихийного и сознательного была показана В. И. Лениным при анализе пути, по которому рабочий класс должен прийти к социализму: «Политическое движение рабочего класса неизбежно

приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего *класса*» [4, т. 2, с. 9]. Здесь отмечено формирование цели (социализма) общественным бытием (политическим движением) и воздействие сформированной цели на бытие.

Важным критерием увеличения роли субъективного фактора является скорость протекания социальных процессов. Будучи осознанными, опосредованными субъективным фактором, эти процессы постепенно переходят от случайных проб и ошибок к гораздо более короткому пути — достижению благоприятных следствий инспирированием благоприятных возможностей (путь «проб и ошибок» проигрывается при этом в уме, при осознании многих возможных вариантов). Вторым фактором, обусловливающим акселерацию социальных процессов, является сокращение сроков познания природных и социальных процессов и сроков применения, практического использования полученных знаний в деятельности (т. е. сокращается путь М→И и И→М′).

Личность способна познать историческую закономерность только в том случае, если эта закономерность получила достаточно зрелое и явное выражение в объективной реальности исторического процесса. Но познание, отражение в сознании закономерности лишь одна из предпосылок целесообразного воздействия на процесс. Личность сама не может оказать воздействие на этот процесс, явиться субъектом истории. Вместе с тем массы постольку становятся действительным субъектом истории, поскольку осознают ее тенденции и закономерности и сознательно действуют, направляя свои действия на изменения исторического процесса. Роль выдающейся личности при этом состоит именно в инспирации — соединении назревших тенденций-возможностей к изменению с сопутствующими условиями, в которые в качестве форм их выражения входит и субъективный фактор.

Раскрывая инспирирующую роль личности в истории, Ф. Энгельс использовал образное сравнение действий таких людей с зажжением фитиля, приводящего к взрыву, «который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления» [1, т. 36, с. 263]. В реальности эта роль проявляется либо на этапе осознания массами исторической тенден-

ции-возможности (М→Н) — гениальная личность может здесь раскрыть массам эту тенденцию (ярким примером является теоретическое учение К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина), либо на этапе «материализации» идеи социального преобразования (Н→М), когда личность выступает в качестве руководителя и организатора действий масс (В. И. Ленин как руководитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции и социальных преобразований в СССР). Титаническая деятельность В. И. Ленина — пример активной роли личности на всех этапах детерминации исторического события.

В каждой общественно-экономической формации поразному проявляются общие противоречия, выступающие причинами социального развития. Главный тип внутрисоциального («социальное — социальное») противоречия — противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Внутри этого отношения выделяется диалектика связи производства и потребления, которая на поверхности явлений выступает как отношение производства и потребностей. Данное противоречие для общества является «вечным», принимая в различных общественно-экономических формациях специфические формы. В классово антагонистических формациях это противоречие носит антагонистический характер. Таково основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. При социализме упраздняется основа для социального антагонизма, хотя и остается место для индивидуального антагонизма, не имеющего ничего общего с основной тенденцией социального развития.

Общее противоречие между производством и потреблением (потребностями) принимает в социалистическом обществе специфическую форму неантагонистического противоречия, которое заключено уже в основном принципе распределения при социализме «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Об этом принципе К. Маркс писал: «Это *равное* право есть неравное право для неравного труда» [1, т. 19, с. 19]. Данное противоречие усугубляется дополнительными локальными нарушениями самого принципа распределения, фактами «уравниловки», начисления зарплаты только за выход на работу и подобными негативными явлениями, необходимость борьбы с которыми была определена на XXVI съезде КПСС, а также на ноябрьском (1982 г.) и июньском (1983 г.) Пленумах ЦК КПСС.

В последние годы усилиями советских обществоведов была существенно уточнена теория специфических противоречий развитого социализма, включающих помимо названного ведущего противоречия ряд специфических проявлений противоречий между обществом и природой, обществом и личностью, а также специфических противоречий, присущих только социализму как первой фазе коммунизма, — между общесоюзными и местными интересами, между демократизмом и централизмом в управлении [см., например: 7; 37; 74; 98; 126; 151].

Опора на диалектико-материалистическое учение о противоречии как источнике, движущей силе развития позволяет сделать вывод, что и высшей фазе развития коммунистической формации будут присущи противоречия. Можно предположить, что основным противоречием коммунизма будет опять-таки специфическое выражение «вечного» противоречия между производством материальных и духовных благ и потребностями.

Установление основных причин социального развития лишь начало анализа сложной структуры социальной детерминации. Было бы метафизическим заблуждением полагать, что из ведущего противоречия социальной системы можно вывести причины каждого конкретного процесса. Не следует забывать положение Энгельса: «...причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю...» [1, т. 20, с. 22]. Установление для каждого такого «отдельного случая» системы причинных и непричинных детерминаций — весьма сложная задача в применении к социальному процессу. Ее решение — определяющий момент применения комплексного, системного подхода к проблемам экономического и социального развития нашего общества, о необходимости совершенствования которого было сказано на XXVI съезде КПСС. Именно такой подход позволяет определить внешние и внутренние факторы развития системы, отличить причины развития от условия, повода и других качественно отличных детерминантов.

Последнее различение чрезвычайно важно для того, чтобы прекратить какой-либо нежелательный процесс. Для прекращения процесса необходимо приостановление действия причины, а не воздействие на следствие, повод и тому подобные факторы, как это иногда делается. С другой стороны, создание благоприятных условий не может вызвать желательный процесс при отсутствии причинно-следственной зависимости.

Так, бесхозяйственность связана всегда с неправильно организованной структурой, взаимосвязью элементов (подразделений или отдельных трудящихся в зависимости от рассматриваемой системы) данного конкретного производства (организации, предприятия). Это и является причиной, порождающей бесхозяйственность (например, разобщенность и отсутствие взаимной материальной ответственности предприятия, органа материально-технического снабжения и транспортных организаций) [см.: 6, с. 126—127, 202]. Если же признать причиной бесхозяйственности недостаточность внешнего контроля (что в данном случае является условием, а не причиной), то могут быть приняты меры, ведущие к мелочной опеке, администрированию по отношению к руководителям и специалистам, что было признано на XXVI съезде КПСС недопустимым нарушением прав объединений и предприятий [см.: 6, с. 200].

Выяснение причин того или иного социального процесса делает возможным произвести дальнейшее вычленение в анализе кондициональной, функциональной, инспирирующей, системной и управляющей детерминаций процесса, установить конкретные формы детерминирующих связей. Проведенное выше рассмотрение системы детерминирующих воздействий позволяет, применив его к каждому отдельному случаю, не просто зафиксировать отдельные типы детерминаций, но и реконструировать их взаимосвязь в определенной системе. При такой реконструкции происходит проверка правильности произведенного предварительного вычленения типов детерминаций применительно к данной системе.

Например, революционный переход к социализму для конкретной страны всегда имеет своей причиной разрешение внутреннего противоречия между антагонистическими классами как отражения экономических отношений. Мнение, что такой причиной может быть внешнее воздействие, ведет к попытке «экспорта» революции, против чего не раз высказывался В. И. Ленин, полемизируя с Троцким, выдвинувшим идею «перенесения» революции в другие страны при помощи Красной Армии. Ленинский критический анализ идеи Троцкого опирался на учение марксизма о действительных причинах, порождающих социалистическую революцию. Владимир Ильич отмечал, что такой причиной может быть только обострение классовых противоречий и что от степени этого обострения зависит конкретный характер революции — мирный или немирный [см.: 4, т. 35, с. 403].

В отношении причины революции выделяются непричинные типы детерминации революционного процесса. Так, важнейшим условием победы социалистической революции является создание и деятельность коммунистической партии. Последняя выступает тем субъективным фактором, посредством которого осуществляется действие объективной необходимости революционного преобразования. «...Диктатура пролетариата, — говорил В. И. Ленин, — невозможна иначе, как через Коммунистическую партию» [4, т. 43, с. 42]. Реальность возможности совершения социалистической революции определяет целый ряд внешних и внутренних условий. Именно научный анализ условий, изменившихся в эпоху империализма, позволил В. И. Ленину сделать вывод о возможности победы социализма в одной капиталистической стране. Полная и окончательная победа социализма в СССР была связана, в частности, с возникновением мировой системы социализма как необходимого внешнего условия реализации внутренней возможности.

В системе детерминаций социальной революции следует выделять и повод (инспирацию). В. И. Ленин специально останавливался на этом вопросе, отметив важнейшую роль повода в революционном процессе. Повод может побудить, писал он, «ныне еще спящие пролетарские массы прийти в движение и подведет их вплотную к революции» [4, т. 41, с. 83].

Характерным примером роли повода в революционном движении явилось то действие, которое оказал расстрел мирного выступления рабочих на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г. Зверская акция царского правительства всколыхнула революционное движение по всей России. В. И. Ленин дал этим событиям следующую характеристику: «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» [4, т. 21, с. 340].

В рамках возрастающей социалистической экономической интеграции взаимопомощь двух или нескольких стран социализма выступает функциональной детерминацией деятельности каждой из них. Такая взаимная детерминация по своему характеру отличается от более простого кондиционального воздействия, когда обусловливающая сторона (в сфере данных отношений) сама не испытывает обратного воздействия (например, однонаправленная безвозмездная помощь как условие подъема экономики). Выяснение характера взаимодействия элементов целостной общественной системы, социали-

стического государства — путь к установлению структуры такой системы — системной детерминации сохранения и саморазвития данного общества.

Анализ системной детерминации позволяет подойти к проблеме управления системой — управляющей детерминации. Выше указывалось, что главным отличием управляющей детерминации является наличие отрицательной или положительной обратной связи, осуществляемой между получаемым результатом и факторами, обеспечивающими его получение. Управление может осуществляться со стороны подсистемы, не включенной в управляемую систему и однонаправленно задающей последней программу действия, такое управление носит название программного. В случае если управляющая подсистема ориентирована на взаимодействие с управляемой системой и осуществляет управление с учетом изменяющихся результатов деятельности управляемой системы, имеет место регулирование. Наконец, если отсутствует особая, отделенная от управляемой системы подсистема управления и управление совершается благодаря наличию обратной связи между результатом и обеспечивающими его получение детерминантами, то речь идет о саморегулировании как виде управления. При программном управлении обратная связь (сверка с программным требованием результата) осуществляется на информационном уровне, в двух других — на информационном, энергетическом и вещественном.

При социализме впервые за всю историю существования общества возникает возможность сознательного управления социальными процессами, в котором используются все указанные виды управления, а субъектом управления выступает все общество[1]. XXVI съезд КПСС ориентировал на развитие программно-целевого метода в управлении [см.: 6, с. 198], позволяющего учесть все объективные и субъективные детерминанты социальных процессов и целесообразно, без узковедомственного подхода, воздействовать на конечные результаты при решении научно-технических, экономических и социальных проблем.

Управление является своеобразным детерминированием детерминантов, при этом, на наш взгляд, было бы некорректным считать управление прямым воздействием на причинность. Управление — такое воздействие на

---

[1] Подробнее по вопросам социального управления см.: [20; 21; 22; 115; 166; 183, и др.].

некаузальные типы детерминации процесса, которое изменяет действие каузальной детерминации.

Управляющая детерминация в социальных взаимодействиях принимает форму детерминации материального идеальным. Идеальное, как было отмечено, не творит в буквальном смысле материальное, а является важнейшим, определяющим специфику человеческой деятельности и всего человеческого бытия моментом опосредования детерминации материального материальным. В этом же смысле идеальное выступает формой управляющей детерминации.

При рассмотрении специфики социального детерминизма нельзя обойти вниманием и другие формы детерминирующих воздействий. Именно в социальном взаимодействии раскрывается многообразие форм детерминации идеального материальным, материального материальным, материального идеальным и идеального идеальным, подробный анализ которых был произведен выше. Учет того обстоятельства, что «вертикальная» и «горизонтальная» детерминации являются формами, а не типами детерминации, позволяет получить дополнительное обоснование критики «биологического», «географического» и тому подобных направлений в буржуазной социологии. Необходимость различения внешней и внутренней форм детерминации была подчеркнута при указании на внешние и внутренние условия протекания социальных процессов. Таким образом, в социальном взаимодействии обнаруживается вся система типов и форм детерминаций, которая была рассмотрена во II—III главах настоящей работы.

Специфическая форма проявления активности социальной детерминации — через субъект действия (человека, класс, социальную группу) — часто затемняет действие объективной закономерности общественного развития, связанной в конечном счете с материальными, экономическими взаимодействиями в обществе. Это обстоятельство служит основанием для всякого рода метафизических и идеалистических трактовок общественного развития и его причин. Некоторые из таких трактовок были подвергнуты критическому анализу в предшествовавшей главе. Однако там речь шла в основном о теоретических основах и гносеологических корнях данных концепций. Между тем каждая из них имеет и несомненную связь с классовыми интересами, т. е. обнаруживает партийность, свойственную любой философской системе. Выяснению взаимосвязи тех или иных детер-

министских представлений с классовым интересом, идеологией будет посвящено дальнейшее рассмотрение.

2. Партийность мировоззрения и детерминистские взгляды

«Новейшая философия, — отмечал В. И. Ленин, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» [4, т. 18, с. 380]. Партийность философии связана с разделением на два лагеря — материализм и идеализм. Это разделение нельзя воспринимать как результат чисто теоретических расхождений. Дивергенция в мировоззрении (ибо материализм и идеализм — два основных типа мировоззрения) объясняется дивергенцией в бытии, отражает противоположные экономические интересы противоположных классов. На протяжении тысячелетий существования философии материализм неизменно исповедовался прогрессивным классом, классом, с которым связывалось будущее общественного развития, и сопутствующими ему социальными слоями.

Еще в Древней Греции материализм развивался и поощрялся представителями прогрессивных слоев населения — рабовладельческой демократией (Демокрит, Эпикур), в то время как идеализм был философией рабовладельческой аристократии (Платон). В Англии до буржуазной революции представители зарождавшейся буржуазии и близких к ней кругов развивали и отстаивали материалистические воззрения (Ф. Бэкон, Д. Локк, Т. Гоббс). После победы буржуазной революции (ее ознаменовало принятие в 1689 г. «Билля о правах», ограничивающего власть монарха) английская буржуазия взяла на вооружение идеалистические доктрины (Дж. Беркли, Д. Юм).

Франция, как известно, отстала от Англии в своем буржуазном развитии на целый век. В связи с этим XVIII столетие для Франции — время подготовки буржуазной революции и вместе с тем расцвета материализма (Ж. Ламетри, К. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро). С установлением буржуазных отношений философские взгляды господствующего теперь класса резко изменяются. Французский философ-материалист Л. Сэв отмечает: «Непрерывно, в течение почти полутораста лет (с начала XIX века) университетский спиритуализм был у нас господствующим философским течением» [187, с. 57]. Если В. Кузен был родоначальником данного

спиритуализма, то другой французский философ, О. Конт, разработал начала субъективно-идеалистической концепции, оказавшейся весьма перспективной для буржуазной философии — позитивизма.

Поддержка идеализма как философии и общемировоззренческой установки эксплуататорскими классами хорошо объяснима: с позиций идеализма невозможно ни понять сущности происходящих социальных процессов, ни тем более разработать теорию революционного изменения общественных отношений. С другой стороны, именно материалистический подход позволяет теоретически обосновать и осуществить на практике такое изменение мира. Вот почему философская позиция оказывается тесно связанной с классовыми интересами, с позицией политической.

Вместе с тем недопустима и абсолютизация апологетической роли философского идеализма. Мысль В. М. Шулятикова о прямом отражении классовых интересов и классового строения общества в философской системе любого буржуазного философа В. И. Ленин охарактеризовал как «пример безмерного опошления материализма» [4, т. 29, с. 474]. Связь философского идеализма с реакционной позицией того или иного класса выявляется лишь как основная тенденция. Можно привести множество примеров отклонения от этой тенденции в каждую эпоху (исповедование материализма представителями реакционного режима и идеализма — представителями прогрессивных классов).

Детерминистские представления постольку, поскольку они являются узловым звеном в структуре мировоззрения, связаны и с определенными классовыми интересами. Достаточно непосредственно эта взаимосвязь проявляется в различных концепциях детерминации социальных процессов.

В той мере, в которой детерминистские представления выступают основой мировоззрения, они являются и основой важнейшей части мировоззрения — идеологии. В этом смысле можно говорить о партийности детерминистских представлений, ибо они безусловно отражают и принадлежность к философским партиям — материализму и идеализму, и направленность классовых интересов.

В чем конкретно проявляется партийность детерминистских представлений? Для диалектико-материалистической философии это прежде всего указание на материальный характер «конечных причин», детермини-

рованности всех процессов, включая и социальный, диалектическое рассмотрение связи типов и форм детерминации, объективного и субъективного факторов исторического процесса.

Для идеалистической философии, напротив, характерна подмена материальных причин и непричинных детерминаций идеальными, сочетающаяся с метафизической абсолютизацией отдельных типов («панкаузализм», кондиционализм и т. д.) или форм детерминации, а также идеалистический плюрализм, смыкающийся с индетерминизмом. Идеализм объективно, независимо от желания отдельных его приверженцев, состоит на службе у реакционного класса, прямо или косвенно оправдывает капиталистические отношения, буржуазную мораль, искусство, буржуазное мировоззрение в целом.

Не может не проявить своей реакционности и метафизический детерминизм, пытающийся предложить в качестве причин социальных изменений не противоречия в социальном бытии, а различные факторы, объективно выполняющие роль условий, функциональных детерминаций, повода и других непричинных типов детерминации социального процесса (экономические, географические, демографические, биологические, психологические, экологические, политические, технологические, религиозные и тому подобные «факторы»). Постулирование этих разнокачественных факторов в социальном процессе приводит к плюрализму.

Философские доктрины идеалистического детерминизма, метафизического детерминизма и индетерминизма особенно ярко проявляют свой партийный характер, выступая методологическим основанием конкретных политических доктрин. Так, плюралистическая идея «факторов» взята на вооружение современной социал-демократией для обоснования реформизма и ревизионизма, концепции «географического детерминизма», «социобиологии», «технологического детерминизма» и примыкающая к последнему теория «информационного общества» служат оправданием реакционных программ правой буржуазии — политики геноцида, «геополитики», неоколониализма, политики «доброго соседа» и т. п. Единство классовых интересов проявляется не только в мировоззрении, но и в определенном методологическом единстве теоретических разработок, что характерно как для марксистско-ленинской, так и для буржуазной философской мысли. В настоящее время, как уже отмечалось, наиболее распространенной мировоззренческо-методологиче-

ской основой немарксистских социальных концепций является плюрализм. Можно сказать, что он подкрепляет и объединяет (иногда противоречиво) все буржуазные теории. В связи с этим мы вернемся к рассмотрению плюрализма, обратив на сей раз большее внимание на его связь с идеализмом и метафизикой социально-политических доктрин, на партийность этого принципа.

Плюрализм откровенно противопоставляется буржуазной философией диалектико-материалистическому монизму. Диалектика и материализм неотделимы от монизма. Поэтому-то всякий отход от материализма или (и) от диалектики оборачивается какой-либо разновидностью плюралистического мировоззрения. С другой стороны, идея плюрализма несовместима с диалектико-материалистическим детерминизмом. Вот почему сторонники идеи плюрализма яростно нападают на марксистско-ленинское учение о социальном детерминизме.

Наиболее полное применение в наше время плюрализм нашел в качестве методологического основания политических программ социал-демократических партий. Здесь плюрализм весьма ясно демонстрирует свой партийный (как в философском, так и в классово-политическом смысле) характер, проявляет себя как антипод диалектико-материалистическому принципу детерминизма.

«Мы не считаем, — восклицает К. Ит, видный представитель «Движения социалистических демократов Франции» (ДСДФ [2]), — что развитие истории является исключительно следствием конфликта между производительными силами. Мы отвергаем диалектический материализм и постулат насильственной революции в качестве руководства нашего действия. Мы категорически отбрасываем теорию гегемонии пролетариата, осуществляемой единственной партией» [250, с. 44]. «Социал-демократия, — вторит Иту австрийский философ Р. Вольгенаннт, — не присоединяется к материализму Маркса и признает, что наряду с материальными существуют и другие *равноценные* (курсив мой. — *В. О.*) факторы, влияющие на формирование человека» [280, с. 233]. В приведенных высказываниях отчетливо видна антимонистическая, плюралистическая установка. Характерны и приемы аргументирования такой установки — искажение марксизма, а затем критика этого явного искажения как действительного марксизма.

[2] ДСДФ — часть правого крыла Французской социалистической партии, порвавшая с ФСП после заключения последней стратегического союза с ФКП.

У Ита и Вольгенанита нет буквально ни одной, верно переданной мысли марксистского учения. Прежде всего марксизм-ленинизм, как известно, считает причиной (но не единственным детерминантом!) истории конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Далее, марксизм никогда не выдвигал «постулата насильственной революции» (многие буржуазные авторы путают понятия «насильственное» и «закономерно необходимое», что далеко не одно и то же), точно так же марксизмом никогда не постулировалась в качестве закона однопартийная система. Ну а обвинение марксизма в признании воздействия на «формирование человека» лишь материальной детерминации просто списано Вольгенанитом у фальсификаторов марксизма, живших еще в прошлом столетии. Отвечая пытавшимся представить марксизм узким механистическим экономизмом, Ф. Энгельс писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [1, т. 37, с. 394].

Однако внимательное чтение произведений классиков марксизма-ленинизма не является, с точки зрения некоторых его противников, необходимым условием для критики. Поэтому современные «упразднители» марксизма смело идут дальше, заявляя, что не существует «экономических или каких-то других законов развития», в связи с чем «социал-демократия признает тенденции, временные направления развития, но никакой «железной необходимости»» [см.: 280, с. 235].

Убрав с дороги законы развития, Вольгенанит приступает к обоснованию теории «демократического социализма» — главной политической доктрины современной социал-демократии. Системообразующим принципом этой доктрины выдвигается именно плюрализм, находящий выражение в видимом непризнании какой бы то ни было философской, социологической, экономической, исторической теории, «претендующей на абсолютную достоверность», т. е. фактически никакой теории вообще (кроме, разумеется, теории плюрализма). В области практики, с точки зрения Вольгенанита, буржуазный мир Запада уже достиг такого плюрализма, по-

сколько существующая там социальная система характеризуется, по его мнению, многообразием форм собственности и противоборствующих сил различного плана и потому является не капиталистической, не некапиталистической, не социалистической, не несоциалистической, а «смешанной системой» [см.: 280, с. 236]. Вольгенанит не может сказать ничего определенного об экономической, политической или культурной жизни такой «системы» (это противоречило бы принятому «правилу» плюрализма) и потому ограничивается более чем туманными намеками типа: «...демократическому социализму должно быть присуще столько рыночных отношений, сколько возможно, столько планирования, сколько необходимо» [280, с. 112].

Не большей ясностью отличается и исследование теоретических и практических оснований плюралистической демократии, произведенное В. Штеффани (ФРГ). Стремясь к наукообразию, он вводит термины «репрезентативная» и «плебисцитная» для определения разных типов демократии. Термины говорят сами за себя: явно противопоставляются интересы «всех» и «плебса» — простого народа. Для буржуазного теоретика, каким является Штеффани, вполне естественна (вот где прямо проявляется классовый интерес!) склонность к «репрезентативной» демократии как истинно «плюралистической». Именно она согласуется «с реальностью гетерогенно структурированного общества, связана в теоретическом отношении с историей конституционного государства и осуществляется путем его демократизации» [273, с. 153]. Идеалы Штеффани вполне очевидно совпадают с реальностью буржуазного государства, которое можно «усовершенствовать», но не следует уничтожать в угоду идеала «гомогенно структурированного» (читай «бесклассового». — *В. О.*) общества, в котором осуществляется «самоуничтожение реальной демократии в форме демократического централизма» [273, с. 153]. Партийная принадлежность автора этих рассуждений не нуждается в комментарии, Штеффани прямо заявляет, что его призыв к сохранению «плюралистической демократии» означает поддержку западной демократии и направлен против «монистической аргументации осуществления тоталитарной демократии» [273, с. 14].

Однако одно дело провозглашать плюрализм в теории, другое — пытаться провести его в жизнь. Практика, как известно, является строгим судьей теории, критерием ее истинности. Хотят или не хотят этого сторонники

«плюралистической модели» общественного развития, а жизнь, капиталистическая действительность, вовсе не столь «плюралистична», как в их теориях. Безусловно анархия, бесплановость, стихия рынка — верные спутники капиталистического способа производства — не покинули его и сегодня, но это отнюдь не те факторы, которые укрепляют общество или способствуют его «демократизации». Напротив, все они приметы общего кризиса капитализма, проявляющегося в безработице, абсолютном и относительном обнищании трудящихся масс, усилении политической реакции (преследование инакомыслящих, тотальная слежка, «запреты на профессии» и т. п.), что никак нельзя признать увеличением демократии, если не понимать под демократией буржуазную демократию — диктатуру буржуазии.

Буржуазное государство, в какую бы тогу его ни рядили, объективно выполняет требования не плюрализма, а монизма, распространяющегося и на экономику, и на политику. Как верно отметил французский политолог Ж. Френ, «анархия, к которой ведет политический плюрализм, несовместима с единством и иерархией, без которых не может существовать ни одно государство» [244, с. 212]. Не отражая реальной структуры социальной детерминации, идея плюрализма не может быть обращена на действительность и в качестве метода ее изменения. В связи с этим плюрализм остается лишь пустой абстракцией, выполняющей апологетическую роль в отношении капиталистического строя.

Идея социального плюрализма выражается в теориях плюральности социальных групп и плюральности индивидов. Индивидуализм можно рассматривать как «абсолютный» плюрализм, сводящий общественный процесс к совокупности результатов действий отдельных личностей. На таком материале никакой социальной закономерности конечно же не обнаружить. Здесь царствуют абсолютная случайность, индетерминизм и субъективный идеализм — атрибут индивидуализма.

Австралийский философ Д. Такер в работе с красноречивым названием «Марксизм и индивидуализм» выступает против марксизма как якобы «антигуманизма». С точки зрения автора, гуманизм в политике и этике должен базироваться на преследовании интересов личности, принципе «этического индивидуализма», предписывающего отбросить претензии коллектива ограничить автономию индивида. Однако чьи же интересы должны быть положены в основу политического и этического

«гуманизма»? Какой личности? Если не ограничивать ничьей «автономии», этого вопроса не решить. Понимая это, Такер мучительно пытается найти ответ, но плюралистическая методология приводит его лишь к утверждению, что «единственное основание, которое индивидуалисты считают оправданным для ограничения выбора других, — стремление обеспечить каждому возможность пользоваться максимальной свободой, совместимой со свободой для всех» [275, с. 59].

Действия отдельных личностей, если они не координируются в соответствии с познанной исторической необходимостью, ведут, как это было выше отмечено, к стихии «слепой» необходимости, означающей как для общества, так и для каждого его члена не «максимальную свободу», а как раз обратное — максимальную несвободу, полную подчиненность стихийной силе. Но это вывод, основанный на марксистско-ленинской концепции детерминизма, плюрализм же прямо противостоит последнему как в социологии, так и в естествознании.

«Непонятно, — восклицает известный французский социолог Ж. Фурастье, — почему наука так упорно отказывается признать индетерминизм и допустить плюрализм и дуализм в теории того или иного явления?» [243, с. 251]. Фурастье верно заметил связь индетерминизма и плюрализма, однако не понял, что ни тот ни другой несовместимы с научным мировоззрением. Для тех, кто избрал плюрализм оружием открытой идеологической борьбы, совершенно ясна враждебная непримиримость плюрализма и детерминизма.

Теория социального плюрализма имеет две основные формы: метафизико-материалистическую, представленную прежде всего «экономическим плюрализмом», и субъективно-идеалистическую, связанную с социально-политическими доктринами плюрализма. Представители первой пытаются, как уже было сказано, заимствовать у марксизма некоторые его элементы. Так, Б. Кракси (Италия) уверен, что без плюрализма в экономике не может быть политического плюрализма [см.: 236, с. 126].

Субъективно-идеалистическая версия плюрализма постулирует плюрализм в политике, идеологии, индивидуальной психологии в качестве источника экономического плюрализма. Однако, поскольку метафизика — дорога к идеализму, а последовательный идеализм не может не впасть в метафизику, основные теоретические постулаты социального плюрализма обеих форм одина-

ковы — индетерминизм и абсолютизация случайного в социальных процессах. В связи с этим, если сам характер плюралистического общества трактуется по-разному, то детерминация достижения и развития такого общества (включая конституирование плюралистической экономики) всегда предполагается идеальная (в форме субъективной либо интерсубъективной причинности).

Весьма характерными для плюралистической доктрины являются идея «множественности моделей социализма» и примыкающая к ней концепция «еврокоммунизма». Обе концепции абсолютизируют специфические особенности исторического развития разных стран, отрицая общие закономерности, присущие построению социализма.

Идея множественности «социализмов» не нова. Еще в 1928 г. один из видных представителей социал-реформизма, К. Реннер, писал: «Сколько существует стран, столько должно быть и социализмов» [266, с. 247]. Сегодня эта концепция широко используется на Западе для подрыва единства коммунистического движения под видом «демократической альтернативы ортодоксальному марксизму», «третьего пути» и т. п. Такого рода ревизия марксизма всегда является, как отмечал В. И. Ленин, «проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев» [4, т. 25, с. 180]. Поэтому-то рассматриваемые концепции настолько близки и по теоретическим основаниям, и по политическим выводам к идеям, исповедуемым правой социал-демократией.

Философско-методологической основой концепции «множественности социализмов» является неразличение причинных и непричинных типов детерминации (особенно причин и условий) общественного развития, типов и форм детерминации (абсолютизация субъективного фактора). Отсюда становится возможным произвольное толкование самой сути социализма и путей его достижения. Социалистическими объявляются преобразования буржуазно-демократического характера, отрицаются реальные достижения стран мировой системы социализма.

С позиций «индивидуалистического плюрализма» разрабатывается множество субъективно-идеалистических интерпретаций социального детерминизма — от неофрейдистской психологической причинности [см.: 242] до абсолютизации индивидуального в «критической философии истории» [см.: 94].

Эти концепции родственны не только по своей классовой сущности, но и по эвристической несостоятельности — сознательно или бессознательно затушевывая действительные причины исторических процессов, они не могут предложить никаких хоть сколько-нибудь удовлетворительных решений назревших социальных проблем (не говоря уже о теориях качественного переустройства общества).

Что, например, предлагает Б. Стоукс (США) для решения таких актуальных проблем, как энергетическая, продовольственная, жилищная, проблема здравоохранения, демографическая и т. п.? Считая исходным уровнем социального процесса, причиной этого процесса локальные взаимодействия между людьми, он утверждает: «Человеческие проблемы требуют решений на уровне человека» [274, с. 14]. Конкретно это означает самостоятельное строительство и утепление жилищ, «самолечение», домашнюю систему получения и использования энергии (например, солнечной) и тому подобные «меры». Название работы Стоукса говорит само за себя: «Помогая самим себе: локальное решение глобальных проблем». Автор явно призывает человечество вернуться к натуральному хозяйству.

Перенесение основного внимания при анализе социальных процессов с производственных отношений на производительные силы приводит к уходу от марксизма-ленинизма, отстранению проблемы классовой борьбы и социальной революции и сведению всех вопросов общественного переустройства к решению задачи совершенствования техники и технологии. Именно поэтому идея «технологического детерминизма», базирующаяся на таком приеме, нашла столь широкое применение в современной буржуазной философии истории и социологии.

Концепция «технологического детерминизма» лежит в основе всех современных технократических теорий, спекулирующих на достижениях научно-технической революции. Имевшая особенную популярность среди западных социологов в 50—60-е годы и являющаяся до сих пор фундаментальной для буржуазных концепций общества, теория «конвергенции» основывается именно на рассмотрении техники и технологии в качестве единственного базиса всех социальных отношений. «Конвергенция» (движение ко все большему подобию до неразличимости и слияния в единство) капиталистической и социалистической систем происходит, как представля-

ется авторам этой теории, благодаря выравниванию уровней развития техники и науки.

Конкретизированная в теориях «стадий экономического роста» (У. Ростоу), «постиндустриального общества» (Д. Белл), «технотронного общества» (З. Бжезинский), «сверхиндустриальной цивилизации» (А. Тоффлер) и т. п., концепция «технологического детерминизма» сохраняет во всех этих модификациях свою основную черту: метафизический детерминизм, доходящий до индетерминизма и субъективного идеализма.

Например, Белл активно выступает против исторического материализма как «монокаузальной» теории (аргумент тот же, что и у Ясперса), т. е. против фундаментального положения марксизма, указывающего на противоречие между производительными силами и производственными отношениями как на основную причину исторических изменений. Белл заменяет «монокаузальность» «поликаузальностью», определяя в качестве равноправных причин общественного развития субъективные факторы [см. об этом: 101, с. 55—60]. Так намечается путь к плюрализму, являющемуся, по мнению Белла, основой идеологии и политики «постиндустриального общества».

«Технологический детерминизм» — ядро новой буржуазной утопии, рисующей «золотой век» социального равенства и справедливости, высокого массового потребления, который будет достигнут за счет НТР, без всякой классовой борьбы. Описывая подобную «технологическую республику», Бжезинский представляет ее как «утопический остров, на котором обычная диалектика развития приобрела столь акселерированный характер, что ни эволюция, ни революция больше не могут быть адекватными терминами ее описания» [234, с. 127].

Новая волна кризисов, захватившая буржуазный мир во второй половине 70-х годов, заставила отказаться от многих утопических идей. Буржуазные социологи переходят теперь к пессимистической футурологии, утопии уступают место антиутопиям, в которых техника, научно-техническая революция начинают играть уже отрицательные роли, считаются причиной чуть ли не всех трудностей и бед.

Однако выросший на американской почве «технологический детерминизм» продолжает питать новые социальные концепции «спасения».

В настоящее время приобрела известность теория «информационного общества» (Белл). Еще в 1974 г.,

выступая с «пророчеством» относительно развития «постиндустриального общества», Белл отметил, что если определяющим признаком индустриального общества служит использование машин для производства товаров, то «организующим началом постиндустриального общества являются научные знания» [26, с. 3]. Так был сделан крен в сторону науки и научной информации как основы общественного развития.

Поддерживая эту мысль, Тоффлер в изрядно уже нашумевшем труде «Третья волна» отмечает, что уже сегодня из 2 тысяч работников половина имеет дело не с предметами, а с информацией [см.: 190, № 9, с. 79]. Это дает возможность (с учетом отмечаемой Тоффлером «демассификации» средств информации) перехода к работе на дому. Тоффлер рисует картину опустевших заводов и фабрик — 90% работающих манипулируют с электронной техникой дома. «Первая волна» связана с натуральным хозяйством, работой «на дому», прогресс в которой привел людей к общественному труду. «Вторая волна» обобществила труд до предела, «третья» ведет к упразднению общественного труда и следующей за этим «демассификации» сознания [см.: 190, № 7, с. 95—99]. Эти «исторические периоды» явно противопоставляются учению марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях. Революция в получении и переработке информации является у Тоффлера основанием всех социальных изменений.

Создание «нового информационного общества» становится возможным благодаря появлению новых информационных средств (ЭВМ) — «компьютерной революции». Информация, заявляет Дж. Бурстин (США), одинаково входит в дом богатых и бедных, белых и черных, молодых и старых. Новые информационные системы способствуют созданию качественно иной технологии производства, что ускоряет технический прогресс и приводит к конвергенции социальной системы, когда «все становится похожим на все» [233, с. 5—7].

Белл считает, что «информационное общество» вносит существенные коррективы в марксизм: «С сокращением рабочего времени и роли производственного рабочего (который в марксистской теории является источником стоимости) становится ясно, что знание и его приложения замещают труд в качестве источника «прибавочной стоимости» в национальном продукте. В этом смысле, так же как капитал и труд были основными переменными величинами индустриального общества, ин-

формация и знание — решающие переменные постиндустриального общества [231, с. 166]. В качестве доказательства этой мысли приводятся факты рентабельности вложений в науку.

Действительно ли тут названа принципиально новая основа получения прибавочной стоимости? Аргументация Белла лишь подтверждает тот факт, что в эпоху НТР наука становится непосредственной производительной силой общества. Однако Белл пытается интерпретировать его в том смысле, что материальная детерминация уступила место идеальной. Как мы уже выяснили, возрастание роли субъективного фактора приводит к повышению значимости звена И→М в общей цепи человеческой деятельности и познания М→И→М′. Опосредование научной мыслью ускоряет и делает более эффективным процесс детерминации материального материальным, осуществляемый в производстве материальных благ. Увеличение доли «идеализированных» моментов в производстве не отменяет материальную основу такой идеализации. Получение и использование информации по-прежнему производится в труде.

Создание материальных ценностей при помощи информации предполагает, безусловно, деятельность по получению и переработке такой информации. Компьютеры ускоряют и качественно преобразуют эту деятельность, но не отменяют человека полностью. Интеллектуальная деятельность человека получает орудия, становящиеся все эффективнее (то же самое ранее происходило с орудиями физического труда), что находит отражение в интеллектуализации всей трудовой деятельности человека, повышении ее напряженности в этом аспекте.

Эксплуатировать, как показывает практика буржуазного мира, можно и интеллектуализированный труд. Распределение материальных и духовных благ по-прежнему, как и во времена К. Маркса, зависит от формы собственности на средства производства, включая и компьютерную технику. В связи с этим несостоятельны попытки теоретиков «информационного общества» рассматривать компьютеры в качестве радикального средства демократизации.

Например, Д. Мур (США) пишет, что «демократии нужны миллиарды рабочих часов. Их дадут электронные машины-роботы, которые могут работать 24 часа в день, 365 дней в году с минимальными затратами и очень скромным комфортом» [261, с. 18]. Остается толь-

ко выяснить, кому будут принадлежать эти «новые рабы». Если не всему обществу, то это не только не улучшит положения обездоленных, но и не расширит демократию, так как последняя связана с производственными отношениями, а не производительными силами, о чем «забывает» Мур. Если указанные роботы будут принадлежать отдельным классам и социальным группам, то никакой демократизации не произойдет при любом, сколь угодно высоком уровне компьютеризации и автоматизации производственных процессов. Последний лишь увеличит могущество и произвол одних и бесправие и подчиненность других. Таковы азбучные истины марксизма.

Концепция «информационного общества» не несет в себе ничего принципиально нового, опирается на основные идеи «технологического детерминизма». Единство философской и классовой сущности этих теорий проявляется прежде всего в сходстве предлагаемых ими путей улучшения социальной действительности — реформизме, абсолютизирующем производительные силы как единственное основание, причину исторических изменений, плюралистическом подходе, отрицающем исторический детерминизм, необходимость и неизбежность революционного ниспровержения капитализма, коренного преобразования производственных отношений.

Традиционной тенденцией в современной буржуазной философии и социологии является попытка выдвинуть некоторые детерминирующие связи, играющие роль условий, повода, функциональной и других сопутствующих детерминаций в социальном процессе, в качестве причины такого процесса. Наиболее «испытанными» выступают здесь различные варианты неомеханистических концепций, в которых осуществляется сведение социального уровня развития материи и, следовательно, социального взаимодействия к взаимодействию на биологическом и даже более низких уровнях. Сведение социального к биологическому было свойственно еще виднейшему представителю «первого» позитивизма Г. Спенсеру. Сегодняшние его последователи пытаются использовать современные данные биологии и социологии для того, чтобы произвести ту же непозволительную операцию.

Так, ученые Гарвардского университета Э. Уилсон и Ч. Ламсден (США) развивают концепцию «социобиологии» как науки «о биологических основах всех форм социального поведения у всех организмов» [см.: 279, с. 382]. Найдя «много общего» между биологическими

и социальными взаимодействиями, они, с одной стороны, «подняли» биологическое до социального уровня, а с другой — «опустили» социальное до биологического, объявив общество «группой индивидов одного вида, организованных по принципу кооперации» [см.: 279, с. 425]. Отдавая по сути дела дань социал-дарвинизму, Уилсон и Ламсден высказывают убеждение, что все социальное поведение формируется в ходе естественного отбора. Отсюда возникает идея связать воедино генетическую и культурную эволюцию, обозначив это единство как «коэволюцию» [см.: 279, с. 99].

Уилсон предполагает, что социобиология как некоторая детерминистская концепция способна не только объяснять социальное поведение, но и предсказывать характерные черты социальной организации на основе знания популярных параметров и генетических программ поведения [см.: 278, с. 4]. Он даже пытается модернизировать синтетическую теорию эволюции, объявляя исходной единицей естественного отбора не популяции особей, не биоценозы, а ...гены [см.: 278, с. 3]. Эволюционируют, таким образом, не виды, а гены, для которых индивидуальный организм является лишь носителем. Абсолютизировав «самостоятельность» генов в эволюционном процессе, Уилсон сделал следующий шаг, поставил в зависимость от генотипа социальное поведение личности и социальный процесс в целом. С его точки зрения, «бесспорно влияние генетических факторов на возможное выполнение некоторых широко определяемых социальных ролей» [278, с. 555]. Такая концепция представляет собой своеобразный «генетический детерминизм», чреватый далеко идущими выводами.

Характерно в связи с этим заключение, сделанное на основе рассмотрения основных положений социобиологии респектабельным еженедельником США «Тайм»: «Мораль и право отнюдь не являются только продуктом общественного прогресса, а идут из животного прошлого человека и коренятся в генах» [см.: 277, с. 18]. Социально-классовый смысл такого вывода не оставляет сомнений — оправдание существующего общественного строя — капитализма, негативные стороны которого списываются за счет издержек генотипического характера.

Биологические факторы, безусловно, присутствуют в «снятом» виде в социальных процессах, но с того момента, когда в этих процессах причинное отношение переместилось в сферу противоречия «социальное — со-

циальное», биологические факторы стали выполнять роль условий. Вместе с тем условие определяет себя как таковое лишь в конкретном отношении с причиной. Поэтому вопреки утверждениям сторонников социобиологических концепций не только генетический процесс не может быть причиной социального, но даже исследование генеалогии наследственных заболеваний, соотношения генетической и гормональной детерминации фенотипа человека невозможно без учета социальных факторов. Прекрасно иллюстрирует сказанное влияние на генотип такого социального фактора, как кастовая форма брака [см.: 92, с. 38].

В отличие от буржуазной философии марксизм-ленинизм никогда не скрывал своего классового, партийного характера. Напротив, марксистско-ленинская философия и социология всегда подчеркивали и подчеркивают связь своих теоретических положений с пролетарским движением, с делом построения социализма и коммунизма. Марксизм-ленинизм являет пример единства партийности и научности, гармонически сочетающихся в научном, коммунистическом мировоззрении. «Основную задачу тактики пролетариата, — писал В. И. Ленин, — Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса» [4, т. 26, с. 77]. В этих словах весьма лаконично выражена связь объективности, научности рассмотрения исторического процесса с конкретной социальной направленностью, классовой ориентацией такого рассмотрения.

Диалектико-материалистическая концепция детерминизма не только позволяет увидеть исторический процесс таким, каким он объективно является, но и показывает пути воздействия на этот вопрос, возможности для передового класса — пролетариата — сообразно своим потребностям и в соответствии с познанной исторической необходимостью выбрать и стимулировать развитие определенной тенденции исторического процесса — тенденции становления коммунистической формации. Сопоставляя взгляд «объективиста» и материалиста на исторический процесс, В. И. Ленин отметил, что «мате-

риалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей» [4, т. 1, с. 418]. Таким образом, научное мировоззрение обязательно учитывает диалектическое единство общего и единичного, абстрактного и конкретного в детерминации социальных процессов, в то время как «объективисты», кичащиеся беспартийностью, доходят в лучшем случае до констатации абстрактной общей необходимости, которая оборачивается отрицанием объективной необходимости, поскольку последняя всегда есть конкретная связь общего и единичного.

3. Методологическая роль детерминизма в формировании научного, коммунистического мировоззрения

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС была подчеркнута необходимость перестройки идеологической работы в нашей стране [см.: 7]. Эта необходимость определяется не только возрастанием активности и технической оснащенности пропагандистского аппарата нашего классового противника, но и значительным усложнением общественной жизни, новыми открытиями науки, что требует качественно нового подхода к формированию коммунистического, научного мировоззрения. Формирование у советских людей научного мировоззрения — одна из важнейших задач коммунистического строительства и сердцевина идеологической, политико-воспитательной работы [см.: 7, с. 71; 8, с. 9]. Сегодня, как никогда, актуально звучат слова В. И. Ленина: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [4, т. 41, с. 305].

Взаимосвязь процесса формирования научного мировоззрения с эволюцией детерминационных представлений можно проследить, лишь исследовав конкретные пути становления научного мировоззрения.

«...Все, что побуждает человека к деятельности, — отмечал Ф. Энгельс, — должно проходить через его голову...» [1, т. 21, с. 290]. Формирование научного мировоззрения является важнейшей задачей совершенствования отношений развитого социализма именно потому,

что оно связано с изучением широкими народными массами законов развития мира и человека, на основе которых только и возможна осознанная целенаправленная, а следовательно, и по-настоящему свободная деятельность людей. Познание закономерностей природы и общества предполагает установление специфики детерминационных отношений между явлениями и процессами. Такое знание освобождает людей от произвола неосознанной стихии взаимодействий, от столкновения с неожиданными результатами детерминации материального материальным.

Важнейшие мировоззренческие принципы и идеи используются в деятельности человека как методы познания и преобразования действительности. Осознание детерминационных отношений является основанием их активного использования. Процесс детерминации $М \rightarrow М'$ получает при этом свое опосредование в идеальном, начинает проходить «через голову человека», т. е. приобретает вид $М \rightarrow И \rightarrow М'$. Чем больше взаимодействий мира опосредовано человеческим сознанием, тем богаче мировоззрение и тем эффективнее деятельность человека. Мировоззрение непосредственно связано с методологией — это единство знания и умения его применить, которое должно стать «достоянием всех советских людей, каждого нового поколения» [см.: 7, с. 42], является сегодня важнейшей социальной задачей.

Таким образом, принцип и диалектико-материалистическая теория детерминизма играют в формировании научного мировоззрения двойную роль: выступая методологическими принципами в построении самой системы мировоззрения, организации отдельных элементов (знаний, убеждений, идей, принципов) в единой, целостной структуре, они становятся одновременно неотъемлемым элементом, узловым звеном такой структуры. В силу этого решение проблемы взаимосвязи диалектико-материалистической концепции детерминизма и научного мировоззрения подразумевает решение двух задач: определения методологической роли детерминистских представлений в отношении процесса формирования научного мировоззрения и установления места данной концепции как центрального звена в структуре научного мировоззрения. Безусловно, эти два момента могут быть выделены лишь с целью более тонкого анализа проблемы, поскольку в процессе формирования и функционирования научного мировоззрения они взаимно обусловливают друг друга, составляют единство.

При решении указанных задач следует учитывать также, что процесс формирования мировоззрения имеет онтологические и гносеологические основания. К первым относится прежде всего уровень развития общества в его связях и взаимодействии с природой (производительные силы) и во внутриобщественных взаимодействиях (производственные и непроизводственные отношения). «Господствующие мысли, — отмечали в связи с этим К. Маркс и Ф. Энгельс, — суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений...» [1, т. 3, с. 46].

Развитие общественного бытия определяет возможность все более адекватного отражения в мировоззрении как природных, так и общественных закономерностей, ибо вместе с общественным бытием и благодаря его изменению трансформируются все элементы мировоззренческой системы. Такая связь определяет и развитие детерминистских представлений как узлового звена мировоззрения. Ф. Энгельс указывал на решающее значение уровня развития общественных отношений для осознания каузальных связей исторического процесса. «...Если, — писал он, — во все предшествующие периоды исследование этих движущих причин истории было почти невозможно из-за того, что связи этих причин с их следствиями были запутаны и скрыты, то в наше время связи эти до такой степени упростились, что решение загадки стало, наконец, возможным» [1, т. 21, с. 308].

Вместе с тем достижение зрелого уровня внутриобщественных отношений и отношений «общество — природа» отнюдь не автоматически приводит к зрелости мировоззренческой системы. Это обстоятельство требует выяснения конкретных путей отражения мировоззрением как ведущим элементом системы общественного сознания [см.: 141, с. 82—90] объективных связей и закономерностей действительности, т. е. установления гносеологических оснований формирования мировоззрения.

Последний вопрос фактически смыкается с проблематикой философской гносеологии и потому не может быть всесторонне рассмотрен в рамках настоящей работы. Обратим внимание на то, о чем уже шла речь, — познание связей мира начинается с анализа причин явления. Это определяет методологическую функцию детерминизма в формировании научного мировоззрения, которое должно строиться с учетом отличия причинных и непричинных детерминантов, типов и форм детерминирующих связей.

Задачей научного мировоззрения является отражение материального единства мира в единой системе представлений о нем, достижение диалектического единства знания основных положений науки и революционной убежденности в справедливости и действенности основанных на этом знании практических усилий по преобразованию мира и общества. Научному, коммунистическому мировоззрению в его целостности чужды синкретизм и эклектика обыденного и естественнонаучного мировоззрений. Подчеркивая несовместимость научного взгляда на процесс общественного развития с эклектическим соединением элементов знания, В. И. Ленин определил последнее как теоретическую базу оппортунизма: «При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [4, т. 33, с. 21]. Владимир Ильич обращает внимание на цельность и революционность в отношении к общественным процессам как на важнейшие элементы мировоззренческой системы.

Основанием «цельного, охватывающего и теорию и практику, миросозерцания» [см.: 4, т. 18, с. 199] В. И. Ленин полагал детерминизм. Это и понятно: диалектико-материалистическая теория детерминизма не просто указывает на причины, условия, повод и другие детерминанты социального процесса, но и определяет их взаимную субординацию и координацию, место в системе детерминационных отношений. Такой подход помогает избавиться от эклектики, выработать целостный взгляд на социальные и природные процессы, иначе говоря — увидеть мир таким, каков он есть. Последовательный диалектический детерминизм несовместим ни с эклектикой, ни с идеализмом, ни с антинаучным мировоззрением. Недаром философская ревизия марксизма-ленинизма оказывается тесно связанной с пересмотром и критикой теории диалектического детерминизма. В связи с этим одной из важнейших задач борьбы за научное мировоззрение является борьба против индетерминизма и метафизического детерминизма как основания антинаучного мировоззрения.

Целостное мировоззрение необходимо предполагает монизм, ибо на дуалистических и тем более плюрали-

стических основаниях построить целостную систему взглядов, как показало предшествующее исследование, невозможно. В свою очередь монистичность связана не только с неукоснительным следованием однозначному решению основного вопроса философии при анализе процессов действительности, но и с реализацией определенного метода рассмотрения отношений зависимости, детерминированности явлений и процессов. Без этого не может существовать и быть реализована в мировоззрении идея единства мира, обосновывающая монизм как «связь всего» (Гераклит).

Детерминистские представления являются неотъемлемым элементом монистического мировоззрения, поскольку последнее конкретизирует идею взаимосвязи и взаимозависимости, раскрывает пути возникновения и исчезновения всех моментов действительности. Показательно в связи с этим изречение Гераклита, в котором монистический взгляд на мир формулируется как единство материалистического подхода и диалектической идеи универсальной всеобщей взаимосвязи состояний мира: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». Приведя этот отрывок, В. И. Ленин охарактеризовал его как «очень хорошее изложение начал диалектического материализма» [4, т. 29, с. 311].

Ф. Энгельс указывал, что «материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений» [1, т. 20, с. 513]. Подобное понимание невозможно без привлечения материала, получаемого естествознанием, но обобщается этот материал философским знанием, с применением философской системы принципов и законов, благодаря чему происходит взаимное обогащение и уточнение как философии, так и естествознания. В начале данной работы отмечалась неправомерность отождествления понятий «мировоззрение» и «философия», ибо существуют мировоззрения (донаучное, обыденное, религиозное и др.), в систему которых не входит философское знание. Что же касается научного мировоззрения, то оно немыслимо как без усвоения основных положений марксистско-ленинской теории, так и без знания основ современного естествознания и гуманитарных наук.

Однако не следует отождествлять научное мировоззрение с марксистско-ленинской теорией. Последняя

действительно является теоретической основой для первой, но при этом научное мировоззрение соединяет в себе не только знания, но и убеждения, устремление к деятельности по коммунистическому преобразованию социальной действительности. Научное мировоззрение не может быть представлено в виде непосредственного синтеза всех философских, естественнонаучных и гуманитарных знаний с соответствующими убеждениями, идеалами, психологией, поскольку в таком случае достижение научного мировоззрения окажется не под силу даже представителям науки. В полной мере научное мировоззрение осуществляется на уровне общественного сознания.

Сложная диалектика отношения общественного и индивидуального в сознании прекрасно объяснена Ф. Энгельсом, отметившим, что «суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно...» [1, т. 20, с. 87]. Общественное сознание является ведущим в этом отношении, так как именно оно выступает отражением общественного бытия. Однако нельзя забывать, что общественное сознание существует и проявляется только через индивидуальное сознание. Общественная деятельность людей — основа формирования и развития сознания и вместе с тем мировоззрения. Все сказанное о диалектике индивидуального и общественного сознания можно отнести и к диалектике общественного и индивидуального мировоззрения.

Первоначально та или иная мировоззренческая доктрина, по-новому обобщающая представления о мире и человеке, является достоянием единиц или малых групп людей. Моментом общественного сознания она делается постепенно, с овладением новой генерализующей идеей все большего и большего числа лиц, пока не становится достоянием определенного класса или общества в целом. Весьма ярким примером этого процесса является путь формирования марксистско-ленинского мировоззрения. Разработанное первоначально К. Марксом, оно «перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX века ... стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма» [4, т. 41, с. 304].

Поскольку элементы научного мировоззрения не являются продуктом научно-познавательной деятельности каждого человека, а представляют собой для индивидуального мировоззрения результат детерминации идеаль-

ного идеальным (ознакомление с идеями), данное обстоятельство часто порождает владение знанием без убеждения, веру в это знание, что выступает основанием расхождения между словом и делом. На XXVI съезде КПСС последнее было отмечено как серьезный недостаток в работе по формированию научного мировоззрения молодежи, конкретно выражающийся в том, что «у некоторых молодых людей образованность и информированность подчас уживаются с политической наивностью, а профессиональная подготовленность — с недостаточно ответственным отношением к труду» [6, с. 67].

Убеждение появляется только там, где усвоенное знание проходит проверку, испытывается и подтверждается в деятельности (детерминация И→М). В таком случае данное знание становится своим, усваивается как самостоятельное приобретение. Марксизм-ленинизм стал мировоззрением пролетариата только потому, что ответил на важнейшие вопросы, поставленные перед пролетариатом его бытием, был по-настоящему выстрадан пролетариатом. Если взгляды, идеи, убеждения детерминированы деятельностью и могут быть использованы в детерминации деятельности, то они становятся элементами мировоззрения людей, занимающихся этой деятельностью. Знания только тогда становятся элементом мировоззрения, когда соединяются с убеждением, выполняют роль руководства в деятельности. Иначе говоря, мировоззренческое знание необходимым образом должно использоваться как метод освоения и преобразования действительности. Нет мировоззрения без методологии, как нет методологии без мировоззрения. Детерминация идеальным идеального не является чем-то самодовлеющим и выступает опосредующим элементом процесса познания и деятельности человека (М→[И→И′]→М′).

Предполагая возможность детерминации идеального идеальным в формировании мировоззрения, не следует забывать, что определяющей в конечном счете является стоящая за ней детерминация идеального материальным. Гносеологическим корнем субъективного идеализма как раз и выступает подобное забвение.

Человеку часто представляется его действие как детерминируемое лишь какими-либо идеальными факторами (сначала думаю, затем делаю то, что обдумал), взаимосвязь данных факторов с материальными не учитывается. Опасно, например, абсолютизировать цель как субъективный фактор человеческой деятельности в

качестве единственной причины этой деятельности. Сам акт целеполагания невозможен без познания детерминационной зависимости. Цель связана с осознанием направления деятельности и факторов, ведущих к желаемому результату, но достижение данного результата возможно благодаря использованию не идеальных, а материальных детерминаций. Цель может быть и иллюзорной, осознание ложным, к желаемому результату приводит лишь следование объективной тенденции.

Возможность изменения мира заключена не в голове человека, а в самом этом мире. Поэтому следует учитывать объективные детерминанты целевой установки, а не только факт осознания их человеком. Как писал по этому поводу В. И. Ленин, «цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное» [4, т. 29, с. 171].

Диалектико-материалистическая концепция детерминизма помогает установить реальное соотношение объективных и субъективных факторов в процессе формирования мировоззрения. Действие объективных факторов обязательно опосредуется субъективной формой, поэтому возникает видимость (как и во многих случаях социальной детерминации) «чисто» субъективной детерминации процесса. Такая видимость приводит подчас к неверному выводу, будто борьба за коммунистическое мировоззрение исчерпывается воспитанием и образованием масс в «марксистско-ленинском духе».

В. И. Ленин резко выступал против такой просветительской тенденции. «Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, — писал он, — думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения» [4, т. 45, с. 26]. Последовательно применяя материалистический подход к решению задач становления научного мировоззрения, Владимир Ильич указал: «Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде» [4, т. 41, с. 318].

Великое открытие марксизма — «труд создал человека» — революционизировало не только антропологию и философию, но и педагогику. Труд, повседневная деятельность создают, воспитывают, выступают основой формирования сознания и мировоззрения каждого че-

ловека. Такова главная материалистическая посылка педагогической науки. Взяв ее на вооружение, мы тем самым получаем основание для ответа на вопрос о детерминации процесса формирования научного, коммунистического мировоззрения.

Использование диалектико-материалистической концепции детерминизма предостерегает нас и от метафизической абсолютизации воспитания трудом. Видя в бытии, во всем многообразии материальной деятельности людей основу формирования научного мировоззрения, мы не должны пренебрегать и воспитанием словом. (В рамках рассмотренных выше форм детерминации это будет примером детерминации идеального идеальным.) Важно при этом не допускать противоречий между воспитанием словом и воспитанием бытием, жизнью.

Материалистический подход указывает на детерминацию идеального материальным как на главную форму процесса воспитания мировоззрения. На этой же основе следует подходить и к проблеме борьбы со всякого рода мировоззренческими патологиями, с которыми связаны такие отрицательные явления, как нечестность, взяточничество, равнодушие, грубость, стяжательство, мещанство, бюрократизм [см.: 6, с. 59]. Борьба с ними не может быть эффективной, если сводить рецидивы идеалистического, буржуазного и антинаучного мировоззрения к «пережиткам прошлого в сознании людей», как это раньше часто делалось. Данная позиция заводит в тупик деятельность по ликвидации указанных отрицательных моментов в бытии и сознании, поскольку представляет по существу смешение причины и следствия. Указанный подход был подвергнут справедливой критике на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Было бы неправильно видеть во всех этих уродливых явлениях, вызывающих беспокойство и справедливое возмущение трудящихся, одни лишь «пережитки прошлого» в сознании и поведении людей. Причины многих из этих «болячек» следует искать и в сегодняшней практике, в просчетах тех или иных работников, в реальных проблемах и трудностях нашего развития, в недостатках воспитательной деятельности. Поэтому для устранения негативных явлений нужны не только постоянные пропагандистские усилия, но и меры экономического, организационного и правового порядка» [7, с. 38].

То или иное искажение в представлении о детерминации социальных процессов ведет не только к неправильным действиям, но и, безусловно, отражается в об-

щих взглядах на человека, на его место в мире, т. е. на системе мировоззрения. Такое искажение не всегда связано с прямым уходом в идеализм, перемещением на позиции антинаучного мировоззрения. Большой ущерб выработке научного, коммунистического мировоззрения наносит и метафизическая абсолютизация отдельных типов и форм социальной детерминации.

Характерны в этом отношении данные опроса общественного мнения, проведенного Академией общественных наук при ЦК КПСС в 15 регионах страны. Исследование охватило 17 тысяч человек, всем им был задан вопрос о причинах негативных явлений в сфере морали, которые, к сожалению, еще достаточно часто наблюдаются в нашем обществе. Ответы распределились следующим образом: 45% опрошенных видели главную причину указанных явлений в слабых мерах наказания за совершенные проступки; 27% — в недостаточной воспитательной работе; 21—23% — в безразличии, равнодушии, ханжестве, лицемерии как следствии отставания идейно-нравственного уровня от материальной обеспеченности; 18% — в легкомысленном отношении части людей к своей жизни и поступкам; 10% — в недостаточной роли общественного мнения [см.: 120, с. 193]. Все предшествующее рассмотрение позволяет понять, что до конца правильно на поставленный вопрос не ответил никто из опрошенных. Так, подавляющее большинство (45%) явно перепутало причину со следствием (наказание — воздействие на следствие), остальные уделили внимание различного рода идеальным детерминациям, выступающим в роли условия, повода, но не причины асоциального поведения.

Ответ на данный вопрос с позиций диалектико-материалистического анализа прозвучал с трибуны XXVI съезда КПСС: «...успех воспитания обеспечивается лишь тогда, когда оно опирается на прочный фундамент социально-экономической политики» [6, с. 63]. Всякое негативное явление в сфере морали имеет своим фундаментом бытие, практику, деятельность человека. Там и следует искать основные причины, вызывающие к жизни как положительные, так и отрицательные следствия во всех надстроечных процессах.

К грубым ошибкам в воспитании может привести не только смешение причины и следствия, но и неразличение причинных и непричинных детерминаций. Например, воздействие на условие во всех случаях может лишь регулировать процесс, но не порождать его. Так,

высокий теоретический и методический уровень пропагандистов — важнейшее условие целенаправленного формирования научного, коммунистического мировоззрения, но не причина этого процесса. Мировоззрение — отражение бытия, и, если работа пропагандиста не подкрепляется соответствующими моментами бытия, деятельности слушателей, она не даст желаемых результатов. Как справедливо отмечалось на XXVI съезде КПСС, «истина прочно усваивается тогда, когда она пережита, а не просто преподана» [6, с. 67].

Борьба за научное мировоззрение — это прежде всего борьба за последовательный материализм и диалектику во всех взглядах на мир и на человека. Такая борьба должна вестись с учетом специфики бытия и сознания не только отдельных общественных классов, но и малых социальных групп, профессиональной дифференциации. Недаром В. И. Ленин говорил о своеобразии пути к признанию коммунизма инженера, литератора, агронома, лесовода и представителей других профессиональных групп. Он отмечал, в частности, что инженер придет к коммунизму *«через данные своей науки»* [см.: 4, т. 42, с. 346].

Как было показано выше, непоследовательность и синкретизм естественнонаучного мировоззрения тесно связаны с непоследовательностью и синкретизмом детерминистских взглядов ученых-естественников. Стихийно-материалистические взгляды обыденного мировоззрения базируются на столь же стихийных детерминистских воззрениях. Последние подчас причудливо сочетают в себе метафизический детерминизм с индетерминизмом, что и выступает основанием непоследовательности материалистической позиции обыденного мировоззрения. Для обыденного мировоззрения свойственны, например, убежденность в существовании жесткой причинно-следственной цепи, простирающейся практически в бесконечность (при таком взгляде, как было показано, не различаются причинные и непричинные детерминанты), — основа фатализма и противоположная убежденность в возможности коренного изменения событий (например, личной жизни) в результате вмешательства счастливой или несчастливой случайности. Сочетание детерминизма и индетерминизма, материалистических и идеалистических взглядов делает обыденное мировоззрение «резервом» как для научного, так и для антинаучного мировоззрений. Это определяет необходимость особенного внимания к обыденному мировоззрению.

Материалистические взгляды представителей естественнонаучного мировоззрения не носят такого стихийного характера, они, как и обосновывающие их детерминистские представления ученых-естественников, базируются на научных данных и анализе определенной предметной области изучения действительности. В связи с этим естественнонаучное мировоззрение, если его связать с диалектико-материалистической философией, является непосредственным основанием научного мировоззрения. Учитывая это обстоятельство, В. И. Ленин, как уже было отмечено, настойчиво призывал к союзу философов с представителями естествознания, ибо только такой союз может дать естественнонаучному материализму «солидное философское обоснование», а философскому материализму возможность стать «воинствующим» [см.: 4, т. 45, с. 29], т. е. активным, деятельным, мировоззрением, а не созерцанием мира.

Детерминизм в его диалектико-материалистической трактовке позволяет, как было показано, привести научные аргументы против фатализма и волюнтаризма, теологии и неокреационистских спекуляций данными современного естествознания. Он является испытанным оружием в борьбе против всех разновидностей механицизма во взглядах на природу и общество. Наконец, именно на основании диалектико-материалистической концепции детерминизма оказывается возможным найти решение вопроса о соотношении свободы и необходимости в человеческой деятельности.

Материалистический монизм одним из своих краеугольных камней имеет монизм детерминистский. Последний связан с представлением о единой системе детерминаций развития и изменения всякого процесса, начиная с механического, пространственного перемещения и заканчивая сложным социальным взаимодействием. В данной системе действуют субординированные в отношении основной причины непричинные типы детерминации. Неразличение причинных и непричинных детерминаций, объявление всех детерминаций процесса равноправными ведет к философскому плюрализму — концепции, непосредственно связанной с политическим и мировоззренческим плюрализмом и подвергнутой выше подробному критическому рассмотрению.

В научном, коммунистическом мировоззрении преодолевается синкретизм донаучного, обыденного и естественнонаучного мировоззрений, выстраивается строгая и обоснованная система, органически соединяющая науч-

ные взгляды на природу и общество с коммунистическими принципами и убеждениями. Все элементы данной системы взаимно согласованы, содержательно и логически дополняют друг друга.

Структура научного мировоззрения основывается на материалистической диалектике — «живой душе» марксизма-ленинизма. Диалектико-материалистическая концепция детерминизма как теория всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости, определенности моментов действительности пронизывает, служит мировоззренческим и методологическим основанием всех взглядов, принципов, убеждений и представлений, входящих в состав научного мировоззрения. В этом плане детерминизм является важнейшей основой формирования научного мировоззрения, в отношении которого на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС было сказано: «Именно оно делает коммунистов, трудящихся сознательными политическими бойцами, способными самостоятельно оценивать социальные явления, видеть связь текущих задач с нашими конечными целями, вести аргументированную полемику с любым идейным противником» [7, с. 41—42].

Список цитируемой литературы

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.

[4] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений.

[5] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

[6] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

[7] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983.

[8] О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979.

[9] *Абрамова Н. Т.* Целостность и управление. М., 1974.

[10] *Абрамова Н. Т.* Монистическая тенденция развития знания. — Вопросы философии, 1982, № 9.

[11] *Аверьянов А. Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976.

[12] *Алексеев И. С.* Детерминизм и реальность. — Современный детерминизм и наука, т. 1. Новосибирск, 1975.

[13] *Алексеев П. В.* Естественнонаучный материализм и материалистическая диалектика. М., 1981.

[14] *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональных систем. М., 1978.

[15] *Аристотель.* Метафизика. — Сочинения в четырех томах, т. 1. М., 1976.

[16] *Аристотель.* Об истолковании. — Сочинения в четырех томах, т. 2. М., 1978.

[17] *Аристотель.* Физика. — Сочинения в четырех томах, т. 3. М., 1981.

[18] *Аскин Я. Ф.* Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.

[19] *Аскин Я. Ф.* К вопросу о категориях детерминизма. — Современный детерминизм и наука, т. 1. Новосибирск, 1975.

[20] *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

[21] *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977.

[22] *Афанасьев В. Г.* Общество: системность, познание и управление. М., 1981.

[23] *Бабосов Е. М.* Научно-техническая революция и утверждение атеистического мировоззрения. М., 1982.

[24] *Бальсис А. Б.* Мировоззрение в жизни общества и человека. Вильнюс, 1981.

[25] *Барг М. А.* О двух уровнях марксистской теории исторического познания. — Вопросы философии, 1983, № 8.

[26] *Белл Д.* Постиндустриальное общество, что принесут 1970—80-е годы? — Америка, 1974, сентябрь, № 215.

[27] *Берг Л. С.* Труды по теории эволюции. Л., 1977.

[28] *Беркли Дж.* Сочинения. М., 1978.

[29] *Бернал Дж.* Возникновение жизни. М., 1969.

[30] *Берталанфи Л.* Общая теория систем, критический обзор. — Исследования по общей теории систем. М., 1969.

[31] *Блохинцев Д. И.* Критика философских воззрений так называемой «копенгагенской школы» в физике. — Философские проблемы современной физики. М., 1952.

[32] *Богомолов А. С.* Диалектический логос: становление античной диалектики. М., 1982.

[33] *Бом Д.* Причинность и случайность в современной физике. М., 1959.

[34] *Бор Н.* Квантовая физика и философия. — Успехи физических наук, т. LXVII, вып. 1, 1959.

[35] *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

[36] *Борзенков В. Г.* Принцип детерминизма и современная биология. М., 1980.

[37] *Борисов Г. М.* Социалистический образ жизни (Проблемы социальной детерминации). М., 1981.

[38] *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963.

[39] *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. М., 1973.

[40] *Борн М.* Размышления и воспоминания физика. М., 1977.

[41] *Бранский В. П.* Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. Л., 1962.

[42] *Бранский В. П., Ильин В. В., Кармин А. С.* Диалектическое понимание материи и его методологическая роль. — Методологические аспекты материалистической диалектики. Л., 1974.

[43] *Бриллюэн Л.* Научная неопределенность и информация. М., 1966.

[44] *Бройль Л. де.* Останется ли квантовая механика индетерминистической? — Вопросы причинности в квантовой механике. М., 1955.

[45] *Бунге М.* Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1962.

[46] *Бунге М.* Философия физики. М., 1975.

[47] *Бутаков А. А.* Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. М., 1974.

[48] *Веденов М. Ф., Сачков Ю. В.* Проблема стилей мышления в естествознании. М., 1971.

[49] *Веккер Л. М.* Психические процессы, т. 2. Л., 1976.

[50] *Вернадский В. И.* Размышление натуралиста. Научная жизнь как планетарное явление. М., 1977.

[51] *Вижье Ж.-П.* Теория уровней и диалектика природы. — Вопросы философии, 1962, № 10.

[52] *Вилли К., Детье В.* Биология. М., 1974.

[53] *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.

[54] *Вишаренко В. С.* Детерминация в биологических процессах. Л., 1975.

[55] *Вологдин А. Г.* Земля и жизнь. М., 1976.

[56] *Выгодский М. Я.* Справочник по элементарной математике. М., 1966.

[57] *Вяккерев Ф. Ф.* Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972.

[58] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1. М., 1970; т. 2. М., 1971.

[59] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 1. М., 1974; т. 2. М., 1975; т. 3. М., 1977.

[60] *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии в двух томах, т. 1. М., 1975; т. 2. М., 1977.

[61] *Гейзенберг В.* Философские проблемы атомной физики. М., 1953.

[62] *Гейзенберг В.* Физика и философия. М., 1963.

[63] *Гельвеций К. А.* Сочинения в двух томах. М., 1973—1974.

[64] *Гильдерман Ю. И.* Математизация биологии. М., 1969.

[65] *Гленсдорф П., Пригожин И.* Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973.

[66] *Гольбах П.* Система природы... М., 1940.

[67] *Гришкин И. И.* Понятие информации. М., 1973.

[68] *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М., 1976.

[69] *Джемс У.* Зависимость веры от воли. СПб., 1904.

[70] Диалектический материализм и естественнонаучная картина мира. Киев, 1976.

[71] *Добжанский Т.* Философские вопросы биологии и биокибернетики. М., 1970.

[72] *Дрё Ф.* Экология. М., 1976.

[73] *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1973.

[74] *Дудель С. П., Козловский В. Е.* Проблемы диалектики зрелого социализма. М., 1981.

[75] *Елфимов Г. М.* Возникновение нового. М., 1983.

[76] *Ефимов В. Т.* Социальный детерминизм и мораль. М., 1974.

[77] *Жуков Н. И.* Информация. Минск, 1971.

[78] *Завадский К. М., Колчинский Э. И.* Эволюция эволюции. Л., 1977.

[79] *Иванов В. Г.* Детерминация, инициация, детерминизм. — Проблемы диалектики, вып. 1. Л., 1972.

[80] *Иванов В. Г.* Детерминизм в философии и физике. Л., 1974.

[81] *Иванов В. Г.* Причинность и детерминизм. Л., 1974.

[82] *Иванов В. Г.* Физика и мировоззрение. Л., 1975.

[83] *Игнатов А. И.* Мировосприятие, картина мира и мировоззрение. М., 1971.

[84] *Ильин В. В., Кармин А. С.* О природе философских категорий. — Взаимосвязь элементов диалектики. Свердловск, 1977.

[85] *Ильин В. И.* Буржуазный плюрализм: истоки и классовый смысл. М., 1983.

[86] *Камшилов М. М.* Эволюция биосферы. М., 1979.

[87] *Кант И.* Единственно возможное основание для доказательства бытия бога. — Сочинения в шести томах, т. 1. М., 1963.

[88] *Кант И.* Критика чистого разума. — Сочинения в шести томах, т. 3. М., 1964.

[89] *Капица П. Л.* Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977.

[90] *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М., 1959.

[91] *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. М., 1971.

[92] *Карпинская Р. С.* Биология и мировоззрение. М., 1980.

[93] *Кедров Б. М.* О детерминизме. — Философские науки, 1968, № 1.

[94] *Коллингвуд Р.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.

[95] *Компанеец А. С.* Что такое квантовая механика? М., 1977.

[96] *Конт О.* Курс позитивной философии. — Родоначальники позитивизма, вып. 4. СПб., 1912.

[97] *Коршунов А. М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979.

[98] *Косолапов Р.* Социализм: органическая целостность социальной системы. — Правда, 1983, 4 марта.

[99] *Кравец А. С.* Вероятность и причинность. — Современный детерминизм и наука, т. 1. Новосибирск, 1975.

[100] *Кравец А. С.* Природа вероятности. М., 1976.

[101] *Красин Ю. А.* Апологетическая сущность теории «постиндустриального общества». — Вопросы философии, 1974, № 2.

[102] «Критический рационализм»: философия и политика. М., 1981.

[103] *Кругликов Р. И.* Принцип детерминизма и деятельность мозга. — Вопросы философии, 1982, № 3.

[104] *Кузнецов И. В.* Категория причинности и ее познавательное значение. — Теория познания и современная наука. М., 1967.

[105] *Купцов В. И.* Детерминизм и вероятность. М., 1976.

[106] *Курно О.* Основы теории шансов и вероятностей. М., 1970.
[107] *Ланжевен П.* Современная физика и детерминизм. М., 1960.
[108] *Лаплас П.* Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.
[109] *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
[110] *Лезгина М. Л.* Детерминация прогнозирования. Л., 1983.
[111] *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
[112] *Магомедов А. М.* Причинность и функциональная связь. Махачкала, 1969.
[113] *Макаров М. Т.* Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977.
[114] *Мамзин А. С.* Очерки по методологии эволюционной теории. Л., 1975.
[115] *Марков М.* Теория социального управления. М., 1978.
[116] *Марков М. А.* О природе материи. М., 1976.
[117] *Мартынычев И. В.* Мировоззрение естествоиспытателя. М., 1980.
[118] Материалистическая диалектика как основа научного мировоззрения. Л., 1982.
[119] Материалисты Древней Греции. М., 1955.
[120] *Медведев В. А.* Развитой социализм: вопросы формирования общественного сознания. М., 1980.
[121] *Мейли Р.* Структура личности. — Экспериментальная психология, вып. V. М., 1975.
[122] *Мелюхин С. Т.* Материальное единство мира в свете современной науки. М., 1967.
[123] *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.
[124] *Мизес Р.* Вероятность и статистика. М., 1930.
[125] *Микешина Л. А.* Детерминация естественнонаучного познания. Л., 1977.
[126] *Миклин А. М., Подольский В. А.* Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980.
[127] *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914.
[128] Мировоззренческое содержание категорий и законов диалектики. Киев, 1981.
[129] *Мойерс Б.* В поисках элексира творчества. — Америка, 1983, январь, № 314.
[130] *Молевич Е. Ф.* Развитие как предмет философского исследования. — Методологические проблемы развития материалистической диалектики, вып. IX. Л., 1980.
[131] *Монтескье Ш.* О духе законов. — Избранные произведения. М., 1955.
[132] *Мякишев Г. Я.* Динамические и статистические закономерности в физике. М., 1973.

[133] *Нагель Э.* Детерминизм в истории. — Философия и методология истории. М., 1977.

[134] *Налетов И. З.* Причинность и теория познания. М., 1975.

[135] *Нарский И. С.* Неопозитивистские концепции причинности и наука. — Современный детерминизм и наука, т. 1. Новосибирск, 1975.

[136] *Нарский И. С.* Современная буржуазная философия: два ведущих течения начала 80-х годов XX века. М., 1983.

[137] *Нейман И.* Математические основы квантовой механики. М., 1964.

[138] *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах, от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979.

[139] *Новиков К. А.* Свобода воли и марксистский детерминизм. М., 1981.

[140] *Нюттен Ж.* Мотивация. — Экспериментальная психология, вып. V. М., 1975.

[141] *Овчинников В. С.* Мировоззрение как явление духовной жизни общества. Л., 1978.

[142] *Огородников В. П.* Взаимосвязь и взаимоопосредствование категорий «детерминация», «необходимость» и «случайность» в научном познании. — Методология конкретных сфер познания. Иркутск, 1978.

[143] *Огородников В. П.* Проблема типов детерминации в научном познании. — Методология общественного познания. Л., 1979.

[144] *Огородников В. П.* Система категорий диалектического детерминизма как отображение законов объективного развития в мире. — Диалектический материализм как система. Пермь, 1980.

[145] *Омельяновский М. Э.* Идеи диалектики в квантовой физике. — Философские вопросы квантовой физики. М., 1970.

[146] *Орлов В. В.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974.

[147] *Орлов В. В.* К понятию развития. — Философские науки, 1980, № 1.

[148] Основы марксистско-ленинской философии. М., 1976.

[149] *Оуэн Р.* Избранные сочинения, т. 1. М. — Л., 1950.

[150] *Панин А. В.* Диалектический материализм и постпозитивизм (Критический анализ некоторых современных буржуазных концепций науки). М., 1981.

[151] *Паркин В. Ф.* Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. М., 1981.

[152] *Парнюк М. А.* Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972.

[153] *Пахомов Б. Я.* Детерминизм и принцип развития. — Вопросы философии, 1979, № 7.

[154] *Петленко В. П.* и *др.* Детерминизм и теория причинности в патологии. М., 1978.

[155] *Пилипенко Н. В.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980.

[156] *Планк М.* Единство физической картины мира. М., 1960.

[157] *Платонов Г. В.* Марксистско-ленинская философия и частные науки. М., 1982.

[158] *Плахов В. Д.* Традиции и общество. М., 1982.

[159] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956.

[160] *Плеханов Г. В.* О так называемых религиозных исканиях в России. — Избранные философские произведения, т. III. М., 1957.

[161] *Поннамперума С.* Происхождение жизни. М., 1977.

[162] Практика — Познание — Мировоззрение. Киев, 1980.

[163] *Разумовский О. С.* Современный детерминизм и экстремальные принципы в физике. М., 1975.

[164] *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957.

[165] *Растригин Л. А.* Этот случайный, случайный, случайный мир. М., 1974.

[166] *Робертсон А.* Управление качеством. М., 1974.

[167] *Розенфельд Л.* Развитие принципа дополнительности. — Нильс Бор. Жизнь и творчество. М., 1967.

[168] *Рок И., Харрис Ч.* Зрение и осязание. — Восприятие. Механизмы и модели. М., 1974.

[169] *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

[170] *Рузавин Г. И.* О соотношении категорий «движение», «развитие и прогресс». — Философские науки, 1980, № 1.

[171] *Рьюз М.* Философия биологии. М., 1977.

[172] *Садовский В., Юдин Э.* Система. — Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.

[173] *Саката С.* К вопросу об истолковании квантовомеханической теории. — Вопросы философии, 1962, № 9.

[174] *Саката С.* Некоторые философские вопросы теории элементарных частиц. — Ленин и современное естествознание. М., 1969.

[175] *Сачков Ю. В.* Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М., 1971.

[176] *Сачков Ю. В.* Проблема детерминизма в современном естествознании. — Философская борьба идей в современном естествознании. М., 1977.

[177] *Свечников Г. А.* Причинность и связь состояний в физике. М., 1971.

[178] *Свидерский В. И.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965.

[179] *Северцов А. Н.* Этюды по теории эволюции. М., 1921.

[180] *Северцов А. С.* Введение в теорию эволюции. М., 1981.

[181] *Сейфуллаев Р. С.* Концепция причинности и ее функции в физике. Новосибирск, 1973.

[182] *Синг Дж.* Общая теория относительности. М., 1963.

[183] Система управления экономикой развитого социализма: тенденции и проблемы. М., 1982.

[184] *Смирнов Г. Л.* За решительный поворот философских исследований к социальной практике. — Вопросы философии, 1983, № 9.

[185] *Смирнов И. Н.* Материалистическая диалектика и современная теория эволюции. М., 1978.

[186] *Спиноза Б.* Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1957.

[187] *Сэв Л.* Современная французская философия. М., 1968.

[188] *Сэджер Р., Райн Ф.* Цитологические и химические основы наследственности. М., 1964.

[189] *Тонких А. С.* Научное мировоззрение: понятие, структура, функции. Воронеж, 1980.

[190] *Тоффлер Э.* Третья волна. — США. Экономика, политика, идеология, 1982, № 7—9.

[191] *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.

[192] *Уилер Дж.* Гравитация, нейтрино и Вселенная. М., 1962.

[193] *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

[194] *Урсул А. Д.* Информация. Методологические аспекты. М., 1971.

[195] *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975.

[196] *Федосеев П. Н.* Мировоззрение, философия, наука. М., 1979.

[197] *Федосеев П. Н.* В. И. Ленин и философские вопросы современного естествознания: итоги и перспективы. М., 1981.

[198] *Ферворн М.* Речи и статьи. М., 1910.

[199] Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. XVI Всемирный философский конгресс. М., 1981.

[200] Философия марксизма и экзистенциализм. М., 1971.

[201] Философия. Религия. Культура: критический анализ современной буржуазной философии. М., 1982.

[202] Философская борьба идей в современном естествознании. М., 1977.

[203] Философская энциклопедия, т. 1—5. М., 1960—1970.

[204] Философский словарь. М., 1981.

[205] *Фок В. А.* Об интерпретации квантовой механики. — Философские проблемы современного естествознания. М., 1959.

[206] *Фролов И. Т.* Жизнь и познание. О диалектике в современной биологии. М., 1981.

[207] *Фукс-Киттовский К.* Проблемы детерминизма и кибернетики в молекулярной биологии. М., 1980.

[208] Человек и мир человека. Киев, 1977.

[209] *Чупров А. А.* Основные проблемы теории корреляции. М., 1960.

[210] *Шарыпин Л. П.* Диалектическая концепция детерминизма и современное естествознание. — Детерминизм, причинность, организация. Л., 1977.

[211] *Шварц С. С.* Экологические закономерности эволюции. М., 1980.

[212] *Широканов Д. И.* Диалектика необходимости и случайности. Минск, 1960.

[213] *Шкловский И. С.* Вселенная, жизнь, разум. М., 1980.

[214] *Шмальгаузен И. И.* Факторы эволюции. М., 1968.

[215] *Шмутцер Э.* Теория относительности — современное представление. М., 1981.

[216] *Эйген М.* Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М., 1973.

[217] *Эйген М., Винклер Р.* Игра жизни. М., 1979.

[218] Эйнштейновский сборник. М., 1971.

[219] Экспериментальная психология, вып. V. М., 1975.

[220] *Эшби У.* Введение в кибернетику. М., 1959.

[221] *Югай Г. А.* Философские проблемы теоретической биологии. М., 1976.

[222] *Юлина Н. С.* Проблемы метафизики в американской философии. М., 1978.

[223] *Яблоков А. В., Юсуфов А. Г.* Эволюционное учение. М., 1973.

[224] *Яглом А. М., Яглом И. М.* Вероятность и информация. М., 1973.

[225] *Ямпольский Ю. И.* Причинность и взаимодействие. — Вопросы диалектического материализма. М., 1981.

[226] *Яцковский С. Г.* Функциональная связь и причинность, их роль в естественнонаучном познании. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Свердловск, 1973.

[227] *Яцковский С. Г.* Обратная связь как аспект детерминации.— Вопросы детерминизма в природе и обществе, вып. 3. Омск, 1976.

[228] *Bachelard G.* Essai sur la connaissance approchée. Paris, 1927.

[229] *Bachelard G.* Le rationalisme appliqué. Paris, 1962.

[230] *Bachelard G.* L'activité rationaliste de la phisique moderne. Paris, 1965.

[231] *Bell D.* The social framework of information society. — The computer age. London, 1981.

[232] *Benrubi J.* Les cources et les courants de la philosophie contemporante en France, vol. 1. Paris, 1933.

[233] *Boorstin D.* The republic of technology: Reflections of our future community. New York, 1978.

[234] *Brzesinski Z.* America in technotronical age. — Utopia. New York, 1971.

[235] *Charbonnier G.* Entretiens avec Claude Lévi-Strauss. Paris, 1965.

[236] *Craxi B.* Construire il futuro. Milano, 1977.

[237] *Crich F.* Life it self. Its Origin and Nature. New York, 1981.

[238] *Dux G.* Die Logik der Weltbilder. Sinnstrukturen in Wandel der Geschichte. Frankfurt am Main, 1982.

[239] Essays on explanation and understanding: Studies in the foundations of humanities and social sciences. Reidel, 1976.

[240] *Feyerabend P.* How to be a good empiricist. — Readings in the Philosophy of Science. Prentice — Hall, 1970.

[241] *Feyerabend P.* Science in a free Society. London, 1978.

[242] *Fine R.* The psychoanalytic vision: A controversial reappraisal of the Freudian revolution. New York — London, 1981.

[243] *Fourastié J.* Les conditions de l'esprit scientifique. Paris, 1966.

[244] *Freund J.* L'essence du politique. Paris, 1965.

[245] *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1960.

[246] *Giscard d'Estaing V.* Démocratie francaise. Paris, 1976.

[247] *Heidegger M.* Die Frage nach der Technik. — *Heidegger M.* Vorträge und Aufsätze. Pfullingen, 1959.

[248] Hermeneutik und die Wissenschaftheorie: Seminar. Frankfurt am Main, 1978.

[249] Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am Main, 1981.

[250] *Hytte C.-M.* Pour un socialism democratique. — L'Europe en formation. Nice, 1979, N 234.

[251] *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1952.

[252] *Jaspers K.* Der philosophische Glaube angesichts der Offenbarung. München, 1962.

[253] *Jordan P.* Wie sieht die Welt von Morgen aus? München, 1958.

[254] *Kierkegaard S.* Entweder — Oder. Köln und Olten, 1960.

[255] *Koch H. W.* Der Sozialdarwinismus. Seine Genèse und sein Einflüß auf das imperialistische Denken. München, 1973.

[256] *Lalande A.* Vocabulairè technique et critique de la philosophie. Paris, 1956.

[257] *Lemberg O.* Antropologie der ideologischen Systeme. Basel, 1977.

[258] *Macridis R. C.* Contemporary political ideologies: Movements and regimes. Cambridge, 1980.

[259] *March A.* Das neus Dènken der modernen Physik. Hamburg, 1957.

[260] *Monod J.* Le Hasard et la Nècessitè. Essai sur la philosophie naturelle de la biologie moderne. Paris, 1970.

[261] *Moore D. T.* Will robots save democracy? — Futurist. Washington, 1981, vol. 15, N 4.

[262] *Noël L.* Le déterminisme. Bruxelles, 1906.

[263] *Popper K.* The Open Society and its Enemies, vol. 1. London, 1973.

[264] *Popper K.* The Logic of Scientific Discovery. London, 1975.

[265] *Popper K.* The open universe: An argument for indeterminism. Totowa (New York), 1982.

[266] *Renner K.* Ist der Marxismus Ideologie oder Wissenschaft? — Der Kampf. Wien, Juni, 1928, Heft 6.

[267] *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique, t. 1. Théorie des ensembles practiques. Paris, 1960.

[268] *Schleier H.* Theorie der Geschichte. — Theorie der Geschichtswissenschaft. Berlin, 1976.

[269] *Schlick M.* Die Kausalität in der gegenwärtigen Physik. Gesammelte Aufsätze. Wien, 1938.

[270] Seminar: Philosophische Hermeneutik. Frankfurt am Main, 1976.

[271] *Smart J.* A Physicalist Account of Psychology. — The British Journal for the Philosophy of Science, vol. 30, 1979, N 4.

[272] *Spinner H.* Pluralismus als Erkenntnissmodel. Frankfurt am Main, 1974.

[273] *Steffani W.* Pluralistische Demokratie: Studien zur Theorie und Praxis. Opladen, 1980.

[274] *Stokes B.* Helping ourself: Local solutions to global problems. New York — London, 1981.

[275] *Tucker D. F. B.* Marxism and individualism. Oxford, 1980.

[276] *Vadée M.* Gaston Bachelard, ou le nouvel idéalisme épistémologique. Paris, 1975.

[277] Why you do what you do? Sociobiology: A new theory of behaviour. — Time. London, 1977, Aug. 1.

[278] *Wilson E. O.* Sociobiology: The new synthesis. London, 1975.

[279] *Wilson E., Lumsden C.* Genes, mind and culture. The Coevolutionary Process. Cambridge, 1981.

[280] *Wohlgenannt R.* Der demokratische Sozialismus: Sein Selbstverständnis und sein Verhältnis zum Marxismus. Wien, 1978.

[281] *Wright G. H. von.* Explanation and understanding. London, 1977.

Содержание

Введение 3

Глава I. **Идея детерминизма в естественнонаучном познании** 8
1. Взаимосвязь мировоззрения и детерминистских представлений . . . . . —
2. Мировоззренческий аспект детерминизма в физике 23
3. Мировоззренческий аспект детерминизма в биологии 35

Глава II. **Универсальное взаимодействие и формы детерминации** 53
1. Взаимодействие, детерминизм, типы и формы детерминации . . . . . —
2. Формы движения и формы детерминации 59
3. Материальное и идеальное как формы детерминации 64
4. Внешнее и внутреннее, закон как формы детерминации 68

Глава III. **Детерминизм как «относительная необходимость» и типы детерминации** 75
1. Переход возможности в действительность. Каузальная детерминация . . . . . —
2. Кондициональная детерминация и случайность . . 81
3. Функциональная детерминация и корреляция . . . 89
4. Инспирирующая детерминация (инспирация) . . . 93
5. Системная детерминация и управление 98

Глава IV. **Мировоззренческий смысл индетерминизма и метафизического детерминизма** 109
1. Кондиционализм как основание позитивизма . . . 110
2. «Плюрализм» детерминизма и «плюральность» мировоззрения 115
3. «Панкаузализм» и субъективный идеализм . . . 122
4. Индетерминизм и метафизика против науки . . . 130

Глава V. **Концепция социальной детерминации — важнейшая теоретическая основа научного, коммунистического мировоззрения** 146
1. Детерминизм как научная основа познания необходимости общественного развития 147
2. Партийность мировоззрения и детерминистские взгляды 166
3. Методологическая роль детерминизма в формировании научного, коммунистического мировоззрения . . 182

Список цитируемой литературы 195

Огородников В. П.

О-39 Познание необходимости: Детерминизм как принцип науч. мировоззрения. — М.: Мысль, 1985. — 206 с.

1 р. 10 к.

Исследуется коммунистическое мировоззрение как целостная развивающаяся система, стержнем которой выступает диалектико-материалистическая концепция детерминизма. Значительное внимание уделено анализу формирования коммунистического мировоззрения, рассмотрению объективных и субъективных факторов, обусловливающих этот процесс.

Для преподавателей-обществоведов, аспирантов философских факультетов и отделений университетов, слушателей университетов марксизма-ленинизма.

О $\frac{0302020000-039}{004(01)-85}$ 21-85

ББК 15.1
1М

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ
ОГОРОДНИКОВ

ПОЗНАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ

Детерминизм как принцип научного мировоззрения

Заведующий редакцией Ю. И. Аверьянов
Редактор И. Б. Чистякова
Младший редактор Л. М. Михайлова
Оформление художника Ф. Миллера
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор З. Н. Смирнова

ИБ 2577

Сдано в набор 10.08.84. Подписано в печать 30.11.84. А 10104. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага для глубок. печати. Литерат. гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 10,92. Усл. кр.-отт. 11,25. Учетно-издательских листов 11,98. Тираж 9000 экз. Заказ № 1031. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

1 р. 10 к.

БИБЛИОТЕКА ПОЗНАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ